АЗБУКА ВЕРЫ

Анастасия Рахлина

В руки Твои, Господи

Художественная литература · azbyka.ru

В руки Твои, Господи – электронная книга православного портала «Азбука веры».

Читайте эту и тысячи других книг бесплатно: azbyka.ru/fiction/v-ruki-tvoi-gospodi

«Азбука веры» – некоммерческий просветительский проект. Мы бесплатно открываем людям сокровищницу православной веры и лучшие книги русской и мировой литературы. Если книга оказалась для вас полезной, поддержите портал: azbyka.ru/kak-pomoch

В руки Твои, Господи

Анастасия Рахлина

По благословению архиепископа Пятигорского и Черкесского Феофилакта

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви

Эта книга написана на основе воспоминаний об священнике Игоре Розине, убитом 13 мая 2001 года, в день памяти святителя Игнатия (Брянчанинова), епископа Кавказского, на Северном Кавказе, в городе Тырныаузе, в храме святого Георгия Победоносца, первым настоятелем которого он был. Зная об опасности, которая ему грозила, батюшка смиренно принял смерть. Его последними словами стала молитва, которую мы произносим каждый день, а он исполнил на деле: «В руки Твои, Господи, предаю дух мой».

«Смерть уничтожена, и впереди вечность»

«Не стоит село без праведника, а город без святого», – говорит русская пословица. Не все из этих угодников Божиих прославлены Церковью и даже просто известны людям. Святость жизни человека всегда продолжается в памяти о нем и почитании народа. Книга, которую вы держите в руках, пример такого почитания.

Она посвящена жизненному пути христианина как пути подражания Самому Христу. За недолгое время служения отца Игоря его успели полюбить прихожане города, где очень многие его хорошо знали. Как спасателя, семьянина, просто хорошего и доброго человека. Спасатель жизней стал спасателем душ для Царства Небесного. Самого священника Игоря Розина Господь призвал к Себе через трагическую смерть.

Книга составлена из воспоминаний, впечатлений и наполнена искренней верой и горячей любовью, которую отец Игорь сумел вложить в сердца своих прихожан.

Для каждого из читателей этой книги, как и для любого из нас, повествование об отце Игоре Розине – еще одно свидетельство того, что следование за Христом возможно и в наше время. Что подвижничество осталось тем же, что и в первые века жизни Церкви.

Как и первых христиан, нас утешает знание о том, что Господь победил смерть Своим Воскресением. Смерть уничтожена, и впереди вечность. Верю, что в этой вечности отец Игорь молится о нас, живущих на благословенном Кавказе.

Молюсь об упокоении убиенного иерея Игоря и желаю всем читателям сохранять в себе веру и любовь, которой наполнена эта книга.

Архиепископ Пятигорский и Черкесский Феофилакт.

От автора

Прежде, чем вы начнете читать, я бы хотела сказать кое-что важное.

Все мы, к кому отец Игорь Розин так или иначе прикоснулся, верим, что придет время, когда земная Церковь прославит его в лике святых Христовых мучеников.

Я не знала отца Игоря Розина при его жизни и писала, основываясь на воспоминаниях других людей – поэтому прошу заранее простить меня тех, кто запомнил какие-то детали не совсем так, как нам о них рассказали.

Также я хочу сказать, что моей воли в том, чтобы написать эту книгу, не было, – из цепи случайных событий выстроилась закономерность, завершившаяся такими благословениями, которым мне нечего было противопоставить, кроме опасений не справиться, а их благословениям не противопоставляют.

Еще я бы хотела поблагодарить всех соавторов – то есть тех, кто щедро поделился с нами своими воспоминаниями, и в первую очередь – иеромонаха Игоря (Васильева), нынешнего настоятеля храма св. Георгия в Тырныаузе. Духовное чадо о. Игоря Розина, иеромонах Игорь сменил его на этом посту по воле Божией, открывшейся через благословение владыки Гедеона, митрополита Ставропольского и Кавказского, принять постриг с тем же именем, что и убиенный и, став священником, продолжить служение на его месте.

«Одного Игоря убили – вот вам другой», – сказал тогда владыка, сам родившийся и большую часть жизни прослуживший на Кавказе.

Возможно, кому-то из героев этой книги не понравится, как выглядит он или кто-то из его знакомых в ситуации, объясняющей нечто важное об отце Игоре. Прошу простить меня и за это. На самом деле, если рассуждать по-человечески, даже апостолы несколько раз оказывались не на высоте. Так что если бы они были людьми вроде нас, то Петр мог бы запросто обратиться к евангелистам: послушай, убери про то, как я от Него отрекся, зачем ты это про меня написал?

Но Евангелие не меряет человеческими мерками и учит нас именно этому – ставить в центр Христа, а не себя самих.

Начиная эту работу, я написала об этом Нине Александровне Павловой, автору «Пасхи Красной». Привожу ее ответ, ставший для меня еще одним благословением: «Настенька, с удовольствием прочитала ваши статьи об о. Игоре Розине. И почему-то подумалось: он, как и наши Оптинские новомученики, был богатырской породы – мастер спорта. Он мог, как о. Василий, о.Трофим, о. Ферапонт и как прп. Серафим Саровский, заломать убийцу…

Книгу о нем обязательно напишите. В свое время пыталась хоть что-то разузнать о нем, но публикаций было мало. Заранее сочувствую вам: документалистика – это настолько трудно, что второй раз за “Пасху красную” я бы не взялась. Если позволите, один маленький совет – художникам свойственно рисовать апельсин на синем фоне, чтобы подчеркнуть его оранжевый цвет. А у нас святых пишут в безвоздушном пространстве, а надо бы – портрет на фоне эпохи».

Так я и сделала, прибавив к нашей эпохе еще несколько эпох, но, хотя в этой книге есть множество страниц, посвященных истории, она вовсе не претендует на то, чтобы быть чем-то вроде научного труда.

Хотелось бы сказать и несколько слов о том, чем может быть полезна для чьего-либо спасения эта попытка жизнеописания священника, которого уже давно нет на этом свете.

Многие из нас, современных христиан, – особенно те, что живут в больших городах, – и я первая из них, – пытаются сочетать несочетаемое: жизнь во Христе и крепкую любовь к тому, чтобы приятно проводить время.

Нам часто кажется, что можно спастись с комфортом, то есть, ничего в своей жизни особенно

не меняя, разве что на время поста обычное молоко – на соевое. Еще сходить пару раз в месяц в храм, украдкой поглядывая на часы даже во время самой короткой службы.

Но если присмотреться к себе повнимательней, увидишь: на самом деле при таком подходе в центре твоей жизни стоишь ты сам, а не Христос.

Я изо всех сил стараюсь сделать так, чтобы мне было *удобно* быть со Христом, – пойти на службу, когда я *могу* (завтра не получится, мне нужно быть в ЖЭКе), поститься так, чтобы еда была вкусной, и поехать в паломничество в купейном вагоне (а то в плацкартном не высплюсь, а с утра нужно хорошо соображать).

Чего только не придумаешь, чтобы оправдать свою любовь к комфорту, отводя вере место хобби и предлагая Богу довольствоваться моим *свободным временем,* оставшимся от других, куда более «важных» дел.

Но если я и стараюсь хоть капельку подвизаться, выходит еще хуже. Держа себя чуть строже, чем «другие», я тут же начинаю утопать в превозношении и осуждать всех подряд, кто, по моему мнению, делает слишком мало; и даже не могу разглядеть в себе это осуждение, потому что враг, заходя «справа», выдает его за «ревность о Боге» или за сердечное переживание о ближних. А я с радостью съедаю эту приманку: ну понятно, кто же я еще, как не ревнитель веры?

Я не могу уподобиться даже фарисею, потому что тот хотя бы благодарил Господа за свои «заслуги», а я и на это не способна, и как только заведется у меня подобие чего-то хорошего, я тут же приписываю это себе.

Не далее, как сегодня, проспав до девяти, я начала утреннее правило, и где только не бродил мой ум, каких нанесенных обид не вспомнил, как себя не превознес, пока глаза и *уста* читали слова молитв.

Приближаются ко Мне люди сии устами своими и чтут Меня языком, сердце же их далеко отстоит от Меня (Мф.15:18).

И даже этот, можно сказать, окрик с небес меня не пугает – я представитель «комфортного» христианства, готовый сделать себе все послабления, в которых я отказываю другим, потому что я и так *делаю, что могу*. Но, к сожалению, вовсе не то, чего ждет от меня Христос.

Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю, – говорит апостол Павел. – *Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Окаянный я человек: кто мя избавит от тела смерти сея* (Рим.7, 15.19.24).

Сегодня можно часто услышать, что время подвигов прошло.

«Конечно, в наше время стало намного меньше христиан, сердце которых горит о Христе, о соблюдении Его заповедей. Все тяжелее найти такие примеры, и многие из тех, кто искренне ищет Бога, даже не знают, чтó представляет собой та настоящая христианская позиция, в силу которой человек может жить во Христе, страдать вместе с Ним и приобщаться той чудесной и Божественной жизни, к которой мы призваны уже здесь, на земле, – писал румынский церковный писатель Михай Кристя. – Так будем учиться у исповедников Христовых, в которых никогда не было недостатка в течение всех веков, от первого мученика – святого архидиакона Стефана, – вплоть до наших дней. Следуя им, мы следуем Самому Христу и живем во Христе. Ибо, только уподобляясь им, мы можем открыть для себя сладость благодати, которой приобщались святые мученики, и в силу которой они любое гонение встречали с радостью и на

любое мучение смотрели как на случай к спасению».

Вот это и есть цель написания этой книги – увидеть, что и сегодня, в нашем, XXI веке, так же, как и в первые времена христианства, человек, если захочет и приложит волю, с помощью Божией способен идти за Христом до конца.

Тот день

В тот день красивая девушка Женя, папина гордость, с годами все больше походившая на отца, каталась с подругой в Приэльбрусье на лыжах.

Вообще-то она должна была быть совсем в другом месте – не в горах, а внизу, в городе Тырныаузе, в храме: было воскресение, 13 мая, день памяти святителя Игнатия Брянчанинова, епископа Кавказского, особенно почитаемого ее отцом-священником. Он служил сегодня Божественную литургию, но Женя на службу не поехала – сама толком не могла объяснить, почему. Просто так. Все хотели, чтобы она поехала, и она знала, что должна, а она вот взяла и сделала наоборот.

Вся Женина семья в тот день была в храме, только она – на горе. Впрочем, сожалеть об этом уже не имело смысла – служба наверняка закончилась.

Тем временем прихожанка Мария, которую только что причастил на дому, приехав к ней после литургии, отец Игорь (а Мария лежала дома после инфаркта), думала вот о чем: что ничем его не угостила. Батюшка был как родной – они соседствовали по даче с середины 90-х, еще с тех времен, когда он и батюшкой-то не был, а только ездил по воскресениям и в церковные праздники (в которых Мария тогда не особо разбиралась) на старенькой машине, битком набитой детьми (у Розиных их было пятеро), в храм. Ближайший располагался в ста с лишним километрах, – в городе Баксане, бывшей казачьей станице. Ни в высокогорном поселке Терскол, где жили Розины, ни в лежащем чуть ниже городе Тырныаузе, построенном уже в советские годы, где жила Мария, церквей не было никогда.

Звал сосед в храм и ее, но Мария от предложенных поездок отказывалась – дел по горло – однако, когда в Тырныауз приезжал батюшка, присланный из Нальчика (что случалось нечасто, обычно раз в месяц), на службы ходила. Сложившаяся после «перестройки» маленькая община собиралась в выделенной городскими властями комнате женского общежития. Служили в основном молебны.

Несмотря на неблагочестивые отказы и, как говорили близко знавшие Игоря люди, его тяжелый характер, у Марии с Розиными были очень теплые отношения. Она все пыталась по-дачному угостить чем-нибудь вкусненьким детей и хорошо запомнила, как те стоически отказывались: «Мы не можем, у нас пост!» Запомнила и как однажды соседка Катя, подойдя к общему забору, сказала, что завтра в их городе будет служба, и Мария переспросила – батюшка, что ли, какой приехал из Нальчика или из Баксана? «Нет, – сказала соседка, – не приехал, а мой Игорь стал батюшкой», – и, услышав такое, Мария выскочила за калитку, и они обнялись с теперь уже не просто Катей, а матушкой Екатериной, и плакали от радости, и смеялись, и даже вроде бы прыгали.

А теперь батюшка уходил от Марии невыносимо грустный. Сказал непонятное, – с тяжелым сердцем сказал, с болью: «Моли́тесь за меня, Мария! Вы не мо́литесь за меня!» «Как же, – всполошилась она, – я молюсь, и на утренних молитвах поминаю, и на вечерних, и на Псалтири, и в записочках пишу!» Но он ответил все с той же тугой: «Вы не мо́литесь за меня, Мария!»

И, спускаясь по лестнице, вдруг оглянулся, окатил синевой из невозможно-невозможно печальных, пронзительных каких-то глаз, – у нее даже в груди защемило. Этот взгляд она запомнит навсегда.

С трудом доковыляв до окна, Мария смотрела, как отец Игорь садится в машину и думала, что нужно будет, когда она поправится, и приедут в гости внуки, пригласить в гости батюшку и загладить сегодняшнее – наготовить всего повкуснее.

А свечница Валентина тем временем немножко сердилась, что никак не может уйти из храма домой, и вот теперь еще принесло эту Свету с ее свечами, – ходи с ней от подсвечника к подсвечнику, ставь: Света сама ничего не понимала и требовала сопровождения. А Валентина уже закончила уборку, и взяла было сумку, и вознамерилась запереть их маленький храмик, но сперва пришел этот молодой балкарец – руки в карманы, батюшку ему подавай, – а теперь вот еще и Светлана.

Валентину нисколько не удивило, что балкарец – то есть, скорее всего, мусульманин, – спрашивал батюшку. Такое бывало: кто к нему только ни приходил с разговорами, и на всех у него находилось время, – «свои» даже порой ревновали. Валентина как-то не выдержала и наскочила на батюшку: «На каждого бомжа у тебя время найдется, не то, что на нас!» А он ей ответил, как обычно отвечал, когда она, бывало, раскипятится: «Угомонись, Валентина!» и обнял за плечи. Любил ее, несмотря на ее воинственный характер, – а может, и не «несмотря», а вот прямо за него и любил: горячее сердце, отважное. И Валентина сразу угомонилась.

Так что гость ее нисколько не насторожил – она даже направила его в батюшкину квартирку, располагавшуюся в доме, стоящем впритык к храму. Город выделил ее храму, и Розины стали в ней ночевать, приезжая из Терскола на службы – не наездишься туда-обратно за сорок километров.

Сейчас батюшки в квартире не было – он отправился причащать Марию. Не было и матушки – сразу после службы она уехала на работу, в горы, на метеостанцию «Чегет». Зато была Лена Горохова, друг семьи Розиных, вместе с маленьким сыном Васей жившая в их доме в Терсколе и часто возившая на службы все шумное семейство на своем красном джипе. Вот, наверное, и сейчас она с батюшкиными детьми – Ильей и Сашей – пила чай в ожидании отца Игоря.

И Валентина сказала тому парню идти к ним – покормят. Но он не пошел. «Постеснялся, наверное, или нет там никого», – решила Валентина, завидев, что он трется на улице возле храма. И даже хотела пойти спросить, но тут пришла Светлана, и Валентина осталась, где была – никак ей сегодня из храма не выйти, ну как будто не выпускали. А еще она почему-то ужасно нервничала, почему – сама не понимала, никогда с ней такого не было. Вот-вот должен был подъехать батюшка. «Скорей бы», – думала она.

Тем временем пономарь Андрей, возвращавшийся домой после службы, думал вот о чем: отец Игорь, который во всех смыслах заменил ему отца (родители Андрея совершенно неожиданно, один за другим, умерли примерно за полтора года до этого), в последнее время очень скорбел. Это началось еще осенью, когда погиб девятилетний сын батюшки, которого тоже звали Андреем. И вот с той поры отец Игорь очень переменился, – словно получил в этой смерти некий секретный знак от Бога. И жил теперь словно уже не здесь.

Были и другие знаки, от людей – и очень даже понятные. На требы[1] отец Игорь ходил всегда в подряснике, несмотря на то, что в их северокавказском городе можно было попасть из-за этого в очень непростую ситуацию. Не у всех местных жителей подрясник вызывал уважение – в те годы скорее наоборот. Недавно ему в спину из стоящей у обочины машины донеслось:

«Взять бы тебя, поп, за косичку и голову тебе отрезать». А потом к «жигулям» отца Игоря подбросили убитую собаку. Нетрудно было догадаться, что это означало в местных реалиях: если ты отсюда не уберешься, как с этой собакой, так и с тобой поступим.

Но отец Игорь не боялся, напротив: готовился, ждал. Звучит это, конечно, безумно: почему, например, в милицию не пошел? Но… *Мы проповедуем Христа распятого – иудеям соблазн, эллинам безумие* (1Кор.1:23): к тому моменту он уже давно жил в другой системе координат. Дмитрий Чуйгук, его сосед по Терскол у, это очень хорошо запомнил.

Однажды у них вышел разговор на эту тему. У многих местных, и балкарцев, и кабардинцев, подогреваемых ваххабитами, чье влияние все больше ощущалось в этих горах, в 90-х переменилось отношение даже к старым знакомым. Разные бывали случаи в Терскол е – и оскорбить могли, и вот просто во двор зайти и взять то, что приглянулось, то ли действительно позарившись на чужое добро, то ли провоцируя на открытые конфликты.

«Смотри, что кругом творится! – сказал соседу обстоятельный и серьезный Дима. – А ты ведь священник, ты на виду. Люди вообще еще к вере не приобщились, у них своего ничего нету. Опасно очень. Ты побеспокойся, чтобы как-то обезопасить себя».

«Я об этом тоже все время думаю, – даже и угрозы были», – ответил батюшка. Дима про угрозы впервые слышал и не на шутку разволновался: власти тогда ничего не могли сделать для того, чтобы изменить обстановку в регионе, где русские оказались в положении бесправном и, можно сказать, беззащитном; и принялся внушать отцу Игорю, что следует быть осторожнее.

«А как быть осторожнее? – ответил тогда Диме отец Игорь. – Вон, в Писании сказано: *никто зажегши свечу, не покрывает ее сосудом* (Лк.8:16). На все воля Божия. Если я встал на это место, я не могу по-другому. Угрозы были, и не раз, и не два, – вот четыре дня назад были угрозы».

Дима – простая душа – аж подпрыгнул: так ведь надо что-то делать!

«А ничего не сделаешь. Я не могу. Я священник – не могу прятаться. Должен служить, нести свет и слово Божие, проповедовать. Бог управит. Только от Него все зависит».

«Единственное, – сказал, – чего боюсь, что как мужчина не смогу не защищаться». Все-таки он физически очень сильный человек был – и отважный: спасатель, каких мало, командир Эльбрусского отряда, альпинист, мастер спорта. Это точные его слова были: «Боюсь, что не смогу принять смерть со смирением. Принять волю Божию».

И вот, зная, что смерть его, в буквальном смысле, не за горами, батюшка готовил себя и скорбел смертельно.

Тяжесть его скорби прихожане ощущали физически, но вот сегодня за службой батюшку, наконец, отпустило, – после того, как он причастился Святых Христовых Тайн. Пономарь Андрей это прямо почувствовал. Об этом он и думал, звонкими майскими дворами подходя к дому, – а день был такой хороший, солнечный, ясный.

После потребления Святых Даров священнику подают воду, чтобы тот умыл руки – и вот сегодня, подавая ее, Андрей попросил у отца Игоря прощения: «Простите, батюшка, я очень досаждаю вам». «Нет-нет, – услышал в ответ, – что ты, мне не в чем тебя прощать, наоборот, все хорошо. Все хорошо. Иди сегодня после службы домой».

Последнее было необычно: батюшка всегда брал Андрея на требы. «Учись, – говорил, –

запоминай, потом в семинарию поступишь». «Да куда почти в тридцать лет в семинарию – людей смешить», – отнекивался Андрей. А сегодня вот почему-то батюшка его с собой не взял. На этой мысли Андрей дошел до дома и вставил ключ в замочную скважину.

Тем временем – или чуть попозже – «жигули» отца Игоря подъехали к храму. Дверца хлопнула – батюшка вышел из машины. Помимо спортивной сумки, с которой он обычно ездил на требы, отец Игорь держал в руках пакет с аудиокассетами, на которых были записаны проповеди протоиерея Александра Шаргунова. Эти кассеты на днях привезли для алтарника Андрея, но батюшка сказал, что сперва он сам послушает – они тут, вдалеке от столицы, мало знали московские имена.

Отец Игорь зашел в храм. Первым делом он направился в алтарь, положить на престол дароносицу[2].

Тут возможна некоторая нечеткость в последовательности событий. Зашел ли в этот момент в храм давешний парень? Ждал ли отца Игоря в мерцающей полутьме, среди неярко горящих лампад? Или батюшка позвал его, когда уже вышел из алтаря? Валентина только помнит, что руки пришедший держал в карманах – и она очень вежливо, «даже ласково», как она потом говорила, попросила руки в церкви так не держать. Тот не стал спорить, вынул.

Батюшка пригласил гостя в пономарку – маленькую комнатку, вплотную примыкавшую к алтарю. Вход в нее был из храма.

Это тоже было необычно: отец Игорь всегда беседовал с посетителями в притворе, сидя на скамеечке. И Валентинино беспокойство достигло верхнего предела: зачем батюшка его в пономарку-то повел?! Прямо плохо стало Валентине от этого беспокойства.

А Женя все еще каталась в горах на лыжах. Все было хорошо, – и сверкающий снег, и солнечная погода, – но вдруг Женя, отличная лыжница, папина ученица, начала падать, – раз за разом, на ровном месте, кубарем. Она падала и не могла понять, в чем дело. Эти падения Женя запомнит на всю жизнь, когда, сопоставив, поймет, в какой момент они происходили.

А Валентина думала только об одном – поскорее бы ушел этот парень. Она слышала, как батюшка сказал ему: «Садись!» Немножко времени прошло, она задумалась, но вдруг громкий звук вывел ее из оцепенения. Она вскинулась и в приоткрытую дверь помонарки увидела, как падает отец Игорь. Тот парень стоял над ним с ножом.

Это было непонятно. Это было невозможно. Она закричала «батюшка!» и ринулась к ним через храм.

Дверь пономарки открывалась вовнутрь, – и вот она толкала, толкала, эту дверь, и повторяла: «Что тебе нужно от нашего батюшки, оставь батюшку в покое, уходи!» Она не понимала, что батюшку убивают. Не хотела понять того, что перед ней происходило.

Тот человек нагибался к батюшке и бил его ножом. А Валентина снова толкала дверь, и, наконец, закричала – от бессилия. Страшно, так громко, как только могла.

И тогда убийца обернулся к ней с ножом, с которого уже стекала святая кровь – кровь отца Игоря, перемешанная с Кровью Господа: ведь батюшка всего час назад причастился Святых Христовых Тайн.

Валентина смотрела на кровь и ничего не могла сделать. Ничего. Ничего в руках не было, ничем она батюшке помочь не могла. Сколько это длилось, она не помнит.

Помнит только, что отец Игорь все-таки выстоял и не сопротивлялся. Хотя он бы этого парня в узел завязал, если бы захотел. Но нет, – смог батюшка, выдержал, Господь укрепил Своей благодатью, и отец Игорь принял самое трудное, самое страшное со смирением.

Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать, ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас (Мф.10:19. 20).

Когда, наконец, тот человек отошел от истекающего кровью священника и двинулся на Валентину, она увидела, как отец Игорь поднимает правую руку, чтобы сотворить крестное знамение, и услышала его последнее слово: «В руце Твои, Господи, предаю душу мою»…

Теперь этот парень шел на нее, она отступала, пятясь, – сзади был алтарь. Странно, но она была совершенно спокойна. Смотрела на нож с бороздкой для стока крови посредине и не боялась, – совсем. Парень – она упорно, рассказывая все это, называет его «парнем», – тоже был спокоен.

Она подумала, что сейчас он ее убьет, и почему-то сказала, показывая рукой куда-то в сторону: «У меня там куча детей».

Но Валентина была ему не нужна: он пришел убивать священника. Постояв возле нее, как в столбняке, еще какое-то мгновенье, он повернулся и побежал, медленно, будто не особо и торопился.

Она бросилась к батюшке – тот лежал тихо. Кинулась за парнем – выбежала на улицу, кричала: что убили батюшку, что батюшке нужна помощь… Говорила потом, что «парень бежал как бес» – и показывала: вот так, согнувшись.

Рванулась к дому – в той квартире, куда она давеча направляла «гостя», была только девочка Ира, крестница отца Игоря: Лена Горохова и батюшкин сын Илья уехали, как потом оказалось, на рынок. И тут у нее кончились разом все силы. Валентина осела на землю. Появились какие-то люди. Кто-то отвел ее в храм. Забегали.

Кто-то звонил в «неотложку», не мог дозвониться, – то номер «срывался», то было занято, – как в кошмарном сне, когда почему-то не выходит какое-то простейшей действие, и ты все повторяешь и повторяешь его, наполняясь ужасом, пока не проснешься, с облегчением осознавая, что черная дыра, в которую начало затягивать твой мир, тебе приснилась. Но тут все было наяву – жутко, тягуче и на самом деле.

А Лена Горохова на своей красной машине тем временем подъезжала к дому. У Лены было хорошее настроение. Накануне у них с батюшкой вышло какое-то нестроение, и во время службы она все заглядывала ему в глаза, пытаясь понять, сердится он на нее или нет, и тоже хорошо запомнила, как батюшку отпустило: вначале у него был тяжелый взгляд, а потом, когда вышел причащать, переменился. И она с облегчением поняла, что можно выдохнуть: ничего, он не сердится.

А теперь им навстречу почему-то бежала батюшкина крестница Ира и кричала на всю улицу нечто невообразимое. «Батюшку убили! Батюшку убили», – кричала она.

Через минуту – нет, через секунду, – Лена уже была в церкви. Света – та, что пришла ставить свечи, – стояла в притворе. Лена на всю жизнь запомнит огромное цветовое пятно ее фиолетовой кофты. Валентина почему-то сидела на полу. «Где батюшка?!» Махнула: «Там!» Из принесенной кем-то для нуждающихся одежды (сумки так и остались стоять у входа) Лена

скрутила подушку, – подложить батюшке под голову, чтобы не захлебнулся кровью – видела, что уже сочится по подбородку. Илья под эту подушку подсовывал руки, клал голову отца к себе на колени. Тот еще жил, смотрел.

Метались люди. Наконец дозвонились в «скорую», пробившись через железный пунктир коротких гудков. «Мы не приедем, – сказали в трубке, – у вас поножовщина, милицию вызывайте».

Звонили в милицию, там тоже было занято, Лена кинулась на улицу, выбежала на дорогу, стала останавливать машины, они огибали ее, пока не подъехал экипаж ГАИ – эти затормозили. «Скорая отказывается ехать, вызывайте по рации, делайте же что-нибудь!» – кричала им Лена. Они вяло интересовались, «что случилось», наконец, зашли в храм, посмотрели на истекающего кровью священника, вышли в притвор и вызвали «скорую» по рации: «Здесь попа зарезали, приезжайте».

А для Андрея еще цвел какое-то время этот ясный праздничный день, пока телефон не зазвонил и у него в квартире.

Он снял трубку. В трубке рыдала Валентина.

Что она говорила, он сразу даже не смог разобрать. Или просто ум отказывался слышать. Андрей побежал в храм. Как мог, быстро – но все же медленнее, чем летело сердце.

И пока бежал, такое чувство было, что готов всех, – если действительно это так, если то, что он услышал, правда, – раскрошить, растерзать…

А когда прибежал, то увидел лежащего в крови отца Игоря, – только-только душа отошла.

Еще фельдшер, констатировавший смерть, не успел уехать, а глубокая тишина смерти уже накрыла храм. И все вдруг куда-то делись.

И он прильнул к руке своего отца с таким движением сердечным, что вот, батюшка Игорь, чего бы мне это ни стоило, но я ваше – наше! – дело здесь продолжу.

И Господь принял этот обет, потому что не прошло и трех недель, как пономарь Андрей чудесным – по-другому и не скажешь – образом стал иеромонахом Игорем и на сороковой день по смерти батюшки совершил первую службу на этом приходе.

А пока он, стоя на коленях, смотрел, как лежал в крови отец Игорь. Глаза у него закатились, вот точь-в-точь, как на иконе «Страждущий Спаситель», – у них была в алтаре такая. Крестик виднелся – кто-то, видно, расстегнул ему подрясник, и вот рубашка показалась, под нею тельняшка и крестик, – и пальцы его еще теплой руки были сложены в троеперстие… И все это… было очень красиво.

И вся злоба, клокотавшая в сердце Андрея, вдруг ушла, сменившись какой-то необычной радостью и чувством, что сейчас, почти на его глазах, произошло событие, подобное тем, о которых он читал в житиях и книгах.

Волна благодати, густой, как масло, наполняла церковь.

Андрей еще не знал, кто убил отца Игоря и зачем. Но вскоре это прояснилось, даже искать убийцу не пришлось. Он сам пришел в милицию. Сказал: «Я попа убил и теперь пойду в рай за это».

А Андрей тем временем собирал руками кровь, пролитую за Христа, запах которой он не забудет никогда. Особенный запах. Крови было пролито очень много – она бежала из-под отца Игоря по неровным полам и затекала под крещальную купель, стоявшую чуть ниже.

С тех пор прошло больше десяти лет. Келья иеромонаха Игоря располагается в той самой квартирке, которую занимал когда-то отец Игорь Розин. За окном – храм, в котором его убили. «В Священном Писании сказано: *Да и все почти по закону очищается кровью, и без пролития крови не бывает прощения* (Евр.9:22), – говорит иеромонах Игорь. – В древней Церкви, в первые века христианства, не было других святых, кроме мучеников – даже апостолы почти все закончили свою жизнь мученически».

Как сухие листья на древних надгробиях шелестят тихие слова.

«Кровь мучеников – это семя Церкви. Через нее все сеется. Не через мудрость, не через какие-то внешние дела, а именно через пролитие крови. С первых веков христианства места, насильственно захваченные бесами, освящаются через пролитие крови. И ущелье, и город, в котором служил отец Игорь, как раз одно из таких мест.

Литургия может совершаться только на мощах мученика. В антиминс зашивается частичка мощей не преподобного, не святителя, а именно мученика – свидетеля Истины. Переведенное на русский язык как “мученик” греческое “мартирос” дословно как раз и означает “свидетель”.

Вот и отец Игорь в наступившем третьем тысячелетии, – тоже свидетель Христов. Он засвидетельствовал преданность и любовь к Нему всей своей жизнью и пролитием крови, хотя мог этого избежать. Пролил кровь и освятил это место. Поэтому дьявол ярится, но не может приблизиться. Все ущелье освящено этой кровью, пролитой за Христа.

Кровь ведь именно за Христа пролита, – не за Отечество, не за семью, – за Христа.

С одной стороны, он духовно укрепил это место. А с другой, – показал, что и в сегодняшнее время есть люди, которые могут идти за Господом нашим Иисусом Христом до конца. До смерти».

Духовные права на Кавказ

Мы привыкли думать, что Северный Кавказ «всегда был исламским», – я и сама так недавно считала. Но как маленькая погрешность, вкравшаяся в расчеты проектировщика, неизбежно приводит к тому, что возведенное здание оказывается аварийным, так и это ошибочное мнение может привести к разрушительным последствиям. Если Северный Кавказ всегда был исламским, то в том, что здесь развивается исламский экстремизм, и многие русские готовы покинуть регион, нет ничего неправильного, – тем более что и окончательно присоединен к России Кавказ был совсем «недавно», и, заметьте, «не демократическим» путем. О следующем шаге таких рассуждений не стоит даже и говорить.

Между тем у христиан есть духовные права на Кавказ.

Свидетельства того, что местные жители в раннем средневековье – до крещения Руси – исповедовали православную веру, обнаруживались на Северном Кавказе еще в XVIII веке.

И даже самый древний действующий храм России находится не в Великом Новгороде или Владимире, как это логично было бы предположить, а именно здесь – на Северном Кавказе, в Нижнем Архызе.

Более чем за полвека до того, как, просвещенный святым равноапостольным князем Владимиром, Киев вошел в крещальную купель Днепра, на Северном Кавказе уже процветало православное государство – Алания, в 916 году принявшее Святое Крещение, как и Русь, напрямую от Византии. Сегодня мало кто помнит об этом.

Аланы были исконными жителями Северного Кавказа, его степей, предгорий и горных ущелий. Их прекрасная и весьма немаленькая страна простиралась там, где сейчас находятся Северная Осетия, Ингушетия и Чечня, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Ставропольский край и курорты Минеральных Вод.

Вот как писал об Алании ее поздний современник, византийский богослов Никифор Василаки[3]: «Там, у подножья высокого Кавказа, пасутся стада многих племен этого великого народа, который я бы назвал паствой Христовой, цветом скифов и первым плодом Кавказа. Они самый воинственный народ среди кавказцев; если ты посмотришь на их множество, то найдешь отвагу, которой нет нигде более; если ты заметишь их доблесть в бою, то ни во что не поставишь мириад врагов. Ибо иные народы выделяются множеством своих сил, а другие – храбростью и воинским умением, но этот победил их всех и служит только Христу. Ибо они были пленены Его всесвятыми словами и ныне славятся среди нас соблюдением обрядов и своим христианством, и рады называться слугами Христа, друзьями и союзниками христиан».

Двенадцатое столетие – последний век северокавказского православного государства, история которого, в отличие от Руси и соседней Грузии, оказалась совсем короткой: наступали времена страшных нашествий, сперва с языческого, а потом – и мусульманского Востока, под ударами которых Алания не устояла.

Первый из них – в 1222 году – наносят войска Чингисхана. Причина их успеха – предательство: кипчаки – народ, который мы знаем по русским летописям как половцев, воюет за аланов, но потом переходит на сторону монголов.

Поражение ужасно, но при этом оно – всего лишь увертюра. Настоящая беда, необратимая и вязкая, как смертельная болезнь, еще варится в смоляном котле Золотой Орды – где-то далеко, за горами и Великой степью.

Пролетят пятнадцать стремительных лет, и варево будет готово, и потекут по дну кавказских ущелий густые темные волны: тысячи всадников на маленьких лошадях приблизятся к здешним пределам, и стрелы, взметнувшись к солнцу, закрасят черным яркие синие небеса, и все погрузится в огонь и хаос.

А пока стареющий Чингисхан делит свою империю.

Самый дальний улус – Кипчакская степь, Хорезм, Крым и часть Кавказа, – достается самому старшему и нелюбимому сыну – Джучи. У отцовской немилости несколько возможных причин, в том числе и сомнения, действительно ли Джучи сын Чингисхана (его мать попадала в плен). Как было на самом деле, не узнаем никогда, но сын Джучи, несомненно, унаследовал таланты Чингиза. Именно он привел Орду на Русь: сына Джучи звали Батый.

Вот он, поворотный 1237 год, – роковая черта и русской, и кавказской истории. Ордынские степи содрогнулись от гула, в который сливается стук сотен тысяч копыт неутомимых маленьких монгольских лошадей, несущих своих страшных всадников на Запад. Это двинулись в свой Кипчакский (потом его назовут Великим Западным) поход неотвратимые чингизиды.

Их лошади пожирают пространства километр за километром, черная волна наползает на

русские земли, но древний летописец, в отличие от современных людей, не ищет экономических или политических причин бедствия и не задается вопросом «за что?» Ответ известен: «Бог попустил за грехи наши, пришел безбожный царь Батый на Русскую землю со многими воинами».

«Се лютая година наступила. Уже бяше Божьяго не противитися; недоумение бо и грозу, и страх, и трепет наведена ны за прегрешения наша… Приидоша языца незнаемая безбожныя моавитяне, рекомые татары».

Стремительно и неожиданно войско Батыя подходит к Рязани и встает на реке Воронеж. Великий князь Георгий шлет гонцов к соседу, с которым имел вражду, – суздальскому князю Юрию, с призывом объединиться. Тот, надменный, отвечает отказом. Дело плохо, силы и близко не равны. Великий князь направляет в ханскую ставку послов: тянет время или надеется, что договорятся.

Посольство возглавляет его сын – князь Феодор. Он везет дары, Батый их принимает, даже обещает отойти от Рязани, но вдруг требует немыслимого (вряд ли он всерьез полагал, что могут исполнить; скорее, просто резвился, зная, что все равно пойдет на город): привести к нему жен и дочерей послов, особо обозначив свой интерес к жене князя Феодора, княгине Евпраксии.

«Дай мне, княже, изведать красоту жены твоей», – через века доносит летопись его слова, прозвучавшие во вдруг онемевшей ханской ставке (забегая вперед, скажем: из посольства уцелел один человек – друг князя, надежный свидетель). В наступившей тишине только гудела, мыкаясь по стене, опасная оса, да хлопал на ветру над шатром ханский стяг.

Князь думал недолго: «Не годится нам, христианам, водить к тебе, нечестивому царю, жен своих на блуд. Когда нас одолеешь, тогда и женами нашими владеть будешь».

Князя усекли немедля, на месте, и тело его, истекавшее еще почти живой кровью, бросили в поля, на съедение дикому зверю. Та же участь постигла все посольство – кроме преданного друга и слуги князя Феодора, не уцелел ни один человек. Аполоница же, – так его звали, – отважно выкрав, как только поля затянуло теплым вечерним туманом, тело любимого князя, спрятал его в дупле и рванулся домой – предупреждать княгиню.

Относительно того, что было дальше, есть две версии – по одной, он прибыл в город, когда войска хана только сворачивали лагерь, по другой – когда уже стали видны с городских стен. Княгиня, выслушав его рассказ – а она держала на руках спящего сына, – прижимая к себе маленького Иоанна, шагнула вниз из окна башни. А иного пути у нее и не было – разве только в ханский шатер. Предание говорит, что делая последний шаг в своей жизни, она сказала: «Отче Николае, прими».

Святитель Николай, когда-то явившийся в тонком сне юному князю Феодору, пообещал небесный венец – и ему, и его семейству, и вот теперь исполнил: и князь, и княгиня[4] были прославлены в лике святых.

Эта история так впечатлила Александра Николаевича Грибоедова (чья жизнь и смерть были неразрывно связаны с Кавказом, – и с Северным, где он служил под началом генерала Ермолова, и с Южным, где упокоился телом), что он взялся написать трагедию «Федор Рязанский». Его собственная смерть перекликается со смертью князя, как две рифмы стихотворения[5]: оба они были посланниками своего Отечества и оба были убиты в схожих обстоятельствах, как христиане, исполняя свой святой долг. Впрочем, на Кавказ

«недемократических» времен Александра Грибоедова и Алексея Ермолова мы еще вернемся.

Итак, посольство князя Федора перебито, монголы берут Рязань и движутся дальше. Демон войны загибает пальцы: Москва, Тверь, Коломна, Торжок… Владимирская Русь повержена. Монголы поворачивают косматых лошадей на Кавказ – к Алании.

Кровь на вспотевшем лбу, сразу не поймешь, своя или чужая, пальцы намертво вцепились в поводья и черную гриву, – лошадь несется так, что голова кружится от встречного вращения Земли, и только тут осознаешь: это я – ранен, я – умираю!

Побежденное монголами, православное государство на Северном Кавказе вскоре перестает существовать. Христианская жизнь еще теплится, – люди молятся, на престолах храмов приносится Бескровная Жертва, совершается Евхаристия, – но христиане уже гонимы. Спасаясь от набегов степных людей, они забираются все выше в горы, вжимаются в скалы, рубят лестницы, цепляющиеся за обрывы и ведущие словно прямо на небо, а на самом деле – к невидимым снизу пещерным храмам.

Монголы – пока язычники, они не насаждают своей веры, довольствуясь материальной частью добычи. Но все изменится, когда на Кавказ придет Тамерлан.

Воспитанный у ног суфийских шейхов, этот темный гений Востока получил в главные духовные наставники Мир-Сейида Береке, потомка самого магометанского пророка.

Выросший под призывы муэдзинов, разом стряхивавшие сон в темной тишине южного утра, Тамерлан – строитель мусульманских городов и мечетей и разрушитель остального мира – потерпел поражение лишь однажды: от Пресвятой Богородицы, под Москвой.

Это было летом 1395 года, в самом конце. Тамерлан шел на Москву. Все знали, что входя в города, Тамерлан не щадит ни своих, ни чужих, ни детей, ни взрослых. Во́йска в городе было всего ничего, поражение казалось неминуемым, и трое суток почти обреченный город молился, постился и не закрывал двери своих храмов. Ждали Владимирскую икону Божией Матери – ее, заступницу, по благословению митрополита Киприана 10 дней несли крестным ходом из Владимира. Весь народ вышел на Кучково поле встречать Владычицу. Стояли на коленях, плакали, просили: Царица Небесная, заступи!

А хан тем временем задремал в своей ставке, – еще пригревало нежаркое солнце, и томительно клонился к вечеру короткий день, и привычно горели опаленные ветром скулы. Он смежил веки, казалось бы, на мгновенье, и увидел Некую Жену, плывшую по небу в лучезарном сиянии. Бесчисленные сонмы Воинов с горящими на вечернем солнце мечами окружали ее. Жена повелела ему уходить, и Тамерлан, который не боялся никого и ничего, был так напуган, что послушался и ушел, не взяв беззащитного города – по мнению светских историков, совершенно необъяснимо.

От стен Москвы он ринулся на Кавказ, и аланы в полной мере узнали, что такое его слепая ярость: сокрушенная Тамерланом в пыль, их страна больше не смогла подняться. Он ненавидел христианство, страстно и с удовольствием истребляя его. Как львы сражались аланы у стен своих храмов и уходили в небеса в сияющих доспехах, которые красила кровь и не пачкала земля.

В Баксанском ущелье, там, где река Кенделен впадает в змеистый Баксан, между современным селениями Заюково и Жанхотеко, лежит долина. Когда-то здесь, как и в Нижнем Архызе, стояли сложенные из серых камней, похожие на крепости храмы – окна у них маленькие и узкие, как бойницы, и расположены высоко. Обороняя эти храмы от воинов Тамерлана,

приняли бой и были разбиты горцы-аланы, – одни из самых последних. Остатки народа – женщины, дети, подростки, старики – уходили высоко в горы, надеясь укрыться.

На опустевших землях, выкошенных полированными клинками монгольских сабель, оседали кипчаки – древнее кочевое племя, перенесенное из степей к горам военной ордынской бурей.

Кипчаки и последние аланы, перемешавшись друг с другом, дали жизнь новым народам – карачаевцам и балкарцам, – но знают ли сегодняшние женщины в пуховых платках и длинных платьях, продающие у обочин дорог вязаные носки и мохнатые шапки, от какой они произошли ветви?

Кроме женщин и детей, на улицах балкарских селений больше никого днем и не увидишь: дома скрыты за заборами, за которыми нет-нет, да и мелькнет над кровлей металлический полумесяц со звездой.

Потомки православного народа говорят на тюркском языке, но и он не смог вытеснить до конца язык Истины – следы христианства как древние памятники видны между тюркских слов.

Июнь балкарцы называют «Никкол ай» – месяц Николая; июль – «Элия ай», месяц Илии; в слове, обозначающем церковь – «килиса» – сквозит греческая экклесия, и есть даже «Абыстол ай» – месяц апостола, хотя сами носители языка не всегда понимают, что означают эти названия и откуда они взялись.

Еще одно доказательство того, что Северный Кавказ знавал другие времена, лежит по другую сторону от Главного Кавказского хребта, как раз напротив Тырныауза: неприступная православная Сванетия, чьи древние храмы строились в IX веке. Огражденная с одной стороны Главным Кавказским хребтом, а с другой Сванетским, эта вольная земля оказалась так и не взятой цитаделью, когда и с севера, и с юга сюда устремились завоеватели-иноверцы. Шторм, бушевавший у Кавказского хребта, не перевалил через него: разбился об этот гигантский волнорез и осел завихрениями волн в сужавшихся и уходящих в облака ущельях.

Город на дне ущелья

Кроме как через Тырныауз, – небольшой городок, узкой лентой тянущийся по дну Баксанского ущелья, – к подножию Эльбруса не проехать. За выездом из города автомобильная дорога поднимается вверх, пока не достигнет Терскола. Пробежав вдоль него, она взметнется вверх, попетляет поворотами и закончится на поляне Азау: выше – только по «канатке» или своим ходом.

Есть, правда, еще один путь – с севера, из Кисловодска, по горной дороге до оранжевых нарзанных источников урочища Джилы-су, выглядящих как иллюстрация к «Волшебнику изумрудного города», а оттуда – пешком до скал Ленца.

Так и ходили упрямые альпинисты, когда Баксанское ущелье было закрыто почти целый год, – с февраля по ноябрь 2011 года. Тогда в Тырныауз посторонним было не попасть: здесь действовал КТО – режим контртеррористической операции.

Его и сегодня, случается, объявляют, но ненадолго – на день–два, – и вот уже в новостях показывают сюжет, как нашли схрон со взрывчаткой или блиндаж на окраине Тырныауза, или взяли штурмом квартиру, в которой засели боевики.

Впрочем, вдали от Кавказа на такие сюжеты почти не обращают внимания – сегодня повсюду

происходит слишком много событий. Другое дело, когда живешь здесь.

Въезжающих в город встречает блокпост. БТР – настоящий, боевой, какие-то спецсооружения, обложенные мешками с песком. Опершись локтем на приклад висящего на груди автомата, курит военный в бронежилете. Как и у его сослуживцев, лицо офицера закрыто черной маской.

Когда мы попытались без разрешения сфотографировать военных на броне стоявшего в городе БТР, нас попросили удалить снимки. Местные говорят, что мы еще легко отделались. Эти меры понятны – так обеспечивается безопасность тех, от кого, скажем без лишнего пафоса, зависит покой этого городка.

Неподалеку от блокпоста, ближе к городу – пустая бетонная коробка бывшего поста ДПС, переехавшего под защиту автоматчиков после того, как пост был не раз обстрелян с гор невидимыми боевиками.

Но Божий мир остается неизменно прекрасным, как ни уродует его человек, – и есть места, где это особенно очевидно.

Глухая окраина России, брошенный город Тырныауз, тонущий в хаосе запустения с тех пор, как в 90-х был закрыт градообразующий вольфрамо-молибденовый горно-обогатительный комбинат, – как раз одно из таких мест.

Необычный, чуть сияющий воздух придает пейзажу ирреальность, – может быть, это вообще свойство гор, а может быть, – именно этого места.

Бархатные бока гор, рубленые скалы, седая вершина Тотура, сверху вниз смотрящего на Тырныауз, орлы, парящие в воздушных потоках, – в какой-то момент начинает казаться, будто въезжаешь в сказочную страну.

Меж тем сквозь дымку проступают прозаические огороды, широкой неровной лентой тянущиеся по склонам гор за сеткой-рабицей, секции которой иногда сменяются ржавой автомобильной дверью. Валяется мусор – пластиковые бутылки, пустые сигаретные пачки, какие-то тряпки. Бродят коровы, безо всяких сомнений выходящие на шоссе, когда этот путь кажется им наиболее удобным. Иногда их сопровождает всадник на низкорослой и неухоженной лошади. Иногда – пастух в автомобиле.

Балконы многоэтажек, выкрашенных в розовый цвет, плотно завешены сушащейся одеждой и выглядят по-деревенски.

Наконец обрывки ассоциаций складываются в мозаику – все вместе очень напоминает арабскую провинцию, а точнее – бедуинский район, особенно если вместо коров представить себе обследующих мусорные кучи верблюдов.

Справа от дороги виднеются остовы зданий – это бывшая обогатительная фабрика некогда знаменитого на весь Советский Союз Тырныаузского комбината, которому город, основанный в 30-х, обязан своим происхождением.

В первые советские годы учиться на горного инженера было все равно что в шестидесятые поступить в летное училище с мечтой о космонавтике – не романтика даже, а вдохновенное желание подвига, стремление послужить своей стране. Горных инженеров учили и в Северо-Кавказском индустриальном институте.

Одной из его выпускниц была Вера Флерова – девушка-символ тридцатых, красивая как

кинозвезда: карие глаза, темное каре волной, полосатая футболка. В 1934 году вместе с геологической экспедицией она приехала в те места, где сегодня находится Тырныауз, а тогда даже поселений никаких в округе не было.

Экспедиция искала молибденит и уже почти отчаялась найти, но, как это бывает в чудесных историях, все разрешилось едва ли не в последнюю минуту: уже собрались уезжать, на утро была запланирована еще одна съемка, последняя съемка; рассвело, и Вера отправилась намечать для нее точки. В каменной осыпи под ее ногами сверкнул на солнце металлическим блеском невзрачный серый обломок, а рядом – еще один. Она подняла камень, поскребла ногтем серую, с голубоватым отливом, полоску. На пальцах остался след. Это был итог многолетних поисков – свершилось, Вера нашла молибденит!

Находка была стратегически важной: советским танкам требовалась прочная броня, а сталь укрепляют молибденом. И не было человека во вскоре построенном Тырныаузе, который не знал бы, кто такая Вера Флерова – первооткрывательница, героиня, нашедшая камни, которые легли в основание города-комбината.

Впереди у города было несколько десятков счастливых и героических лет, но сама Вера прожила недолго. В октябре 1936 года знаменитый местный ветер (он часто дует в ущелье так, словно хочет выдуть все, оставив гладеньким, без домов, людей и деревьев) перевернул навесной мост через Баксан, по которому шла Вера, и река не отдала ее живою.

А основанный благодаря ее находке Тырныауз рос. Всесоюзная перепись населения 1939 года указывает, что в поселке живут три с половиной тысячи человек, – не считая, разумеется, ЗК: их переписи не учитывали.

Одновременно с советскими энтузиастами, – такими, как Вера и ее муж Борис Орлов – на разработке шахт и строительстве города работали и заключенные, – сначала просто ГУЛАГа, потом – организованного в феврале 1941-го Тырныаузстроя.

А дальше была война, – и в 1942 году, перед оккупацией, комбинат частично взорвали, потом отстроили заново, но труд зека, как и по всей стране, здесь использовали до 1952-го.

После смерти Сталина ветер переменился: следующая Всесоюзная перепись, 1959 года, указывает почти тринадцать тысяч жителей, и это – уже совсем другие люди: специалисты, съезжавшиеся в молодой город со всего Советского Союза.

В бравурных маршах кинохроник конца 50-х не увидишь изможденных небритых лиц. Напротив, – образцово-показательным советским счастьем здесь лучится каждый кадр.

Трепещут тени майской листвы на тротуарах чистенького Эльбрусского проспекта, застроенного аккуратными двухэтажными домами, ученицы в белых фартуках окружили добрую учительницу и неспешно идут вдоль школьной ограды, пляшут на открытии Дома культуры озорные девчата в кокошниках и лихие кабардинцы в черкесках. Шахтеры добывают стране молибден, крупный пот выступает на лбу, они работают упоенно, а вечером торопятся в новый Дом культуры – кто на лекцию, кто в шахматный кружок, а кто и на танцы.

В горных шахтах кипит работа, по высоченным склонам, как по гигантскому муравейнику, снуют вверх-вниз огромные машины, доставляя руду на обогатительный комбинат.

Почти идеальный мир, еще лишенный заметных глазу трещин: советский безбожный «рай», счастливый город энтузиастов, где в 1956 году и родился главный герой нашего повествования – Игорь Розин. Его папа работал инженером на шахте, а мама, от которой он унаследовал

абсолютный слух и красивый голос, – в музыкальной школе. Родители мальчика были атеистами, – как, наверное, почти все в этом городе, за исключением разве что нескольких тайных христиан и мусульман.

Сегодня в здании Дома культуры, праздничное открытие которого запечатлели кадры кинохроники 50-х, находится мечеть. Приходу в честь святого великомученика Георгия Победоносца досталось помещение похуже, – бывшая бактериологическая лаборатория, единственный сохранившийся в городе барак, из самых первых, выстроенных еще в конце тридцатых.

Но отец Игорь на это не жаловался, наоборот, говорил, хорошее здание дали: «На виду, любой может зайти, поставить свечку, помолиться за близких. И что только свечку поставить, а не на службу – тоже хорошо: намного лучше, чем вообще ничего». Он вообще никогда не роптал и не жаловался, а ведь можно было. Ни окон, ни дверей, ни полов, – храм, открывшийся в 1999-м, помещался в маленькой комнатке домика, с превеликими усилиями отремонтированного общиной.

Есть фотография, на которой отец Игорь Розин вместе с благочинным, отцом Леонидом и его дочкой запечатлен на фоне первого в истории Тырныауза храма. За их спинами – обледеневшее металлическое крыльцо, выкрашенное голубой краской, такого же цвета косенькая дверь со сваренным из тонких труб самодельным крестом, окно, как в каком-нибудь сельмаге – со стрелами расходящейся решеткой и белой тюлевой занавеской, – и серая облупленная шершавая стена. «Храм» – очень крупно и как-то торжествующе написано на табличке. Отец Игорь слегка улыбается в усы. «Тырныауз, “кафедральный собор” отца Игоря», – гласит надпись на фото. Всю свою недолгую священническую жизнь – менее двух лет – он здесь и прослужил. Здесь его и убили.

Не так много осталось его фотографий, но если разложить их в хронологическом порядке, станет очевидной та разительная перемена, что произошла с человеком к концу его сорокапятилетней жизни. Впрочем, «разительная перемена» – из другого, мирского словаря ее первой, не православной, части. Ко второй, коротенькой, но такой прекрасной, подойдет совсем другое слово – преображение.

Дорога наверх

Отец Игорь вырос в Тырныаузе. В городе его детства – уютно, красиво и кажется, что навсегда безопасно. Детей – даже малышей – спокойно отпускают гулять одних: городок маленький, и продавщицы в магазинах чуть ли не по именам знают ребят, забегающих купить стакан томатного за десять копеек или фруктовое мороженое за шесть. Взрослые с удовольствием работают и получают за это хорошие деньги – на комбинате платят по 600–700 рублей в месяц, тогда как по всей стране в конце 60-х и 120 рублей считались большой зарплатой.

Прямой, как стрела, Эльбрусский проспект застроен аккуратными двухэтажными домами. Зелено. Прекрасная поликлиника, музыкальная школа.

Куда ни посмотри, везде, где достигает взгляд, увидишь горы, – они со всех сторон окружают город. Это редко где бывает – когда каждый день, прямо поверх домов, тебе сияет красота, и степенно проплывают в небе благородные золотые орлы, а не одни только голенастые вороны.

Горы – свидетели всей жизни, и в какой-то степени ее источник (в каждой семье – или инженеры, или шахтеры), и даже товарищи по играм: не нашлось бы, наверно, в Тырныаузе тех лет ни одного мальчишки, не бегавшего в окрестные горы играть – так высоко, как только

получалось забраться.

Шли ли дети в школу, носились ли во дворах, горы смотрели на них, а они смотрели на горы.

Но по-настоящему горы тронули сердце нашего героя, когда ему исполнилось десять лет. В тот год вместе с родителями он отправился в поход через перевал Главного Кавказского хребта – к Черному морю. Сегодня об этом, некогда оживленном туристическом маршруте, пролегавшем через перевалы Донгуз-Орун и выводившем к реке Накра на территории Грузии, напоминает лишь синяя и фиолетовая краска на камнях. Эти пятна, сегодня выглядящие так странно среди совсем уже дикой природы – знаки, которыми несколько десятилетий назад отмечали туристические тропы. Теперь по ней ходят только пограничники и изредка – паломники, отправляющиеся помолиться к поклонному кресту, высящемуся под перевалом.

А в 60-х – да и позже, вплоть до того, как в регионе стало неспокойно, – со всего Советского Союза люди приезжали в Приэльбрусье, чтобы пройти этим маршрутом: брали палатки и отправлялись в путь вместе с детьми.

Ночевка под открытым небом в кавказских горах – вот что стало первым поворотным моментом в жизни Игоря Розина.

Ночь в горах прекрасна так, что ее почти невозможно описать.

«Здесь другие цвета, другие краски. Небо ярко и прозрачно, в нем – лазурь, слитая с расплавленным золотом. В долине небо похоже на шатер, а среди вершин оно открывается, как бездна, опрокинутая над землей.

…Ночью горы словно пробуждаются от сна и ведут беседу с далекими звездами, рассказывая им о летописи земли, а звезды повествуют им о духовном небе, распростертом выше них», – пишет о горах современный грузинский подвижник, архимандрит Рафаил (Карелин).

Конечно, мы не знаем, что чувствовал той ночью десятилетний мальчик, глядя в разверстое над Кавказом ночное звездное небо. Возможно, он лежал на спине, закинув под голову руки, на спальнике, вынесенном из палатки заботливыми родителями, пока они сидели у костра, и может быть, пели что-то негромкое под гитару, и кидали в кастрюлю с кипятком сорванный днем чабрец, и пили чай, держа через оттянутый рукав свитера горячую металлическую кружку.

Все это гудело уютным родным фоном, а маленький Игорь смотрел в небо, где вспыхивали на секунды, чиркая по черному небу сверкающими хвостами падающие звезды, и именно в ту ночь случилось нечто, повлиявшее на всю его жизнь. Господь тронул его сердце красотой Своего мира, и Игорь полюбил горы, – по-особенному, навсегда.

Другой его детской любовью были собаки – наверное, все, но особенно – настоящие, большие, немножко пахнущие псиной, с привычкой вздыхать, опуская лобастую голову на крупные лапы. Тогда вообще по-другому любили собак – не как сейчас: они не были ни элементом декора, ни объектом жгучей сентиментальности.

Ах, эти фильмы далеких лет, черно-белая классика: подвиги, романтика, верный друг, не жалея лап спешащий на помощь в трудную минуту…

Польский телефильм «Четыре танкиста и собака» про экипаж Варшавской танковой бригады и немецкую овчарку с русской кличкой Шарик, – впервые показали у нас в 1966 году. Игорю тогда было десять лет. Улицы ощутимо пустели в часы, пока шла очередная серия. Еще был

фильм про колли, чьей кличкой – Лесси – называли, пока шел сериал, едва ли не каждую третью шотландскую овчарку в Советском Союзе.

Собаки непременно присутствуют и в воспоминаниях, и на семейных фото из детства Игоря. «Я видел, как он любил животных. У него была собака, он часто выходил с ней на улицу», – вспоминает Александр Савенко, сидя на лавочке у школы, директором которой он был не один десяток лет. Со школьного двора доносятся детские голоса, и если закрыть глаза, то можно на секундочку представить, что он по-прежнему молод, а там, во дворе, бегают и смеются его маленькая дочка и мальчик Игорь, учившийся с ней в одном классе. «Все время он гулял с собакой на поводке», – вглядывается в прошлое старый учитель.

Словно иллюстрируя его слова, на черно-белом фото долговязый мальчик в коротковатых брючках – видно, быстро рос – придерживает за ошейник такого же нескладного, как и он сам, щенка немецкой овчарки. У щенка – сосредоточенный взгляд и немного разъезжающиеся лапы.

Похожая картина рисуется в воспоминаниях Руслана Кокова, соседа и товарища детства: «Мы жили через дорогу. Когда были маленькие, собирались, играли в футбол. Он был очень надежный, хороший мальчик. Я плохого за ним ничего не помню, – никаких каверзных случаев, какие обычно бывают в детстве. Честно скажу: он не хулиган был. К животным очень хорошо относился. Можно сказать, – как к человеку. А когда подрос, у него интересы стали другие, – начал заниматься альпинизмом, ходить в “Альпклуб”».

На этом пути первым наставником Игоря стал Ахмат Тебердиев, альпинист и учитель физики, – Игорь перешел в десятый, выпускной класс, когда Ахмат начал работать в школе, где он учился.

«Доброжелательный, спокойный, уравновешенный парень, – перечисляет он достоинства ученика, – никаких выходок. Я вел кружок по физике. Игорь и еще один мальчик очень серьезно относились к учебе».

На занятиях решали задачи повышенной сложности, с элементами высшей математики. «Второй мальчик» стал ученым. Игорь тоже мог бы, уверен Ахмат, но у Бога были на него другие планы.

Его дорога к далекому священству – хотя скажи кто-то ему или родителям, что мальчик станет батюшкой, они бы, наверно, решили, что это не очень смешная шутка, – лежала через горы, где он учился жертвовать собой ради других.

«Я могу определенно сказать, что эгоисту в горах делать нечего. Альпинизм – коллективный вид спорта. Должна быть взаимовыручка, поддержка. Локоть. Когда идут в гору, связываются веревочкой. Один упадет – тянет за собой другого. Горы не для трусов и эгоистов», – для профессионального альпиниста это утверждение – не высокие слова, а просто обычный опыт. Рассказывая о давно минувшем, Ахмат сидит в том самом подвале «Альпклуба», куда пришел когда-то заниматься альпинизмом маленький Игорь, и машет рукой в сторону камина: «Игорь участвовал в кладке. Тут многое сделано руками альпинистов. Не один год работали, – заброшенный был подвал!» Из него и началась для Игоря Розина его дорога наверх.

А дома ждала крепкая, любящая семья: папа, мама, сестра Вика. Большая библиотека, тщательно собиравшаяся годами, – «шикарная», как вспоминали очевидцы, – манила золочеными корешками таинственных непрочитанных книг. Майн Рид, потом – Дюма, все сообразно возрасту. Дети читать любили. Библиотека в те времена – целое сокровище: в

магазине хороших книг не купишь, так что их «доставали» по знакомству, записывались в долгие очереди у книжных магазинов или переплачивали спекулянтам.

А еще, чтобы купить хорошие книги, сдавали макулатуру – кипы старых газет и журналов государство рачительно собирало на пунктах вторсырья, чтобы переработать и снова сделать из них бумагу, а тем, кто приносил много макулатуры, выдавали «талоны» на покупку дефицитных изданий.

Вот они, так вкусно пахнущие, если раскрыть том, собрания сочинений: серый «Достоевский», зеленый «Чехов»…

«Очень хорошая семья. Так они жили, что даже завидно было смотреть, – не как все: всегда весело у них, шумно, толпы в гости приезжали…» – рассказывала соседка Надежда. Она близко знала Розиных: во-первых, жила прямо над ними, а во-вторых, работала в музыкальной школе вместе с мамой Игоря (а впоследствии – и с его сестрой).

Игорь Розин в этой школе тоже поучился: пять лет по классу скрипки. У него был абсолютный слух, но скрипка его не очень увлекала, – все-таки другого склада рос человек, – и, не дотерпев до окончания «музыкалки», не выдержал – бросил. Обычное дело, особенно для мальчиков – видимо, просто повзрослел.

Надежда тоже прекрасно помнит его собаку, – «красивую», – с которой Игорь ходил гулять в горный лес у реки Тютюсу, правого притока Баксана. «Живность у них была всякая – кошки, собаки, попугайчики, а то и черепаха … А если люди любят животных, это о чем-то говорит». Раз любит животных, значит, человек хороший, – мнение, в советское время довольно распространенное. Писание говорит об этом по-другому: *блажен иже и скоти милует* (Притч.12:10).

После школы Игорь уехал в Орджоникидзе[6] – учиться. Поступил в Горно-металлургический институт. Обзавелся и новым увлечением – фехтованием, в духе времени и страны, где на экранах сверкали клинками романтические герои, и было модно – хотя и не без некоторой самоиронии – быть рыцарем. Он им и был.

Гор тоже не оставлял и вот в какой-то момент понял, что заниматься в обеих секциях – и фехтовальной, и альпинистской – не сможет, нужно выбирать. А как, если обе нравятся?

Автобусы, которыми он ездил на секции, ходили с одной остановки, и Игорь решил вопрос так: какой автобус быстрее придет, та секция и победила. У Бога случайностей не бывает: первым пришел тот, что шел к альпинистской. Так фехтование осталось в прошлом, а горы – в настоящем и будущем, почти что на четверть века.

После института Игорь вернулся в Тырныауз, – тут уж выбирать не приходилось: в советских вузах молодые специалисты получали направление на работу, куда распределили – туда и поезжай. Его распределили на Тырныаузский комбинат, и он не возражал нисколько.

Во-первых, рад был вернуться домой. Во-вторых, вокруг снова были горы.

На работе молодого специалиста ждали приятные сюрпризы. Некоторые вещи, не вызывавшие удивления в советские времена, сегодня кажутся поразительными: Тырныаузский комбинат, например, давал свои машины, чтобы команда альпинистов могла отправиться в экспедицию на Тянь-Шань или на Памир. Игорь Розин был в таких экспедициях трижды.

Теперь родительских гостей сменили в доме его собственные. «Множество людей, которые

приезжали в Приэльбрусье, в основном альпинисты, – вечно с рюкзаками, с палатками, парни, девушки, навьюченные, – где они там размещались?» – до сих пор по-соседски недоумевает Надежда.

И вот, вместе со взрослением, наступила пора, когда любовь к горам обрела черты служения: еще работая на комбинате, Игорь стал спасателем.

Возведу очи мои в горы

Зачем люди вообще ходят в горы? Одни – чтобы покорить их. Другие – чтобы покорить себя, доказать себе, что они что-то могут. А спасатели – чтобы доставать тех и других оттуда, куда их приводят мечты.

А можно еще ходить в горы молиться. «Выше в горы – ближе к Богу», – говорит древняя пословица. Преемник отца Игоря Розина, иеромонах Игорь, также, как и его духовный отец, любит молиться в горах. Он даже служил на Восточной вершине Эльбруса Божественную литургию – за этой простой фразой стоит несколько лет огромного труда, если не сказать, мучений: все получилось только с четвертой попытки, которая далась участникам восхождения едва ли не кровавым потом, так воевали против них бесы, стараясь не допустить освящения главной вершины Кавказа.

Часто с рюкзаком, в котором лежит все, необходимое для совершения молебна, иеромонах Игорь уходит по горным тропам, забираясь так высоко, насколько возможно без специального снаряжения. Но какой в этом смысл?

«Все ключевые события, о которых мы читаем в Евангелии, происходят на горах, – объясняет он, – Нагорная проповедь, молитвы, которые Господь возносил после того, как целый день говорил с людьми, Преображение Господне, Голгофа, Вознесение Господне с Елеонской горы…

И это не случайно. Все Свое служение в земной жизни Господь совершал на горах, показывая тем самым, что восхождение в Царствие Небесное требует подвига. Требует самоотвержения. Усилия. Преодоления самого себя. Это не просто – подниматься на гору. Это подвиг».

Великим постом 2014 года в горах неподалеку от Тырныауза был обретен высеченный в скалах огромный крест. Когда-то его было видно со всех сторон ущелья – теперь же крест спрятан от людских глаз выросшими за века высокими соснами.

Узнали о нем так. К настоятелю тырныаузского храма – а в маленьком городке все друг друга знают – подошел балкарец Юсуп Энеев: «Хочу рассказать вам то, что вас обрадует. Наши старики передавали это из рода в род: в те времена, когда балкарцы были христианами, все знали про крест на скале. Он расположен напротив древнего балкарского поселения, где жил род Джапуевых (балкарцы селились родами. – *Примеч. ред.*). В XVII веке один из жителей села пригласил сванов, чтобы они вырубили крест в скалах».

И вот на Крестопоклонной неделе батюшка вместе с Юсупом отправились в горы.

«Уверенности в том, что это полностью рукотворный крест, нет. Конечно, века могли многое изменить, но на первый взгляд вертикальная часть креста – творение Божие. А вот горизонтальная действительно похожа на вырубленную в граните и обтесанную людьми», – рассказывал потом иеромонах Игорь. Не меньше, чем обретение святого креста на Крестопоклонной неделе, его обрадовало и то, что «если еще несколько лет назад кавказцы-мусульмане были готовы изгонять из своей жизни все связанное с христианством, то сегодня

мы видим, как прошлое становится им по крайней мере интересным».

Этот крест – далеко не единственный сохранившийся здесь памятник христианских времен, но уцелели они главным образом в соседних ущельях.

В конце XVIII века исследователь Петер Симон Паллас[7] писал: «По множеству обнаруживаемых здесь старых развалин можно судить о том, что эти чегемы были ранее более многочисленны, когда придерживались христианской религии. Действительно, у них до сих пор есть церкви, из которых одна находится на берегу Чегема и весьма примечательна; она построена на скале, в которой они прорыли змеевидную тропинку, оградив ее с обеих сторон железными балясинами. В этой церкви до сих пор еще сохраняются фрагменты книг, несколько страниц которых я добыл, отправив одного человека в это опасное предприятие. Один из листов содержит часть Евангелия на древнегреческом языке; другие оказались разрозненными частями книг, используемых в греческой литургии».

А у Иоганна-Антона Гильденштедта[8] в его труде «Путешествие по России и Кавказским горам» читаем: «Каменная церковь длиной в 4 сажени есть в округе Чегем у села Улу-Ельт».

К этой церкви мы и поехали летом 2013 года. Мы – это иеромонах Игорь, староста храма Саша Филатов[9], две прихожанки и автор этих строк.

Чтобы попасть в аул Эль-Тюбю, больше известный под своим русским названием Верхний Чегем, нужно доехать до Пятигорска и оттуда по трассе взять левее. Выбравшись из города, дорога устремляется вверх, петляя среди ярко-зеленых, кажущихся из-за густого леса кудрявыми гор.

Далеко внизу остался Пятигорск с иностранным магазином Zara, почти как на Тверской, торговыми центрами, иллюминацией, банкоматами и смело одетыми девушками, приехавшими отдохнуть на местные курорты.

День пасмурный, и оттого зелень еще зеленее. Другая доминантная краска – рыжая. Набирая яркость, она проступает отовсюду: с коры деревьев, камней, скал и даже мхов. По шоссе бредут коровы, и замирают прямо посреди дороги мохнатые, какие-то шершавые, ослики.

Редкие машины виртуозно огибают их, двигаясь навстречу друг другу, и энергично сигналят: похоже, местные жители, побывавшие в исламских странах, привезли эту новую для России привычку оттуда.

Проезжаем Чегемские водопады. Скалы так нависают над петляющей дорогой, что получается почти туннель. Обнаруживаются припаркованные автобусы и рынок, тянущийся вдоль дороги, с развешанными шалями и вязаными кофтами, лотками носков и всегдашним северокавказским обещанием шашлыка во множестве маленьких кафе. Идут туристы – японцы или корейцы, щелкающие на свои фотокамеры все подряд, – где только их не встретишь.

Со скал стремительно слетает вода. Когда солнечно, над водопадами зависает радуга, но сегодня у погоды другой настрой: серебро и хрусталь струятся вниз с темных скал строго и почти аскетично. Наконец водопады позади, как и узкое ущелье, дорога забирает вверх, и наша машина становится единственной по-прежнему стремящейся вперед. Чужие здесь не ходят, – а если ходят, то очень редко.

Скоро появляется указатель: «Эль-Тюбю». Посреди аула возвышается настоящая сванская башня – ну, или такая же, как сванская. В окружении невысоких домов она смотрится

совершенно инородно, – как остов большого корабля, выброшенного на берег там, где живет народ, забывший, как ходят в море: видно, что башня принадлежит не только к другому времени, но и к другой цивилизации, не балкарской.

Мы не очень хорошо знаем, где находится искомое – развалины древнего храма и вырубленная в скалах лестница, вроде бы ведущая к другому, спрятанному в горной пещере. Покрутившись по поселку, который, несмотря на наличие во дворах машин и тарелок спутникового ТВ, кажется не тронутым временем и словно не относится к России, едем дальше.

По левую руку, на другой стороне ущелья, за рекой Чегем, пенящейся по дну ущелья так энергично, что встречные волны, закипая у больших камней, словно бодаются друг с другом, вдруг вырастают странные островерхие постройки, сложенные из желтых камней, – это древние аланские могильники. Их окружают остатки какой-то кладки. Дальше виднеется современное кладбище.

Невысокий светловолосый мужчина с обветренным лицом, держа в руках обструганную толстую палку – посох, облегчающий передвижение по горным склонам, – куда-то шествует по обочине дороги. Останавливаемся, предлагаем подвезти.

Наш новый знакомый Ибрагим отлично говорит по-русски, почти без акцента («десять лет жил в Москве», – сообщает он), разве что усиливает согласные, выговаривая их как-то особенно твердо, с перекатным «р». Он с удовольствием садится в машину и как экскурсовод отвечает на наши вопросы. Те островерхие постройки – да, это склепы. «Мерррртвый Горррод», – с нажимом говорит Ибрагим. «Есть ли тут еще какие-то древности?» – осторожно интересуемся мы. «Нет», – качает он головой. Это неправда – мы точно знаем, что есть. Ибрагим сидит на заднем сидении рядом со мной, и мне почему-то это перестает нравиться.

Наконец спрашиваем прямо – есть ли тут развалины христианских церквей?

Наш собеседник приходит в возбуждение – даже пена немножко закипает в уголках губ. «Дорррогой! – почти кричит он. – Запомни! Здесь никогда не было христиан! Никогда! Откуда ты это взял?» «Так пишут в старых книгах. Что я, врать тебе буду, что ли? – невозмутимо удивляется с переднего сиденья иеромонах. – Я же священник!»

Это и так было очевидно – он в подряснике и в скуфье, – но бывший столичный житель, Ибрагим понимает это только теперь. Минуту он вглядывается, потом протягивает руку… и извиняется: «Прости, брат, не хотел обидеть», – только просит подарить ему книгу, в которой написано, что здесь жили христиане.

Их потомки давно оставили веру отцов, приняв ислам, и сегодня многие из них симпатизируют идеям ваххабизма, однако забытые большинством людей древние покровители Кавказа, конечно, не оставляют этих мест.

Нет, наверное, на Северном Кавказе ни одной церкви, где не увидишь иконы святого великомученика Георгия Победоносца и святой равноапостольной Нины.

Самый большой из трех древних храмов в Нижнем Архызе тоже освящен в честь святого Георгия. Считают, что именно он был кафедральным собором Аланской епархии.

«Северный Кавказ – одна из древнейших колыбелей христианства в России. Развитие и утверждение христианской веры среди народов этого региона представляет одну из малоизученных страниц истории Русской Православной Церкви», – писал в предисловии к своей диссертации «История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его

к России» будущий митрополит Ставропольский и Владикавказский Гедеон.

Эта пламенная диссертация, которую до сих пор изучают в Ставропольской семинарии студенты, была написана в 60-х, однако и по прошествии полувека история христианства на Северном Кавказе по-прежнему остается «малоизученной».

Другой наш собеседник оказывается разговорчивее. Он быстро понимает, что мы ищем: «башню с крестом», говорит он, всячески избегая слова «церковь», и «лестницу в скале».

«Башня с крестом» оказывается развалинами маленького византийского храма с кладкой, в отличие от балкарских построек, скрепленной раствором. Если смотреть с другого берега узкого ущелья – просто груда камней на горе, а поднимаешься и видишь: вот – остатки каменного иконостаса, вот – престол, а вот – жертвенник, на котором кто-то, побывавший здесь до нас, прокапал свечечкой восьмиконечный крестик. Пол, конечно, ушел в землю, и крыши тоже нет, – тысячелетие миновало.

Кто строил здесь храм и выкладывал в ущелье ввинчивающуюся в скалу лестницу, уходящую так высоко, что сегодня без альпинистского снаряжения туда уже не забраться? Кто молился в этих ущельях на греческом и благословлял крестным знамением эти горы? Кто возглашал, и чей ответ свежей волной разносило струистое эхо? Как они жили здесь? Сколько их было? Как их звали? Как спасались на этих горах? Как отсюда ушли – живыми или прямо на небо? Бог знает. И никто из нас: все утекло в историю, как вода с Чегемских водопадов, летящая с высоты в горные реки.

Но стоят у престолов древних храмов, разрушенных временем и людьми, их Ангелы. И молятся с Ангелами *на небеси и на земли* отцы, заходя в эти места как за линию демонического фронта, в самый тыл *врага*, и, отвечая на их молитву, вдруг рассеивается серая облачная пелена, и сияет в синей прогалине яркое солнце, и радугами озаряются водопады, и ликует сердце. *Алтари Твои, Господи сил, Царю мой и Боже мой!* (Пс.83)

Если отправиться по глухому ущелью от Эль-Тюбю еще дальше – в сторону реки Кестанты, где заканчиваются человеческие тропы, через пару дней можно выйти к Тырныаузу, – с той стороны, где нависает над ним седая гора Тотур.

За ее вершину цепляются облака и застревают в ущелье, держа город в тени в то время, как повсюду свободно играет солнце.

Тотур часто выглядит мрачновато, но те, кто поднимался на него по усыпанным нежными рододендронами склонам, знают, что он, по-настоящему суровый, хранит в себе и большую любовь.

Название этой горы – балкарское слово Тотур – искаженное греческое имя Теодор, то есть Феодор. О том, откуда ему здесь было взяться, говорит в своем интервью, записанном для телевидения, отец Игорь Розин.

Он рассказывает о христианском прошлом этих мест, стоя у скромного иконостаса своего маленького храма, где через две недели после этой записи примет мученическую смерть.

«По историческим сведениям местные жители – балкарцы – до насильственного водворения ислама были христианами», – не привыкший давать интервью, в своей обычной немногословной манере он как-то по-детски степенно произносит каждое слово.

Видно, как вдруг вспоминает важное и немножечко озаряется: «Здесь, кстати, – где-то на этом

месте, где сейчас стоит наш храм, – находился храм Феодора. У нас есть два Феодора святых, – это Феодор Стратилат и Феодор Тирон. Вот в честь какого Феодора был освящен храм, я не знаю; но то, что есть достоверные исторические свидетельства – это так. Здесь был православный храм византийской постройки, и даже старики – глубокие старики, – до того, как здесь появился город, помнят его развалины. Из поколения в поколение передавалось, что это был христианский храм».

Христос словно оставил нам записку – прямо на вершине Феодора-Тотура, – и страшно, и радостно ее читать: когда-то, в древние времена, здесь уже жили православные христиане.

Странно теперь ловить взгляд отца Игоря, когда он изредка смотрит в камеру – еще просто человеческий взгляд, в котором, впрочем, видишь гораздо большее, чем в обычном человеческом взгляде. Он и впрямь словно смотрит в мой сегодняшний день. В крошечном храме немножко сумрачно. То ли «врет по цвету» старая «бетакамовская» пленка, то ли день и впрямь выдался непогожий. Тем временем за стенами храма набирает воздуха в легкие невидимая весна: дома распахнули окна и дышат, чеканит по асфальту звонкий мяч, смеются дети, кому-то кричат в форточку извечное «до-о-омой», раскачивается под теплым ветром на балконных веревках белье, и жизнь кажется такой удобной и уютной, как домашняя одежда, давно принявшая форму тела.

Многие прихожане вспоминают, что в последние месяцы своей жизни отец Игорь все время говорил о смерти и Царствии Небесном.

«Я еще невоцерковленная была, в храм ходила мало. Думала: Царствие Небесное – это где-то далеко, умирать не собираюсь… Здесь дети, муж, семья… Есть материальные трудности, с этим бы разобраться… А вот прошло время, и все это пришло, – да, теперь я думаю о Царствии Небесном», – говорит простая и отважная Валентина, народ Божий, та самая, которой Господь судил быть в храме в момент убийства отца Игоря.

Но впрочем, мы забежали далеко вперед, пора возвращаться, в те времена, когда Игорь Розин искал в горах потерпевших бедствие людей.

В доме под соснами

Горы не прощают и малой ошибки: неверное движение, и ты – нежилец, многих даже не находят. «Я не видел ни одного человека, который, идя в горы, думал, что с ним что-то случится», – говорит Виктор Автономов, альпинист, старый друг Игоря и так же, как и он, профессионал высочайшего класса. Он давно оставил Эльбрусский спасотряд, которому отдал лет двадцать своей жизни, и теперь работает в Кисловодском отряде МЧС.

Так же, как и Игорь Розин, Виктор родился на Северном Кавказе. Они познакомились давным-давно, еще в конце 70-х.

Виктор – уже тогда профессиональный спасатель – приехал на скальные соревнования в Тырныауз: есть там, на выезде из города, отличное место, где над Баксаном отвесно уходят вверх коричневые мшистые скалы.

На них и сегодня иногда соревнуются альпинисты, но, по-моему, все больше – из спецподразделений, охраняющих местные блокпосты.

«Я приехал и сразу обратил внимание на сообразительного скалолаза. И он, и я тогда были далеки от православия», – вспоминает Виктор.

Они много от чего были тогда далеки, – в том числе и от получения платы за свою смертельно опасную работу. Еще лет двенадцать, вплоть до создания Сергеем Шойгу в 1990 году МЧС, под эгидой которого объединились туристская и альпинистская спасательные службы, добровольцы искали в горах терпящих бедствие людей без всякого вознаграждения – как мы бы сейчас сказали, во славу Божию. Тогда говорили по-другому: на общественных началах.

«В штате спасательной службы работали три человека, но при этом спасателями они не являлись: начальник, который не ходил в горы, один дедушка и бабушка-радистка, – посмеиваясь, рассказывает Виктор. – А вот спасателями были так называемые “общественники”, – например, альпинисты клуба Тырныаузского комбината, и в их числе и Игорь».

«Общественников» снимали с работы и отправляли в горы, когда приходило известие, что там пропали или разбились альпинисты.

Задавал ли Игорю кто-нибудь вопрос, зачем ему это было надо? Мы знаем, что ответ у него был – очень простой, – и у многих он остался в памяти. «Если люди идут в горы, кто-то должен их спасать», – не раз говорил Игорь. Щурился при этом, наверное. Он красивый человек был, видный – высокий, копна рыжих волос, глаза синие, как небо над Кавказом.

С будущей матушкой Екатериной его тоже познакомили горы. На скалодроме близ Тырныауза ежегодно проводили соревнования. В них участвовала и Катя: как и Игорь, она жить не могла без гор. Так две любви сошлись в одну – и скоро Игорь и Катя поженились.

Старого друга Виктора на их свадьбе не было, – уезжал на несколько месяцев, а когда вернулся и узнал, что Игорь и Катя теперь семья, очень обрадовался: «Два хороших человека решили быть вместе».

Виктор прекрасно знал Катю: она работала на метеостанции и жила в Терсколе. Теперь туда, оставив большую зарплату горного мастера на комбинате и удобную городскую жизнь, переехал и Игорь.

Игорь устроился работать на ту же метеостанцию, расположенную на высоте более чем 3000 метров. Молодой семье дали в поселке скромный домик. Стали рождаться дети.

От поселка до метеостанции, вон она сверкает на солнце точкой на склоне горы, как минимум пару часов крутого подъема – каждый день на работу ходить не получится. Поэтому дежурили по несколько суток. В свободные дни Катя работала еще и на наблюдательных постах ВГИ – Высокогорного геофизического института. «Еще и шила ребятам-альпинистам, кому что-то надо. Жили они довольно бедно, – рассказывал Виктор. – После альплагерей мы считали перловую кашу в принципе несъедобным продуктом. А тут зашел я как-то к Розиным и увидел, что дети едят эту кашу. Максим и Илья, – Илья еще совсем маленький был. Кати дома не было, Игорь за ними смотрел. Сидят, рубают – довольные!»

Так и жили – счастливо и просто. За сыновьями появились две девочки – старшая серьезная Женя и младшая непоседа Саша. Женя любила рисовать, а Саша – петь. У нее, как у отца, оказался абсолютный слух. В три года она знала все романтические песни Розенбаума, которые любили петь собиравшиеся у Розиных альпинисты.

У Игоря были золотые руки – так из домика со временем взял да и получился целый дом для большой семьи и долгой жизни. Над домом качались сосны.

Люди поднимались на Эльбрус, возвращались с Эльбруса, – и находили приют в этом доме. А

когда не хватало спальных мест, во дворе ставили палатки.

«Я помню одного странствующего человека – из Америки. Он путешествовал на перекладных, – весь, бедный, заросший и грязный… Мы с ним ходили в магазин», – рассказывала старшая дочка, Женя.

«Туристы-альпинисты-горнолыжники – со всей страны, – сосед по Терсколу (их дома стоят через двор) Дмитрий Чуйгук вспоминает один из праздников, день рождения Игоря, – играли на гитарах, пели, хозяину дома кто-то подарил красочный плакат со знакомой со всех сторон коварной горой Ушбой: он удивился – какой кадр эффектный!»

Игорь и сам прекрасно играл на гитаре и пел – голос у него был очень красивый, глубокий и мелодичный. Пел не только гостям и друзьям песни любимых бардов, но и – с большой любовью – детям. «Зеленая карета» – была такая чудесная песня, вот ее и любил петь сыновьям и дочкам – вместо колыбельной.

Как и в его собственном детстве, под крышей у Розиных находили приют множество животных – и собаки, и кошки, и даже дикие утки. Уток приносили домой старшие братья, бегавшие по лесу, как по своему дому. Птицы, замешкавшиеся улететь до вдруг грянувших холодов, замерзали на лету и не в силах преодолеть высоченный Кавказский хребет, садились на землю. Максим и Илья ходили собирать бедолаг. Как в какой-нибудь сказке Андерсена, отогревшиеся утки жили в доме до весны, дожидаясь возвращения сородичей, – если, конечно, до них не добирались ласки, приходившие таскать кур, и разбойницы-кошки.

После девочек у Розиных родился еще один сын. Есть фотография – Игорь, нескладный, как жираф, пляшет на радостях в окружении старших детей.

«Хорошенький был и самый любимый, потому что самый маленький. Папа гулял с Андрюхой на плечах, – ходит, ходит, пока Андрюшка не уснет… – вспоминала Женя, – Когда нужно было, он всегда с нами нянькался. Пока были маленькими, и он еще занимался скалолазанием, брал с собой под скалы, – это что-то сказочное было. Мне с ним всегда очень нравилось. Было надежно и спокойно».

Здесь вам не равнина

Для тех, кто, может быть, не слышал песни Владимира Высоцкого из фильма «Вертикаль», процитируем ее: «Здесь вам не равнина – здесь климат иной. / Идут лавины одна за одной, / И здесь за камнепадом ревет камнепад./ И можно свернуть, обрыв обогнуть, – / Но мы выбираем трудный путь, / Опасный, как военная тропа».

Строчки эти – даже не образ, а точное описание обстоятельств жизни, которую вел тогда Игорь Розин. В том, что большую ее часть он проработал спасателем, мы можем усмотреть особый Промысл Божий: внешним подвигом служения ближнему Господь приуготовлял его к последующему служению Себе.

«Утро в горах чем-то напоминает творение мира; а вид пустынных гор – то время, когда земля еще не была осквернена грехом», – читаем мы у отца Рафаила (Карелина). Лучше него, пожалуй, никто не писал о духовном смысле красоты гор, но видел ли эту духовную красоту в те годы, о которых мы говорим, альпинист и спасатель Игорь Розин?

Через много лет, уже став священником, он взял привычку уходить молиться в горы. Его удалявшуюся, темную и сосредоточенную, словно монашескую, фигуру в подряснике часто

наблюдали из окон соседи. Он выходил из поселка и тогда, запрокинув голову и немного щурясь, смотрел на сверкающие под солнцем, оставленные ради истинной Высоты вершины, каждая из которых была знакома ему, как собственный дом. На каждом выступе теснились воспоминания, наслаиваясь одно на другое, шептали свое «а помнишь?», возвращая в те времена, когда он только предчувствовал горнюю красоту, едва заметным сиянием проступавшую сквозь материальный абрис еще тяжеловесного мира.

Сегодня Виктор Автономов, как и большинство мужчин его склада, не склонный рассуждать на темы, которые кому-то могут показаться сентиментальными, вспоминает: «Игорь говорил, что горы красивы и что стоит туда ходить. Просто нужно не переусердствовать в этом деле».

Что такое «переусердствовать», тоже понятно: как из любого увлечения, из мирской любви к горам часто развивается губительная для души страсть, человек становится зависимым, опьяненным горами. Он не может без них и готов отдать им все, даже жизнь.

Виктор и Игорь были отличными спасателями. В Приэльбрусье, да и не только, все знали Розина как настоящего профессионала.

«Прежде всего, он был хорошим спортсменом», – так объясняет Виктор, почему Игорь Розин стал мастером своего непростого дела.

К этому прибавляются две лаконичные характеристики. Во-первых, Розин, что называется, хорошо «лазил», – «лазунами» альпинисты называют тех, кто может идти первым, прокладывая путь всей группе.

А во-вторых, имея инженерное образование, отлично разбирался в страховке:

«Я знал, что из Тырныауза как следует умеет страховать только Игорь, и понимал, что если сорвусь или случится что-то другое, этот человек сможет все сделать грамотно». Идти первым и уметь страховать, – качества, незаменимые не только для альпиниста, но и для священника. Будущий отец Игорь был храбрым человеком, готовым *жизнь положить за други своя*, и Господь хранил его для Себя: в истории Игоря Розина-спасателя отчетливо прослеживаются случаи, когда он должен был – или мог – погибнуть, но оставался невредим.

Один из самых ярких – случай с «кошками». Эти стальные приспособления с острыми «когтями» надевают на ботинки альпинисты, чтобы идти по гладкой корке льда, которым, как стеклянной глазурью, в определенное время года бывают покрыты горы. Такой лед называют «бутылочным», – передвигаться по нему без специальной техники даже в «кошках» трудно и опасно.

Случай этот произошел в 1986-м, в феврале, когда Игорь Розин, Виктор Автономов и еще несколько альпинистов решили подняться на Эльбрус. Не на спасработы, – это было обычное восхождение.

«Лед был жесткий, даже очень», – говорит Виктор и немного поеживается, рассказывая, как под скалами Пастухова – каменной грядой на южном склоне Эльбруса – у него сломались «кошки»: лед оказался крепче, чем сталь. Кое-как привязав обломки к ботинкам, он продолжил подъем, но скоро бутылочный лед сокрушил сталь и на ногах у Игоря. Поднявшись чуть выше скал Пастухова и убедившись, что в обломках «кошек» они далеко не уйдут, друзья решили спускаться.

Надо понимать, что стоит за уютно звучащими словами – «склон горы», «скалы Пастухова»…

У этих скал кажется, что ты стоишь на скате Земли, – уже почти в космосе, – песчинкой, прилипшей к Эльбрусу, которую пытается оторвать лютый ветер: упадешь и улетишь сразу на экватор. Так и есть, – если сорвешься, то улетишь, но только не на экватор, как в мультике, а вон туда, вниз, на километр – или сколько? – на невидное дно пропасти, разверзшей свои объятья. Да и есть ли у нее дно? Спасатели прозвали это место трупосборником: сорвался – и все, даже мертвое тело вряд ли разыщут, разве что через много лет ледник, находящийся в постоянном, незаметном глазу движении, передвинув пласты, «отдаст», как здесь говорят, почти не тронутые временем останки.

Уходят в небо вершины Эльбруса – Западная и Восточная – до них от скал Пастухова словно рукой подать, но это ложное впечатление: в горах, как на большой воде, все кажется ближе, чем на самом деле.

Внизу розовеют резной каймой вершины Главного Кавказского хребта.

За ними простирается Грузия: высота такая, что в хорошую погоду можно разглядеть ее земли (а с вершин Эльбруса – Черное море).

Вон, впереди, с наклоном написанная Творцом, лежит на склоне гигантская белая цифра «7» – это ледник «Семерка». А вон – чернеет каменными рогами Ушба, а перед ней исполинской пилой острится Шхельда.

Виден лед, голубой и гладкий, – он ни за что не даст второго шанса – сорвавшись на таком, альпинист кубарем полетит вниз: никак не затормозить и не за что зацепиться.

Виктор вспоминает, как услышал за спиной, – он шел немного впереди Игоря, – некий лишний звук: никак не должно было быть там такого звука. Виктор развернулся как на выстрел и увидел, что Игорь стремительно скользит по склону в сторону ледника Терскол – он сорвался.

Помочь ему Виктор ничем не мог – а молиться они тогда еще не умели. Просто стоял и смотрел, как Игорь летит вниз и пытается зацепиться ледорубом за лед, но ничего не выходит.

Из-под клюва ледоруба взвивалась колкая ледяная стружка, била в лицо, Игоря несло все дальше, он скользил на животе, но даже сейчас, падая, не терял самообладания и все делал правильно, – как учили. Согнув ноги в коленях, держал ступни на весу (зацепись он остатками «кошек» за лед, его бы покатило по склону, и тогда все – смерть неизбежна) и вгрызался, вгрызался в гладкий, как стекло, и прочный, как камень, лед почти бесполезным ледорубом.

И вдруг получилось – ледоруб зарубился в лед. Игоря с небывалой силой рванило за руки, и он повис над пропастью, – живой. Это было чудом: на пути у него оказалась тоненькая горизонтальная трещинка – только она и позволила остановить падение.

«Конечно, ситуация была очень опасной, и только через много лет мне стало понятно, для чего Господь сохранял Игоря», – Виктор рассказывает про еще один подобный случай, произошедший в 1998-м, – всего за год перед тем, как Игорь стал отцом Игорем.

К тому моменту он уже ушел из Эльбрусского спасотряда, но продолжал работать в противолавинной службе. Впрочем, эти подробности не имели значения, когда в горах происходило что-то по-настоящему серьезное.

Мотивация спасателей была предельно простой – если требуется помощь, нужно помогать: «Никто из нас не застрахован от смерти. Но, как часто повторял Игорь, если люди лезут в горы, мы должны их спасать. И мы шли, помолившись, – если на доброе дело, то Господь

поможет».

В начале августа 1998 года двое молодых альпинистов из Прибалтики решили подняться, как здесь говорят, на «южную Ушбу» – вершину горы с дурной репутацией, чей завораживающе красивый двурогий силуэт высится на границе Грузии и России.

Альпинисты присваивают горам характер человека – и считают Ушбу жестокой и своенравной. Ее красивое название переводится со сванского как «шабаш ведьм», она и впрямь выглядит жутковатой, особенно если смотреть со стороны Сванетии, лежащей по другую сторону Главного Кавказского хребта.

Лавры самой высокой горы Ушба нехотя уступила Эльбрусу, но зато оставила себе славу самой труднодоступной на всем Кавказе. И, как сирены моряков во времена Древней Греции, приманивает к себе альпинистов, – как не соблазниться покорить ее, добившись того, что другим не под силу?

На перемычке между гранитными «рогами» вершин Ушбы и сорвался тогда один из прибалтийских спортсменов. Рухнув на оказавшийся спасительным каменный выступ, – «полку» – перебил позвоночник в пояснице, но остался жив – даже такое падение лучше, чем улететь в пропасть.

И вот, оставив напарника на каменной полке, откуда самому его было никак не снять, товарищ ушел за подмогой. Ближе всего идти было до Сванетии, туда и направился. Из Сванетии в Терскол по радио передали, где лежит пострадавший.

Представим на минуту, будто это мы там, – на этой каменной полке, в черной августовской ночи. Ветер. Боль, которую не представить, если не пережил. Страх. Неизвестность, беспомощность. Узкий каменный выступ, обрывающийся бездной. Тянутся часы, но сколько их прошло, непонятно, – словно у времени больше нет делений.

Тем временем вертолет забросил спасателей на Ушбинский перевал.

Сегодня Виктор как военную операцию разбирает тот маршрут.

Те, кто бывал здесь, говорят, что на перемычке между «рогами» Ушбы почти всегда дуют ветра, однако в начале августа к этой привычной опасности добавляется еще одна: вовсю тают ледники, высвобождая вмерзшие в них камни. Вздымая клубы пыли, те с грохотом катятся по склонам, опасные, как пушечные ядра, – это называется камнепад.

Высадившись к вечеру у плоской гряды перед северной вершиной Ушбы, спасатели там и заночевали, утром начав подъем, но только к вечеру следующего дня на склоне Южной Ушбы наконец заметили спальник, – это лежал пострадавший.

Автономов и Розин остались наверху с лебедкой, вторая пара спасателей – те, что полегче, – спустилась по почти отвесному склону на 200 метров. Погрузили пострадавшего в «акью» – специальные сани.

Игорь с Виктором долго поднимали их лебедкой наверх, наконец, подняли. Группа была готова возвращаться, но к тому времени уже стемнело, и пришлось заночевать в горах. А утром по склону, на котором они находились, полетели камни, – начиналось самое плохое: камнепад. Правда, пока еще не очень сильный.

Шел третий день спасработ. У группы закончилась еда, и, что значительно хуже, вода. Снизу к

ним уже спешили на помощь, но спасатели все равно приняли решение не ждать и спускаться.

На пути вниз их и накрыл большой камнепад, – настоящий, сравнимый с артобстрелом. Игорь начал молиться. Остальные ругались, матерились. «Перестаньте, а то сейчас еще получим!» – сквозь грохот кричал им Игорь. Камни, набирая скорость, летели прямо в людей, – словно бесы, забавляясь, швыряли их со склона. Удар, еще и еще – пока один камень не угодил в одного из спасателей, Максима.

Иногда оказанная любовь возвращается к нам сразу, – Господь дает наглядные уроки. Утром этот Максим все приставал к Автономову, тащившему лебедку – «дядя Витя, ты уже старый, тебе тяжело, дай я понесу!». Теперь из лебедки, которую Максим, забрав у Автономова, нес на спине, получился щит: камень попал в лебедку, та разломилась, зато позвоночник остался невредим. Но Максим потерял сознание от удара.

К нему бросился Игорь. Быстро вытащил из-под камнепада. Начал молиться над ним, делать искусственное дыхание, приводить в чувство. Спас его, в общем. Все это было похоже на бой. Не успел очнуться Максим, как сорвался Виктор: снаряжение сломалось.

Первое, что, открыв глаза и еще не до конца придя в себя, увидел Максим, было впечатляющее падение Автономова. Сначала – свободный полет. Потом – кувырком по леднику. Всего – 150 метров. Высоту обычно объясняют домами, – так вот, высота типового девятиэтажного дома составляет чуть более 30 метров.

Виктора волокло по склону, пока он, зацепившись ногой за трещину, не упал в ледяную крошку. Та самортизировала, как спортивный мат, смягчив удар – в крошке он и остался. Что интересно, целый, без серьезных травм, только потерял сознание.

А Максим, напротив, сразу же пришел в полную ясность и понял: сейчас надо бороться, – за свою жизнь, за всех ребят. Бороться, чтобы выжить. Выжили. Бог помиловал и на этот раз.

Так вот они и жили. Рискуя собой для других. И, конечно, менялись сами.

Виктор рассказывал, как он сам пришел к Богу – это произошло тоже в горах. Однажды его группа – Игоря Розина в ней не было, – искала пропавшего после схода лавины альпиниста. Наконец, увидели: далеко-далеко, описывая круги, по снегу беспомощно бродила одинокая фигурка, – лишившись защитных очков, альпинист ослеп[10] из-за сверкающего на снегу солнца. Когда они подошли, то увидели: цепочка следов альпиниста вела к глубокой пропасти – сделай бедняга еще один шаг, не нашли бы и останков, – но вместо этого он, подойдя к самому краю, потоптался у обрыва и пошел обратно.

Никаких других следов рядом не было, да и откуда им было здесь взяться? «А где тот местный, который сказал мне, чтобы я шел назад?» – первым делом спросил слепой альпинист у подошедших спасателей.

Вот после этого Виктор и крестился, – кем еще мог быть этот «местный», остановивший человека у края пропасти, как не Ангелом?

Теперь Виктор говорит, что верующему человеку спасателем быть легче, потому что совсем по-другому понимается и воспринимается смерть.

А спасатели видят ее очень часто. И не просто видят, а прикасаются к ней – в прямом смысле, руками.

Доставать из трещин тела, часто уже подвергшиеся тлению, упаковывать их в черный целлофан, нести вниз, «снимать с горы», как говорят спасатели, молодых людей, девушек, иногда – своих же товарищей, тех, кого знал близко… Быть спасателем – не просто работа.

На ней очень трудно сохраниться нравственно и психологически, *видя же брата своего бесславна и безобразна*[11] и будучи при этом атеистом.

У людей, чьи профессии так или иначе связаны со смертью, часто развивается нечувствие и даже цинизм. Некоторые на спасработах «начинают похахатывать, – говорит Виктор, – Не то, чтобы издеваются, но мысленно превозносятся: дескать, вот дураки, полезли в воду, не зная броду, то сделали не так, тут ошиблись…»

В современном мире такие штуки называют психологической защитой. Иногда она заходит совсем далеко. Бывало, что на найденных и уже упакованных в мешки замерзших человеческих телах раскладывали еду, используя их в качестве стола – «за неимением другой подходящей горизонтальной поверхности», – поясняет Виктор. Известен случай, когда альпинист использовал найденное замерзшее тело как мостик, положив его над трещиной, и пройдя по нему в «кошках», цеплявшихся за мертвую плоть.

Потом было расследование, – судмедэксперты определили, что повреждения нанесены посмертно, дело едва не дошло до суда, – но все это было уже не так важно, как сам факт: часто встречаясь со смертью, многие люди теряют благоговение перед ее великой тайной.

Игорь Розин этого благоговения не потерял, – как не утратил сопереживания погибшим. Что, конечно, выражалось в некой замкнутости – он никак не выказывал своих чувств, только отходил в сторону от товарищей, немножечко отдалялся, как бы погружаясь внутрь себя. Друг семьи Розиных, Лена Горохова, знавшая Игоря много-много лет – со своей юности и его молодости – рассказывала, что из-за этого многие считали Игоря нелюдимым и высокомерным.

Вообще мнения о его характере были самые разные.

«Рассудительный, симпатичный. Сказать, что философией особой отличался, не могу. Сказать, что жесткий – нет. Просто очень любил порядок. Но детки его не очень-то слушались. Громкие они были», – Дмитрий Чуйгук явно пытается обогнуть какие-то острые углы, ходя вокруг да около характера Игоря Розина, который многие считали непростым.

«Я жила с ним по соседству в Терсколе, пять лет рядом, и знала его, когда он был обычным мирянином, даже еще не крещеным. Он выделялся среди всех людей строгостью, можно сказать, неприступностью. Суровый человек. К нему нельзя было подойти запросто, обратиться с какой-то просьбой, – что-то останавливало. Можно было получить отказ», – вспоминала Димина жена, учительница русского языка Ирина Сергеевна.

Властный – потому что начальник: работа в принципе такая, что нужно быстро принимать решения и уметь командовать.

Но была в его характере и некая особая тяжесть, которую трудно объяснить тем, кто с подобным никогда не сталкивался. Вот раздражен чем-то человек, и ты, войдя в его дом, чувствуешь это с порога, словно завязнув в сгустившихся грозовых облаках, в которые превратился воздух в квартире, – и чувствуешь настолько остро, что начинает сосать под ложечкой, и хочется куда-нибудь проскользнуть.

«Он был очень тяжелый человек в близком общении, – признавался Максим, его старший сын, – Но когда начал ходить в храм, сделался совершенно другим. Мне захотелось с ним общаться,

я уже мог с ним чем-то поделиться, потянулся к нему».

Если посмотреть подряд скудные видео последних полутора лет жизни отца Игоря и кадры, на которых он – еще начальник лавинной службы, контраст действительно очевиден. И дело даже не в короткой стрижке и бритом лице.

На старой, начала девяностых, любительской видеосъемке палит, приседая и слегка откатываясь назад, противолавинная пушка, – зенитное орудие КС-19, – обстреливает заснеженные синие склоны. Рядом суетятся трое. Человек в танкистском шлеме досылает снаряд, тот вываливается и не хочет досылаться, но рука в разорванной вязаной перчатке настаивает на своем. Видно, что очень холодно. Другой человек – со знакомым профилем, но каким-то совершенно другим лицом, – морщится и прячет заиндевевшие усы в капюшоне красной куртки.

На другой съемке начала 90-х он же – уже в тепле, без шапки, на фоне окна с занавеской, за которым угадываются лес и горы – с досадой щурит синие глаза, рассказывая про работу лавинщика: «К нам люди не приходят, но они от нас и не уходят. Их, видимо, держит что-то, – может быть, горы, романтика. Это, наверное, сейчас как-то звучит неактуально – романтика. Это лет десять назад была романтика, а сейчас романтиков осталось мало…»

В его интонации, выражении глаз чувствуется горечь, обида и большая внутренняя тревога.

Напротив, в кадрах, снятых незадолго до смерти, о которой, как мы знаем, он был оповещен, никакой тревоги нет. Может быть, есть скрытая скорбь, но у нее совсем другой – благодатный привкус.

Однажды, еще в начале 80-х, когда Игорь со своей Катей только переехал в Терскол, ему приснился странный сон, впервые предвозвестивший его о смерти. Проснувшись, он растолкал жену: «Я знаю, что меня убьют!» «Откуда знаешь?» «Я видел. Меня убьют, как Грибоедова. Зарежут».

Что знал Игорь тогда о смерти Александра Грибоедова? Вряд ли больше, чем все мы – нечто смутное, из школьной программы: был убит в Тегеране толпой. А между тем сон-видение вовсе не обманул будущего отца Игоря: Александр Сергеевич Грибоедов принял мученическую смерть, исполняя не только долг перед Отечеством, но и в первую очередь долг христианина.

Александр Грибоедов. Жизнь

Три потока с шумом и пеной низвергались с высокого берега.
Я переехал через реку. Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге.
Несколько грузин сопровождали арбу.
– Откуда вы? – спросил я их. –
– Из Тегерана. – Что вы везете? –
– Грибоеда. Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис.

А.С. Пушкин. «Путешествие в Арзрум»

Снежок, кружась над Дворцовой площадью, словно позирует воспоминаниям. Редкий случай – не ветрено, не обжигает над Невками, не бьется в стекло ледяной петербургский ветер. Где-то играют вальс – грибоедовский, в ми-миноре.

Несколько хорошо известных штампов составляют для нас образ автора знаменитой комедии.

Во-первых, «Горе от ума», которое мы «проходили» в школе. Также смутно помнится счастливая женитьба на грузинской княжне, и что был убит где-то в Персии. Якобы – сочувствие декабристам. В подтверждение – тема сочинения: протестный («а судьи кто?») дух «Горя от ума», сегодня и вовсе ужатого до объемов ЕГЭ и давно растасканного на плохо понятые цитаты.

Еще одна, рвущая сердце, уже не из пьесы: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но зачем пережила тебя любовь моя?» – слова его юной вдовы, начертанные на грибоедовском надгробье.

«Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны…», – сетовал А.С. Пушкин в том же «Путешествии в Арзрум».

С тех пор были написаны и биографии, и даже целый роман, но, пожалуй, ни одна из книг толком не отразила главного (и хорошо, если вовсе не исказила) – того, что в груди Александра Сергеевича Грибоедова билось горячее христианское сердце.

Не либерал, не сторонник революционных идей, а православный человек и патриот своего Отечества, служивший Богу и императору – вот кем на самом деле был тот, кого и историки, и литераторы любили подавать как светского повесу, почти декабриста.

Между тем в «Дневнике» Вильгельма Кюхельбекера – младшего друга Грибоедова – найдем поразительное: «Он был, без всякого сомнения, смиренный и строгий христианин и беспрекословно верил учению Святой Церкви».

Еще одно важное свидетельство – слова самого Грибоедова, которые запомнил Фаддей Булгарин: «Только в храмах Божьих собираются русские люди; думают и молятся по-русски. В Русской Церкви я в Отечестве, в России! Меня приводит в умиление мысль, что те же молитвы читаны были при Владимире, Димитрии Донском, Мономахе, Ярославе, в Киеве, Новгороде, Москве; что то же пение трогало их сердца, те же чувства одушевляли набожные души. Мы русские только в Церкви, – а я хочу быть русским!»[12]

Он хотел быть русским и был им, но нужно вспомнить исторический контекст, чтобы точнее понять сказанное.

Как и теперь, так и во времена Александра Сергеевича Грибоедова так называемая «передовая часть» общества преданно смотрела на Запад.

«Она по-русски плохо знала, журналов наших не читала, и выражалася с трудом на языке своем родном»[13], – иронию Пушкина вполне можно отнести и к той части наших соотечественников, которых Константин Аксаков уже в середине XIX века назовет, в противовес народу, *публикой*: «Средоточие публики в Москве – Кузнецкий мост. Средоточие народа – Кремль. Публика выписывает из-за моря мысли и чувства, мазурки и польки; народ черпает жизнь из родного источника. Публика говорит по-французски, народ по-русски. Публика ходит в немецком платье, народ – в русском. У публики – парижские моды. У народа – свои русские обычаи.

Публика спит, народ давно уже встал и работает. Публика работает (большей частью ногами по паркету) – народ спит или уже встает опять работать. Публика презирает народ – народ прощает публике. Публике всего полтораста лет, а народу годов не сочтешь. Публика преходяща – народ вечен. И в публике есть золото и грязь, и в народе есть золото и грязь; но в

публике грязь в золоте, в народе – золото в грязи. У публики – свет (monde, балы и проч.), у народа – мир (сходка). Публика и народ имеют эпитеты: публика у нас почтеннейшая, народ православный. “Публика, вперед! Народ – назад!” – так многозначительно воскликнул один хожалый».

Священномученик Иларион Верейский, очень любивший мысль Аксакова о публике и народе, уже в начале века двадцатого скорбел, предвидя страшные бури: «Как будто для того, чтобы отрезвить русское общество от рабского увлечения Западом и от безрассудного пренебрежения Церковью, Промысл Божий послал великое бедствие Отечественной войны. Просвещенные французы пришли в Москву, ограбили и осквернили народные святыни, показав тем самым изнанку своей европейской души. Увы! Этот тяжелый урок не пошел в пользу русскому обществу».

Не пошел настолько, что, как известно, в 1825 году случился бунт, во главе которого стали, казалось бы, лучшие люди, и среди них – ближайший и любимый друг Грибоедова, князь Александр Одоевский.

Самого Грибоедова тоже записали в декабристы, но нет ничего лучше, чем узнать правду из первых рук.

На дворе – 1828 год. Уже три года, как Александр Одоевский в узах. Грибоедов пишет ему на Нерчинские рудники. Идет перо по бумаге, оставляет чернильный след – как благородный фрегат, спешащий на помощь другу. «Есть внутренняя жизнь, нравственная и высокая, независимая от внешней. Утвердиться размышлением в правилах неизменных и сделаться в узах и в заточении лучшим, нежели на самой свободе. Вот подвиг, который тебе предстоит.

Но кому я это говорю? Я оставил тебя прежде твоей экзальтации в 1825 году (имеется в виду участие А. Одоевского в восстании декабристов. – *Примеч. авт.)*. Она была мгновенна, и ты верно теперь тот же мой кроткий, умный и прекрасный Александр… Кто тебя завлек в эту гибель!! (Зачеркнуто: «В этот сумасбродный заговор! кто тебя погубил!!») Ты был хотя моложе, но основательнее прочих. Не тебе бы к ним примешаться, а им у тебя ума и доброты сердца позаимствовать!»

Экзальтация, гибель, сумасбродный заговор… Все это – о восстании декабристов. Больше того – Александр Грибоедов называет каторгу «страданием заслуженным», несомненно видя в ней искупление вины перед Богом и Отечеством за этот трагический бунт: «Осмелюсь ли предложить утешение в нынешней судьбе твоей! Но есть оно для людей с умом и чувством. И в страдании заслуженном можно сделаться страдальцем почтенным», – пишет он Одоевскому откровенно и честно, как христианин христианину, все в том же 1828-м.

И при этом как бился Грибоедов за друга! Ходатайствовал за него, где только можно. Увещевал, умолял!

«Благодетель мой бесценный. Теперь без дальних предисловий, просто бросаюсь к вам в ноги, и если бы с вами был вместе, сделал бы это, и осыпал бы руки ваши слезами… Помогите, выручите несчастного Александра Одоевского, – пишет он графу Ивану Федоровичу Паскевичу, своему родственнику, одному из доверенных лиц императора Николая I. – Сделайте это добро единственное, и оно вам зачтется у Бога неизгладимыми чертами небесной Его милости и покрова. У Его престола нет Дибичей и Чернышевых, которые бы могли затмить цену высокого, христианского, благочестивого подвига. Я видал, как вы усердно Богу молитесь, тысячу раз видал, как вы добро делаете. Граф Иван Федорович, не пренебрегите этими строками. Спасите страдальца».

Но все усилия Грибоедова напрасны – Бог судил по-другому, сберегая, будем надеяться, Одоевского для Царствия Небесного. Он отбудет на каторге полный срок, – восемь лет, – по окончании которого, разжалованный в солдаты, будет отправлен на Кавказ, где в 1839 году умрет от малярии, пережив своего верного друга на целых десять лет. А самого Грибоедова уже через год после написания этого письма убьют в Тегеране.

Сон о смерти Александра Сергеевича Грибоедова не оставлял Игоря Розина всю жизнь, повторяясь от раза к разу.

Игорь Розин – в преддверии веры

По соседству с Розиными в Терсколе жила некая Анна Ивановна – одна из тех русских женщин, кто, не имея возможности не только часто исповедоваться и причащаться, а даже и просто ходить в храм, смог пронести через безбожные времена свою, казалось бы, беззащитную веру. Господь Сам укреплял ее и ей подобных.

У Анны Ивановны была подружка, Анастасия, такая же тайная подвижница, как и она сама. Пройдет много лет, и эта, теперь уже бабушка Анастасия, будучи совсем немощной и обретя, наконец, поблизости и храм, и батюшку, станет выпрашивать у отца Игоря благословения на земные поклоны в Великий пост – по двенадцать в день, – и он, видя неотступность девяностолетней старушки, не откажет ей.

Еще в советские годы в жизни Анастасии и Анны произошло одно великое событие – им явился святой Пророк и Предтеча Господень Иоанн Креститель.

Это было, кажется, еще в конце 60-х. Анастасия тогда работала на стройке, а в отпуск они с подругой вместе ездили по святым местам.

Однажды отправились паломничать в соседнюю Грузию. Путешествовали где пешком, где на автобусах. Как-то молились на развалинах древнего храма, – и увидели Предтечу Господня. Он был в некотором отдалении от них и держал в руках открытую книгу, в которой оставалось несколько листов.

Наверное, они испытали нечто подобное тому, что и святые апостолы на горе Фавор, увидевшие своего преобразившегося Учителя и святых пророков Илию и Моисея. То есть – смешанную волну чувств, от сильнейшего страха и ошеломления до ликующей радости.

Конечно, к такому нельзя быть готовым – не только простые женщины, а даже и святой апостол Петр растерялся в подобных обстоятельствах, сказав: *Наставник! хорошо нам здесь быть; сделаем три кущи: одну Тебе, одну Моисею и одну Илии, – не зная, что говорил* (Лк.9:33).

Женщины рухнули на колени и, перешептавшись («давай что-нибудь попросим!»), дальше действовали как героини сказки, попросив Анастасия – пожить подольше, а Анна – мудрости. Ничего лучше на ум не пришло: у них были какие-то секунды, и они вправду были очень простыми – в самом лучшем смысле этого слова. И святой Пророк Господень нисколько не рассердился на эти, на первый взгляд, легкомысленные просьбы, а обе исполнил. Анастасия прожила более девяноста лет. А Анна стала тем самым человеком, который помог семье Игоря Розина прийти к Христовой вере – именно через нее действовал Промысл Божий, когда она сблизилась с Екатериной Розиной. Это было в начале девяностых – когда жена Игоря уже искала Бога.

В семье Розиных часто болели дети, и однажды Анна Ивановна дала Екатерине простой совет, который многие пропускают мимо ушей, а вот Екатерина не пропустила: «Почаще води детей в храм, исповедуйтесь и причащайтесь». И вот, каждое воскресенье, встав в четыре утра, она везла детей первым утренним автобусом в далекий Нальчик. Потом стала ездить ближе – в Баксан (приют Розиным обычно давала прихожанка тамошнего храма Наталья). Это был маленький материнский подвиг.

«Анна Ивановна нас не наставляла, – вспоминала через годы Женя Розина, – а действовала по-другому: приносила книжечки, рассказывала о святых. Показывала нам, что есть еще и такие люди, а не только обычные».

Игорь, однако, долго оставался от этого в стороне. «Как хорошо было бы, если бы ты, Игорь, покрестился – какой бы замечательный из тебя вышел священник», – не раз с большой любовью приступала к нему Анна Ивановна. Теперь-то мы знаем, что ее слова были пророческими, но тогда Игорь в ответ лишь снисходительно улыбался в густые усы. У него были свои, непростые отношения с Богом.

У многих советских интеллигентов, к которым принадлежала семья Игоря, была одна особенность. Чувствуя сердцем, что Бог есть («а знаете – что-то такое все-таки есть. Нет, Бог, конечно, не дедушка на облаке, – но какой-то Высший Разум, несомненно, существует»), эти часто искренние, умные, ищущие истину люди в своих поисках были готовы забраться куда угодно, – хоть в экзистенциализм, хоть в древнее язычество, хоть на Тибет, – но только не обратиться к Церкви.

Православие казалось им «неинтеллектуальным», не достаточно «эстетичным», слишком «простым» (не то, что йога), «сусальным», «косным» и так далее, – кому как накрутит своим хвостом бес, действующий в случае с интеллигенцией в основном через гордость ума, страсть, под дудку которой мы пляшем особенно охотно. Но ничто на Земле не ново.

«…Гордость ума. Никогда еще не возрастала она до такой силы, как в девятнадцатом веке… Поразительно: в то время, когда уже было начали думать люди, что образованьем выгнали злобу из мира, злоба другой дорогой, с другого конца входит в мир – дорогой ума, и на крыльях журнальных листов, как всепогубляющая саранча, нападает на сердца людей повсюду»[14], – это было написано Николаем Васильевичем Гоголем за двести лет до нас, а убери дату, и покажется, что вчера или сегодня.

Старшая дочка Женя рассказывала, как они, поначалу без папы, познавали Божий мир: «До нас веру донесла мама, – не то, чтобы многое объясняла, но возила нас в храм. Созерцание храма, всего Божественного, – для детской души это очень важно. И это настолько укрепляется в сердце, что без Бога ты уже никак. Благодать Божия прочно селится в душе, – и потом, куда не поверни, без Бога ты уже не сможешь».

Жене тоже однажды приснился необычный сон, про белого голубя: «Молитвословов у нас не было, – помню, мама у Анны Ивановны их брала и переписывала в тетрадочку молитвы, и нас тоже сажала переписывать. И вот как-то ночью сплю я в своей комнате детской – даже не понимаю, то ли это сон, то ли это явь, – и вдруг просыпаюсь от сильного света. Как бы толчок, – и свет, свет льется в окно детской – с неба, со стороны леса. Я встаю, смотрю, – стоит Илюша на коленях и молится, читает по этой тетрадочке молитвы, а я говорю – подожди, Илюха, я с тобой! – и тоже на колени встаю, и мы с ним читаем молитвы, и к нам на окно садится белый-белый голубь».

Небесный призыв

Хотя за несколько сотен километров, в Чечне, было уже неспокойно, в самом начале 90-х в Приэльбрусье кавказские горы были опасны разве только для альпинистов, – ну, или по природным причинам, вроде схода лавин или камнепадов. В том смысле, что кроме как из противолавинных пушек, тут еще не стреляли.

Шел 1992 год. Только началась осень, и на темно-зеленых склонах гор пробивалась первая рыжина. По дороге, уходящей вниз от Терскола, петляла, торопясь, белая «копейка». Это была очень старая ржавая машина, «жигули» первой модели. Вечно ломалась: то не заводится, то крестовина отпадет, то еще что-нибудь случится, – но сейчас она вела себя идеально.

За рулем сидел высокий рыжий синеглазый мужчина, сосредоточенный и – профессия обязывала – спокойный, невзирая ни на какие обстоятельства. Сейчас он вез свою жену с очень больным, самым младшим сыном в Нальчик – за 120 км от дома, в республиканскую больницу. Только там им могли помочь.

Маленький белобрысенький мальчик, измученно примолкший на руках у Кати, один раз уже чудом выжил, – когда мама, носившая его под сердцем, перед самыми родами заболела ботулизмом, отравившись грибами, и едва не умерла. Их обоих, – и роженицу, и младенца, – вымолила бабушка Екатерины, монахиня Нонна, подвизавшаяся в Казахстане. В этом явилось Божественное домостроительство спасения. Андрею и его маме обязательно нужно было жить: через Андрея действовал Промысл Божий, – именно с ним были связаны важные события, приведшие его отца к вере Христовой, а затем – и к священству, и к мученичеству. А вслед за отцом Игорем шла к Богу и укреплялась в вере и вся его паства, – из маленького зерна выросло целое дерево.

И вот самое первое из этих событий произошло, когда белая машина выбиралась из Баксанского ущелья: ребенок, который только научился говорить первые слова, вдруг сказал, что видит распятого Христа. Конечно, он выразил это по-другому: сказал, что видит «дядю», который «висит на дереве», – но мама сразу поняла, о чем речь. Ведь Андрей уже не раз видел и Голгофу в храме, и распятие на крестиках и иконах. «Оружие на дьявола Крест Твой дал еси нам: трепещет бо и трясется, не терпя взирати на силу Его[15]». Пройдет совсем немного времени, и его отец узнает силу Креста Господня и то, как трепещут и боятся Креста бесы.

Если быть внимательным, то можно заметить, как события из Священного Писания отражаются в жизни людей – не буквально, но отблеском ложась на неровную, неидеальную, идущую крупной рябью поверхность. Всех людей, – даже стоящих еще вне Церкви, но видимо, уже избранных Богом: *Дух дышит, где хочет* (Ин.3:8).

Апостол Павел на пути в Дамаск чудным образом обрел веру в Того, Кого шел преследовать и гнать. Равноапостольный Константин сподобился увидеть Крест на небе[16] и положил к его подножию целую империю. Преподобная Мария Египетская, войдя в храм блудницей, заступничеством Богородицы прикоснулась ко Кресту и вышла из него совсем другим человеком.

Игорь Розин, конечно, не привел к вере языческие народы и целые империи, но и он сподобился от Бога обращения через чудо.

Добравшись, наконец, до города и передав маму с мальчиком врачам, обратно в Терскол он не поехал, остался ночевать в машине. И вот тут-то, у больницы и произошло событие, полностью изменившее сознание сильного человека, который привык рассчитывать на собственные силы,

знания и опыт и был уверен, что способен держать под контролем абсолютно все: Игорь встретился с бесами.

Одна из лучших придумок дьявола заключается в том, что он смог убедить мир в том, что его не существует, говорил один из персонажей известного фильма. И все же в то, что существует дьявол, современный человек еще готов поверить, – в основном благодаря искусству, где образ демона – одинокого изгнанника, почти всегда преисполнен томительного, завораживающего обаяния.

«Печальный демон, дух изгнанья, летал над грешною землей», – так начинается лермонтовский «Демон», холодная как снег и завораживающая как огонь история любви демона к девушке Тамаре.

Демон Лермонтова – настоящий антимонах: он одинок и один, он бежит ото всех, но не затем, чтобы молиться Богу, а чтобы уйти от Него, улететь все дальше, скрыться, уйти, и там, в демонической пустыне обжигающей тоски, довести свою печаль до абсолюта.

И вот он скользит под облаками среди безжизненных скал, стараясь быть невидимым для Бога, и судороги этой тоски проступают со страниц поэмы, заражают демонической печалью.

Лермонтов переделывал поэму девять раз – явившийся по его зову демон не давал ему покоя, доводя до исступления, но с тезкой поэта, Михаилом Врубелем, вышло еще хуже.

Впервые написав демона для иллюстраций к лермонтовской поэме, на некоторое время Врубель забыл о нем, но демон все-таки свел его с ума. И как влюбленный, что бы ни делал, возвращается умом к дорогой его сердцу особе, так и Врубель писал и писал демона, будучи не в силах остановиться. «Демон – дух не столько злобный, сколько страдающий и скорбный, при всем этом дух властный, величавый», – характеризовал своего героя в письме к отцу бедный художник. Зачарованная больная душа заболевала все больше, впитывая ледяное излучение демонической печали, и, теряя волю, пронизанная этим гипнотизмом, перерождалась, изъеденная жгучей пустотой.

Из этой безумной серии наиболее известен «Демон сидящий» – Врубель, который последние шесть лет своей жизни провел в Доме скорби, так восхищался мощью своего персонажа, что написал его не вмещающимся в рамки картины.

«Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо», – эта цитата из «Фауста», ставшая эпиграфом к «Мастеру и Маргарите» тем более всем известна. Сколько людей затвердили ее наизусть: зло притягательно, а добро кажется людям, не имеющим никакого понятия о духовных вещах, чем-то ужасно скучным.

Иными словами, дьявол позаботился о том, чтобы создать себе по-настоящему хороший имидж, – сделал все от него зависящее, чтобы понравиться, и в таком красивом виде оказался весьма ко двору некоторой части человечества, а в XX веке еще и обзавелся такой фильмографией, что ей позавидует любой голливудский актер.

Так что в существование дьявола современный человек еще готов поверить. Но вот бесы… Расскажите про бесов своим невоцерковленным знакомым – да и многим церковным «свободолюбцам» и модернистам тоже – и они примут такой вид, какой принимают воспитанные люди, когда при них говорят или делают нелепость. Какие бесы? Кто в XXI веке верит в существование чертей? Это какие-то детские сказки!

Надо сказать, что как раз в сегодняшних детских сказках бесов предостаточно – общая

демонизация культуры не просто затронула фильмы и книжки для подростков и самых маленьких, она стала ее основой. Малышам показывают «Шрека», подростки нескольких поколений выросли на «Гарри Поттере», молодые люди постарше переходят на «Сумерки» (хотя, впрочем, сейчас они уже забыты – сегодня все меняется очень быстро, но, к сожалению, в худшую сторону), не говоря уже о компьютерных играх вроде «Демонов-убийц» и прочая. Вступая в этот виртуальный мир, человек в буквальном смысле вступает в демонообщение, – хотите проверить, так это или нет, загляните в монитор подростка, уже третий час смотрящего покрасневшими глазами в экран и периодически говорящего в гарнитуру скайпа что-то вроде «ну что, ты вселился?»

Эти бесы на совершенно законных основаниях – можно сказать, с приглашениями в руках, – давным-давно бегают во множестве мультиков, фильмов и игр, а люди по-прежнему уверяют себя и друг друга в том, что их не существует.

Один старенький иеромонах, отец Александр, служивший в московском храме преподобного Сергия Радонежского в Крапивниках (это было, наверное, в 2008 году) советовал сомневающимся в существовании бесов почитать всю ночь Псалтирь и послушать, что будет – как те начнут проявлять свое недовольство.

Впрочем, Игорю Розину ту ночь ничего такого делать не пришлось. Потому что он и так увидел бесов – зримо, телесными очами.

В ночной тиши спавшего сладким сном Нальчика бесы подняли на воздух его машину и принялись яростно ее вращать.

Не знаю, что чувствовал человек, находившийся внутри. Но только он сделал то единственное, что должен был сделать – позвал на помощь.

«Господи, если Ты есть, помоги мне!» – в страхе молил Игорь, и Господь услышал его: на небе явился сияющий Крест, – так же, как много веков назад он явился императору Константину.

И бесы отступили, поставили машину.

Именно в этот момент Игорь поверил, что Бог есть. Что Он и есть та Истина, которую Игорь искал всю жизнь.

А маленькому Андрею наутро стало легче, и его забрали домой, – словно эта болезнь была дана для духовного исцеления.

Игорь же, узнав крестную силу, будто опомнился, проснулся. «До этого мы ездили с мамой в храм, но дома открыто не молились. А тут папа однажды уехал (он часто уезжал по работе), а когда вернулся, – я очень удивилась, – привез нам всем крестики, именные иконочки и стал учить меня креститься: я помню, что крестилась всей пятерней», – вспоминала через много лет, уже став матушкой, его младшая дочь Александра.

Очень красивая, высокая – в отцовскую породу, – старшая дочка Женя щурится, прислушиваясь к чему-то внутри себя, – к воспоминаниям, очень дорогим и сокровенным, – и бережно, словно наощупь подбирает слова, рассказывая про папу в той самой комнате, где садился в ее видении на подоконник белоснежный голубь.

«Мне кажется, – слова, наконец, найдены, – у него эта струнка была в душе всегда. Он действительно искал чего-то не от мира сего. Верил и нашел эту Правду».

Женя объясняет, почему у папы этот путь оказался чуть длиннее, чем у мамы: «Потому что он – мужчина. Женщина – она все чувствует сердцем, а мужчина – ему нужно *знать.* Видеть, ощутить, потрогать».

Когда же ощутил и увидел, – там, у больницы, в машине – медлить уже не хотел, решил принять Святое Крещение. Но и враг не дремал, – как только Игорь соберется в храм, обязательно что-нибудь случится: то машина сломается, то спина разболится так, что не встать.

Семья у Розиных была большая, прокормить ее помогал кусочек земли, на котором они выращивали картошку и какие-то овощи. Располагался этот огород далеко – более чем в ста километрах от Терскола, на равнине, под городом Прохладный.

Как и многие селения в предгорье, Прохладный был когда-то казачьей станицей, – одной из многих, выстроенных при императрице Екатерине II, чтобы обезопасить южные окраины Российской империи. Там и сегодня живут в основном русские – и есть два храма.

Поработав на огороде и проезжая по городу, Игорь остановил машину у одного из них – Никольского казачьего собора – и зашел, как был, в рабочей одежде, в пустую церковь. К нему вышел священник. «Хочу креститься, прямо сейчас!» Тот удивился: для торжественного случая другого костюма не нашлось? Да и вообще – что за спешка? Игорь объяснил. И вышел из храма уже крещеным.

Александр Грибоедов. Тайная война

На Кавказе словно бы существует некая, никем не оговоренная норма концентрации всего русского в воздухе – и как только она превышается, моментально ощущается напряжение. Почему в районах Северного Кавказа, где живут в основном мусульмане, к русским относятся, мягко скажем, настороженно? Каждый из нас, наверное, мог бы сходу назвать несколько причин, но истинная лежит куда глубже, чем то, что первым приходит в голову.

«Кует бессильные крамолы, дрожа над бездной, Альбион!» Эта цитата – из стихотворения «России», написанного в 1839 году православным богословом и одним из основателей славянофильства Алексеем Хомяковым. Примем его строки за ответ: в 30-е годы девятнадцатого века Кавказ стал сферой жизненных интересов Британии, положившей много сил на то, чтобы через него ослабить Россию – об этом и писал Алексей Хомяков. Что же до бездны, то ее следует понимать в духовном плане.

Весь девятнадцатый век Великобритания занималась тем, что, играя на религиозных чувствах горцев и всячески подогревая и поддерживая джихад на Кавказе, пыталась отделить его от России. И не ради декларируемой свободы самих горцев – известно, как Британия обращалась со «свободами» народов, живших в ее колониях, – а только потому, что видела в России могущественного соперника и пыталась ее обессилить.

После победоносных войн с Персией и Турцией почти весь Кавказ стал частью Российской Империи. Британцы, чье мировое влияние и богатство держалось на колониях (что такое была Англия без них? просто большой остров), боялись, что Россия не остановится и зайдет еще дальше – в Индию. Пугало Англию – владычицу морей – и доминирование России на Черном море, и русский военный флот на Каспии. И то, и другое было результатом российских военных побед – так же, как и возможность выхода России к Средиземному морю через Босфор и Дарданеллы.

Россию требовалось остановить. Но как? Теми же методами, которыми сегодня действуют США и их союзники на Ближнем Востоке: интригуя и используя прежде всех других так называемый «исламский фактор». Британцы задумали «создать на Кавказе буферное исламское государство»[17].

Чопорные британские джентльмены с сухими ртами и безупречными манерами, педанты и пуристы, играли в большие шахматы, – и, казалось, не знали себе равных. Одна история шхуны «Виксен» говорит о многом.

В 1829 завершилась первая Турецкая война. По ее итогам России отошло восточное побережье Черного моря – от Анапы до Абхазии.

Часть жителей переменами была недовольна, и Британия не замедлила этим воспользоваться. Начались поставки оружия горцам и прочая, хорошо знакомая по современной истории «помощь». Целью ее было отделение Черкесии от России.

Оружие доставляли из Турции, морем – на якобы торговых кораблях.

Борясь с этой смертельной контрабандой, в 1832 году Россия ужесточает правила и выпускает предписание: отныне «военные крейсеры будут допускать… иностранные коммерческие суда только к двум пунктам – Анап и Редут-Кале, в коих есть карантин и таможни…»

Англия немедленно протестует: это нарушение *свободы* торговли! – но Россия не намерена уступать. Англия тоже: контрабанда оружия продолжается.

Еще четыре года горцы стреляют из британского оружия по русским солдатам, но настоящая «освободительная» война никак не раскачается, не развернется, и Лондон решается на провокацию.

В Константинополе по приказу первого секретаря британского посольства Дэвида Уркварта – вот он, похожий на дядюшку-чудака из романа про старую добрую Англию, смотрит с пожелтевшего фото – снаряжают шхуну. Ее название «Виксен» – «Лисица». Приняв на борт мешки с солью, под которыми спрятаны орудия и боеприпасы, шхуна идет к российским берегам – и самым наглейшим курсом. У капитана предписание: не только не избегать встречи с русскими кораблями, но и, напротив, искать ее!

Какой там Анап и Редут-Кале, – демонстративно пройдя мимо Геленджика, шхуна движется в Суджук-Кале, в район нынешнего Новороссийска. Она словно кричит – «заметьте меня!»

Ее замечают: шхуну преследует русский бриг – и задерживает, но в какой момент! Вольготно расположившись в бухте Суджук-Кале, «Лисица» выгружает на шлюпки мешки с солью.

На «Аяксе» – так называется русский бриг – требуют осмотра шхуны. Ради этого все и затевалось: в ответ британский капитан заявляет, что его король никогда не признавал блокаду «берегов Черкесии», выражает протест и говорит, что подчинится «только силе». Но русские – тоже не дураки: у них и мысли нет о штурме: не подчинитесь – затопим шхуну, обещает капитан «Аякса», и капитан «Виксена» уступает.

Шхуна конфискована, экипаж выслан в Константинополь. Лондон, узнав об этом, разумеется, задыхается от возмущения, – как было, к примеру, когда Турция сбила наш самолет, но ведет себя так, будто это мы вероломно убили ее летчиков.

Консерваторы поднимают вопрос о законности пребывания Черкесии под юрисдикцией России,

«прижимающей свободы». Требуют немедля ввести британский флот в Черное море. В воздухе пахнет войной, но – милость Божия – на этот раз она не начинается.

Однако мы знаем, что пока режиссеры мировых постановок делят амбиции и деньги, обманутые ими исполнители неглавных ролей, горячо и искренне уверовавшие в лозунги, которыми их завели, сражаясь «за справедливость», убивают и гибнут сами. Огонь раздуваемой британцами войны, потрескивая, бежал по бикфордову шнуру насаждаемого радикального ислама и, наконец, добрался до динамита. В 30-е годы XIX века над Дагестаном и Чечней взвилось зеленое знамя газавата, – священной войны против гяуров, неверных. То есть русских.

Дагестан был центром воинственного ислама – так сложилось исторически: еще во времена процветания христианской Алании, в VIII веке, здесь было основано исламское государство – Казикумухское шамхальство.

По «русскому вопросу» в шамхальстве бывали разные мнения. То шамхальцы с русскими строили крепость, то воевали против них, то снова мирились и, сплотившись, вместе ходили на Кабарду.

В шестнадцатом веке Ивану Грозному отсюда даже прислали живого слона – с просьбой защитить от крымского хана, шевкальского царя и турок-османов.

Последние стремились захватить шамхальство, чтобы использовать его как плацдарм для продвижения на Кавказ.

В похожем положении находилась и Грузия, с той разницей, что завоеватели были беспощадны к ее жителям, – не мусульманам, как они, а православным. Павшие от их мечей пополняли сонм мучеников за веру Христову. Пустели целые области. Из терзаемой Грузии не раз обращались за помощью в Москву – ее оказывал и Иоанн Грозный, и сын его, первый, прославленный в лике святых, русский царь Феодор Иоаннович. Царь Феодор принял под свое покровительство кахетинского царя Александра, отчасти это спасало Грузию от атак турок и персов, а Кавказ – от поглощения исламом.

Что же до его отца, то Иван IV, так много сделавший для русской государственности, прибавил к этому еще и то, что в 1567 году основал на Кавказе приграничный русский город-крепость – Терки.

В новом городе поселились не пришлые, а местные люди – гребенские казаки, известные впоследствии как терские: они жили по склонам Терского хребта. Эта крепость стала первым русским щитом на пути иноземных вторжений на Северный Кавказ.

Шло время, терское войско росло, строились казачьи городки.

Эту казачью область ждала суровая судьба на долгие полтораста лет. Пока Россия, охваченная кровавой Смутой, начавшейся после смерти последнего из Рюриковичей, оборонялась от внутренних и внешних врагов и не могла помогать Кавказу, именно казаки встали живой стеной между русскими и иноземцами, рвавшимися с юга. Их почти всех избили, но со своей земли они не ушли.

В это время на Северный Кавказ двинулись не только завоеватели, но и мусульманские миссионеры – начиналась окончательная исламизация горских народов.

Только в восемнадцатом веке, при Екатерине, окрепшая Россия вернулась на Кавказ – и

увидела его совсем другим: откровенно враждебным. Теперь волей-неволей пришлось искать возможность оградить новообретенные земли – Новороссию – от набегов горцев. Россия стремилась обезопасить свои южные окраины.

В предгорьях Главного Кавказского хребта и на прилегавших к ним равнинах Россия начала строить Азово-Моздокскую оборонительную линию. Так были заложены – именно как крепости – впоследствии ставшие городами Ставрополь, Георгиевск, Моздок, Екатериноград. Началось массовое переселение казаков с Хопра, Причерноморья и Дона.

Станицы вместе с городами-крепостями образовали цепь (бездумно разрушенную советской властью во времена расказачивания), лежавшую надежной преградой вдоль Кавказского хребта и запиравшую выходы из горных ущелий. Выстроенная как оборонительная в восемнадцатом веке, спустя столетие, при генерале Ермолове, эта линия стала форпостом продвижения вглубь кавказских гор.

Близился девятнадцатый век – время блестящих побед и успешных походов: русскими войсками были разбиты старые враги Грузии и православных балканских народов – и персы, и османы, Россия присоединяла новые территории и укреплялась у морей.

И вот наступил час, которого так боялся Лондон: император Павел I, подружившись с Наполеоном, вознамерился идти в Индию, к главным колониям британской короны.

В 1801 году передовой отряд русской армии – 22 тысячи казаков, войско Донское – ушел Оренбургу.

Еще в конце декабря 1800 британцы пытались убить Наполеона при помощи «адской машины»: на улице, по которой следовала его карета, взорвался бочонок с порохом. Многие погибли, но сам Наполеон уцелел.

Теперь же, ввиду начавшегося похода, Британия должна была срочно что-то предпринять: весь ее доход, включая торговлю опиумом, происходил из Индии.

Тогда и началась ее «Большая игра» против России, или «Турнир теней»: сеть спецопераций, шпионская война, бесстыжая и беспощадная, как внезапная смерть.

Среди ее жертв найдем и императора Павла I, и Александра Сергеевича Грибоедова, и – уже в XX веке – Григория Распутина, и саму Российскую империю, к уничтожению которой «туманный Альбион» приложил немало усилий.

Из школьных учебников мы знаем, что император Павел I был задушен – ночью, спящим, в собственной спальне, своими же царедворцами. Но о том, кто маячил за спинами цареубийц пляшущей тенью от свечи на стенах Михайловского замка, расскажет не учебник, а ликующее письмо британского посланника в России, лорда Чарльза Уитворта.

«Прошу принять мои самые искренние поздравления! – пишет он после убийства бывшему российскому послу в Лондоне, графу С. Воронцову, – Как выразить все, что я чувствую по поводу этого счастливого случая, ниспосланного Провидением. Чем я более думаю о нем, тем более благодарю небо».

Письмо написано в Лондон, и «провидение» присутствует в нем как фигура речи – Уитворт отлично знал цену этому «провидению»: заговорщики собирались в доме у его любовницы, известной санкт-петербургской авантюристки Ольги Жеребцовой, – потому что именно через Уитворта из Лондона финансировали убийство русского императора.

Мало кто знает, что перед революцией по поручению другого императора, будущего страстотерпца Николая II, Священный Синод рассматривал вопрос о канонизации Павла I. Тогда же Петропавловский собор, где, как и все Романовы до него, был погребен Павел I, выпустил книгу со свидетельствами о чудесах по молитвам на его могиле[18].

Смертью Павла I индийская эпопея и завершилась. Через несколько месяцев, в марте 1801-го, узнав о смерти друга, Наполеон ни на секунду не усомнился в том, кто это сделал: «Англичане промахнулись по мне в Париже, но они не промахнулись по мне в Петербурге!»

Прошло 11 лет, Наполеон, уже став императором, сам напал на Россию, был повержен, и после победы над ним наступило время расцвета Российского государства.

Правившие им императоры считали необходимым для себя печься не только о русском, но и вселенском православии: сербах, болгарах, молдаванах, греках, угнетаемых турками-османами. Балканские войны несли православным народам, изнемогавшим под исламским владычеством, долгожданную свободу, – а там, где освобождение было невозможно, желаемое достигалось дипломатическим путем. Так, например, при императоре Николае I все православные, жившие на территории Османской империи, находились под официальным покровительством государства Российского.

А Британская империя продолжала свою «Большую Игру». На Кавказе оружием и деньгами она поддерживала сепаратизм, в то время как идейную составляющую – исламский фанатизм – поставляла Османская империя, союзник Британии. Этот экспорт шел воротами Дагестана, где в 30-е годы девятнадцатого столетия взошла звезда имама Шамиля. С искусственным насаждением идей джихада из памяти горских народов, в том числе и балкарцев, уходили последние воспоминания о христианском прошлом.

«Как тяжело жить, когда с Россией никто не воюет», – восклицал лорд Палмерстон, знаменитый политик, в конце карьеры ставший премьер-министром Британии.

«Крым и Кавказ отбираются у России и отходят к Турции, причем на Кавказе Черкесия образует отдельное государство, находящееся в вассальных отношениях к Турции», – таков был его план: раздел России.

И в 1853 году война началась. Очаг раздора вспыхнул не где-нибудь, а на Святой Земле, бывшей частью Османской империи.

Хранителями ключей от храма Господня были тогда православные греки. И вот, под давлением Ватикана, Англии и Франции, турецкий султан отобрал эти ключи у православных и передал их католикам, одновременно отказав России в покровительстве над православными подданными Османской империи.

В ответ на это император Николай I 26 июня 1853 года объявил о вступлении русских войск в православные земли, лежавшие под владычеством турок – Молдавское и Валашское княжества. А в октябре Турция объявила России войну. Министр иностранных дел Великобритании назвал ее «битвой цивилизации против варварства». Чем не нынешний день? И тот же план раздела России, и те же стереотипы.

Крымская война продолжалась три года, а Кавказ не мог успокоиться больше десяти лет. Пролилось много крови, много было сделано зла, и глубокие раны, затянувшись, дают о себе знать и сегодня, когда вслед за британцами теперь уже новые силы раскачивают Кавказ, вбрасывают старые идеи исламского фанатизма, финансируют боевиков, провоцируют большие

и малые войны.

Александр Грибоедов оставил нам бесценное свидетельство того, какими на самом деле были отношения между горцами и русскими на Кавказе в XIX веке. Вот письмо, написанное им в 1825 году, во время Кавказской войны, из станицы Екатериноградской, одной из тех самых первых оборонительных крепостей, заложенных при Екатерине. Эта станица расположена совсем рядом с Прохладным и тем Никольским собором, в котором без малого через двести лет крестился Игорь Розин.

«Душа моя Вильгельм. Спешу уведомить тебя о моем житье, покудова не народился новый месяц, а с ним и новые приключения; еще несколько дней и, кажется, пущусь с А[лексеем] П[етровичем] в Чечню; если там скоро утишатся военные смуты, перейдем в Дагестан, а потом возвращусь к вам на Север.

…Дела здешние были довольно плохи, и теперь на горизонте едва проясняется. Кабарду Вельяминов усмирил, одним ударом свалил двух столпов вольного, благородного народа. Надолго ли это подействует? Но вот как происходило. Кучук Джанхотов в здешнем феодализме самый значительный владелец, от Чечни до Абазехов никто не коснется ни табунов его, ни подвластных ему ясырей, и нами поддержан, сам тоже считается из преданных русским. Сын его, любимец А[лексея] П[етровича], был при посольстве в Персии, но, не разделяя любви отца к России, в последнем вторжении закубанцев был на их стороне, и вообще храбрейший из всех молодых князей, первый стрелок и наездник и на все готовый, лишь бы кабардинские девушки воспевали его подвиги по аулам. Велено его схватить и арестовать. Он сам явился по приглашению в Нальчикскую крепость, в сопровождении отца и других князей. Имя его Джамбулат, в сокращении по-черкесски Джамбот. Я стоял у окна, когда они въезжали в крепость, старик Кучук, обвитый чалмою, в знак того, что посетил святые места Мекку и Медину, другие не столько знатные владельцы ехали поодаль, впереди уздени и рабы пешие. Джамбот в великолепном убранстве, цветной тишлай сверх панцыря, кинжал, шашка, богатое седло и за плечами лук с колчаном. Спешились, вошли в приемную, тут объявлена им воля главнокомандующего. Здесь арест не то, что у нас, не скоро даст себя лишить оружия человек, который в нем всю честь полагает. Джамбот решительно отказался повиноваться. Отец убеждал его не губить себя и всех, но он был непреклонен; начались переговоры; старик и некоторые с ним пришли к Вельяминову с просьбою не употреблять насилия против несчастного смельчака, но уступить в сем случае было бы несогласно с пользою правительства. Солдатам велено окружить ту комнату, где засел ослушник; с ним был друг его Канамат Касаев; при малейшем покушении к побегу отдан был приказ, чтобы стрелять. Я, знавши это, заслонил собою окно, в которое старик отец мог бы все видеть, что происходило в другом доме, где был сын его. Вдруг раздался выстрел. Кучук вздрогнул и поднял глаза к небу. Я оглянулся. Выстрелил Джамбот, из окна, которое вышиб ногою, потом высунул руку с кинжалом, чтобы отклонить окружающих, выставил голову и грудь, но в ту минуту ружейный выстрел и штык прямо в шею повергли его на землю, вслед за этим еще несколько пуль не дали ему долго бороться со смертию. Товарищ его прыгнул за ним, но середи двора также был встречен в упор несколькими выстрелами, пал на колена, но они были раздроблены, оперся на левую руку и правою успел еще взвести курок пистолета, дал промах и тут же лишился жизни. Прощай, мой друг; мне так мешали, что не дали порядочно досказать этой кровавой сцены; вот уже месяц, как она происходила, но у меня из головы не выходит. Мне было жаль не тех, которые так славно пали, но старца отца. Впрочем, он остался неподвижен и до сих пор не видно, чтобы смерть сына на него сильнее подействовала, чем на меня. Прощай еще раз. Кланяйся Гречу и Булгарину».

Александр Грибоедов называет врагов «вольным, благородным народом», а мятежного князя – проще сказать, предателя – «несчастным смельчаком». Никакой ненависти или неприязни,

напротив: в каждой строчке драгоценностью проступает уважение – если не сказать восхищение.

Сам Грибоедов тоже станет жертвой политики Великобритании, для которой победа России над Персией и Туркманчайский договор, составленный блестящим дипломатом Александром Грибоедовым, стали поражением. По этому договору к Российской империи отходили Армения и часть Азербайджана. Британцы отомстят, и метод будет тем же – раздуть религиозную вражду и ненависть к неверным.

«Перестройка» страны и воцерковление человека

В самом начале 90-х мир вокруг стремительно менялся, выбрасывая за ненужностью не только остатки советского идеализма, но и весь десятилетиями настоянный уклад разламывающейся на куски страны. Первой отвалилась и разлетелась в прах коммунистическая идеология, но на ее место уже спешила другая, заморская жар-птица. «Целились в коммунизм, а попали в Россию», – заметил после распада СССР высланный из страны еще в 70-х диссидент и критик и коммунизма, и капитализма Александр Зиновьев.

Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит; тогда говорит: возвращусь в дом мой, откуда я вышел. И, пришедши, находит его незанятым, выметенным и убранным; тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и, вошедши, живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого (Мф.12:43–45). Заграница-греза, Америка-свобода, Европа-мечта, – в распахнутые ворота бывшей «империи зла» хлынула «гуманитарная помощь» во всех ее видах: старой бесплатной одежды, новых, прозападных законов, приведших к полному развалу экономики и производства, новых идей, отношений и начинавшихся войн.

В то время, когда в доме под высокими соснами Терскола мама Катя усаживала детей за переписывание молитв, по всему пространству бывшего СССР другие дети усаживались играть в компьютерные приставки (пройдет несколько лет, и из малышей, проводивших часы за «денди» и «сега», вырастет поколение, одержимое компьютерными играми и интернетом).

В телевизоре – этом, увы, привычном для большинства окне в мир, – тоже появилось новшество – диснеевские мультсериалы, решительно сменившие казавшиеся теперь какими-то убогими «Маугли» и «Варежку».

Всем захотелось заморского. В рекламных паузах между «Черепашками-Ниндзя» и «Утиными историями» показывали «сникерсы» и «баунти». «Райское наслаждение», шептал под музыку шоколадный женский голос, китайская кукла «барби» в мини-юбочке стоила в переходе у московского «Детского мира» немыслимые 300 рублей, инфляция тут же превращала их почти в мелочь, танки расстреливали Белый дом, и канонада расходилась по Отечеству эхом: повсюду начали стрелять. В центральной России – бандиты на джипах (попавший в зону огня столичный народ, насмотревшийся криминальных хроник, в случае перестрелки умело падал на землю, закрывая голову руками), а ближе к окраинам бывшей империи – бандформирования и войска.

Впрочем, в Приэльбрусье в начале 90-х еще не стреляли.

«Тырныауз – совсем не тихий городок, – говорила нам несколько лет назад жена одного офицера спецслужб в отставке. – У нас, по крайней мере, сложилось впечатление, что тут очень много людей, участвовавших в вооруженных столкновениях».

Татьяна и Дмитрий любят приезжать на могилу отца Игоря и молиться в храме, где он был

убит. И возможно, в силу прежней профессии Дмитрия, внимательней, чем многие другие, смотрят на вещи: «На самом деле это единственный большой город в предгорьях Эльбруса, где тебя никто не будет искать, никто не будет спрашивать, кто ты и откуда. Здесь очень много заброшенных квартир, подходящих для того, чтобы “залечь на дно”, – это идеальное место для людей, пришедших отдохнуть после того, как они где-то повоевали».

Когда в 90-х Северный Кавказ снова заполыхал, в Приэльбрусье быстро начали проявляться новые настроения. Словно в воздухе разлили пьянящий феромон войны. Так оно и было – только без всякой химии: не Альбион, но теперь уже США начали экспортировать на Кавказ идеи джихада, через своих эмиссаров напоминая горцам, что за долгий советский век они излишне увлеклись идеями дружбы народов.

И люди, еще вчера не обращавшие внимания на национальные различия, начали выживать из этих гор других людей, выдавливая их на равнины, где власти хоть как-то могли контролировать происходящее.

Коснулось это и Игоря Розина, который никогда не спрашивал паспорта у пострадавшего перед тем, как начать вытаскивать его из трещины, и работал в горах в одной связке с людьми без всякого внимания к их национальности.

Однажды камнем выбили стекла в его машине – той самой белой «копейке». «Чуть вообще не убили», – вспоминала матушка. Бывало и так, что приходил местный бандит, некий Махмуд, усаживался в ту же машину, говорил – «вези меня», и Игорь садился за руль, но тут уж восставала Екатерина, – знакомый же был бандит, можно сказать, «свой»: «Тебе не стыдно? Не смей так делать, у нас дети маленькие!» – но тот все равно смел.

И тогда Екатерина брала на руки маленького Андрея и ехала вместе с бандитом и Игорем в машине с разбитыми стеклами, – выступала в роли сдерживающего фактора.

«Приставали они так к русским. Терроризировали русское население», – объясняет Лена Горохова, бывшая свидетелем той сцены и многих ей подобных.

Чтобы ремонтировать машину, Игорь выкопал у себя во дворе смотровую яму. Опять заявился Махмуд: «Давай закапывай, я не разрешаю, чтобы яма была!» И поразительно, – Игорь пошел и закопал. Что с ним происходило?

Он, такой сильный, гордый, властный, теперь учился смирению, – учился обуздывать свое сердце, выгоняя из него гнев и непокорство, расчищая место, уготованное Христу. Сжав зубы, учился быть новым человеком, и видя это произволение, Господь давал ему силы, – и когда оскорбляли люди, а Игорь терпел ради Господа, Христос утешал Своей благодатью.

Как-то они – Игорь, Екатерина, Лена – ехали все вместе из Терскола. Белая «копейка» медленно ползла вниз по дороге. Водитель на ходу пил кофе, – передал ему кто-то с заднего сиденья чашечку, налив из термоса. На посту ГАИ их остановили.

«Вы, говорят, ехали быстрее, чем положено, – и ведь не докажешь ничего!» – через годы рассказывая про этот случай, Лена, кажется, не остыла от возмущения. Тогда она вслед за Игорем выскочила из машины, хлопнула дверцей, и к «гаишникам»: «Как это мы быстрее ехали, если он кофе пил?! Не может быть такого!» К нему повернулась: «Почему ты так спокойно стоишь?! Объясни им!» А Игорь и бровью не повел. «Ничего, – говорит, – ничего». Это его фирменное было – «ничего, ничего».

Лена вспоминает, что ее поразило тогда его смирение. «Не просто тупое молчание, а вот

именно смирение. Он как бы говорил им: ну что же, если вы считаете нужным, значит, наказывайте, вы стражи порядка, закона, а мы обязаны закону подчиняться». *Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены* (Рим.13:1), – учит апостол Павел, и Игорь с великой радостью погружался в эту новую для себя и лучшую из наук – Священное Писание, –впитывая ее всем умом и сердцем.

К тому времени он уже начал ездить в храм, – не говорим «ходить», потому что ближайший располагался более, чем в ста километрах, – в городе, который был когда-то казачьей станицей – в Баксане.

Бесовские борения

У Игоря очень болела спина, – так, что другой раз и стоять, и ходить было затруднительно, и он все не мог понудить себя бывать на службах. Или вовсе не ехал, или вез матушку с детьми, а сам ждал их у церкви, полулежа в машине.

Случались и другие причины, а вернее сказать, поводы не поехать или не пойти. Каждый внимательный человек разной степени церковности с этим знаком: собираешься в паломничество – поднимается температура, впереди праздник – в гости приехал неверующий родственник, и из ложной боязни его обидеть вместо всенощной сидишь с ним. Или срочно нужно что-то сделать, или кран прорвало – на самом деле! – или накатило уныние или даже ропот – что это я пойду на исповедь к этим попам, когда они сами ничем меня не лучше.

Все это – борения, бесовская работа, но если в мирном состоянии это понимаешь, в сам момент борения отмахиваешься от этого понимания и начинаешь доказывать самому себе: «нет, бес тут ни при чем, я правда не могу, да что вы все время – бес да бес»! Другой вопрос, что если заставишь себя пойти, недомогание вдруг раз, и пропадает – после исповеди или ближе к концу длиннющей монастырской службы.

Вот и у Игоря были очень сильные борения, – не одна причина, так другая, найдется и не пустит на службу, не позволит причаститься.

Так продолжалось довольно долго, пока то ли он сам не понял, что происходит, то ли кто-то ему не подсказал: есть только один способ преодолеть это – просто себя заставлять. И тогда бес отступит и не будет бороть, – по крайней мере, так сильно.

И Игорь начал себя заставлять. Стал бывать на службах.

Настоятелем и единственным священником храма Покрова Пресвятой Богородицы в Баксане, куда ездили Розины, был отец Вячеслав. Игорь очень сблизился с ним. Что-то происходило между ними, особенное, сокровенное.

Говорят, что отец Вячеслав был очень простым батюшкой. Никаких внешних дарований у него не наблюдалось, обычный русский священник – добрый, хороший. Простоватый.

В советские годы его все переводили с места на место. Была у властей в СССР такая мода: батюшек, к которым тянулся народ, гоняли с одного места службы на другое, чтобы не формировался вокруг священника постоянный круг, – настоящий приход, духовные чада.

«Я, – говорил отец Вячеслав, – не раз пытался что-нибудь построить или отреставрировать, но, бывало, как только начну, меня тут же куда-нибудь и переведут. Попал в Баксан – уже ничего

не делаю. Ничего не перестраиваю, никаких ремонтов. Только служу». Так и делал.

Храм Покрова Пресвятой Богородицы представлял и (представляет) собою обычный станичный дом с пристроенным куполом, в пятидесятые в складчину выкупленный специально под церковь местной православной общиной.

В нем, ничего не строя, отец Вячеслав прослужил девятнадцать лет, пока не почил о Господе в 2004-м. Он попал в Баксан в 1985-м, когда началась перестройка и властям стало не до перестановок священников.

Будущий отец Игорь отца Вячеслава очень полюбил. Начал воцерковляться. В воскресные, праздничные дни – обязательно в храм. Все посты соблюдал, среду и пятницу – тоже.

Старшая дочь, Женя, с улыбкой вспоминала, как дети втягивались в новую жизнь: «К родителям приходило осознание, что многие вещи не полезны для нашей души, и чем раньше мы это поймем, тем лучше. И конечно, нам было тяжело это воспринимать. Раньше можно было кататься на лыжах, а тут – пост, папа не разрешает».

В доме Розиных всегда было много гостей, но теперь все начало меняться – потому что менялся Игорь. Семья, гостившая у них каждый Новый год, перестала приезжать. Да и Новый год они больше не встречали – в жизнь вошли другие праздники.

На это немножко обижался папа Игоря. 31 декабря у него – день рождения, и если раньше сын с семейством, приезжая к родителям, оставался за полночь, то теперь, поздравив дедушку, Розины скоро собирались обратно: пост!

Один раз, за год до рукоположения, Игорь вообще оказался в Новый год на склонах Шхельды – приехал друг, Сергей Щепачков. И они отправились в горы.

Перед выходом на самую вершину Сергей спросил:

– Слушай, Игорь. Ну я – понятно: амбиции там, молодость, жизнь в большом городе и всякое такое. А ты-то чего сюда поперся? Дом, семья, хозяйство, пятеро детей.

– А я просто считаю, что если я работаю спасателем в горах и находятся такие ненормальные, которые на Новый год пятерки и шестерки[19] ходят, то и я тоже должен с ними ходить.

Надо сказать, что на самую вершину Игорь тогда не поднялся, как друг его ни зазывал – именно потому, что шел не ради восхождения.

Несколько лет назад Сергей опубликовал воспоминания об этом дне: «Солнце в глаза. Ветра нет. Очень быстро согреваюсь, стоя на гребне в пятнадцати метрах от вершины. Вижу, как Игорю холодно в тени северной стены. Станция готова. Без рюкзака он быстро ко мне поднимется.

– Ну, пошли вниз.

– Да ты что? Вон вершина-то, пошли на нее!

– Не пойду.

– Как хочешь. Держи веревку и страхуй.

Простые скалы и вот вершина. Все нутро начинает наполняться чем-то теплым и хорошим. Делаю круговую панораму. Придумал хитрость, как заманить наверх своего товарища:

– Игорь, а у тебя карандаш с бумажкой есть?

– Нет, спускайся давай».

Горы были для Игоря Розина страстью, и остановив себя в нескольких метрах от вершины, он эту страсть отсекал.

Послушание – клиросное и не только

Почти сразу отец Вячеслав благословил Игоря Розина петь в церковном хоре, – пригодились музыкальная школа и абсолютный слух. До этого на клиросе пели только бабушки.

Он, конечно, интересно среди них смотрелся – широкоплечий красивый мужчина в джинсовом костюме, возвышавшийся среди старушек, большой начальник и вообще известный в этих краях человек. Со стороны посмотришь – нелепость какая-то.

Многие так и думали. Но он петь с бабушками не стеснялся. Наоборот – считал себя недостойным: говорил, что петь на клиросе – то есть быть в *клире,* в числе тех, кто совершает богослужение, – значит, стать на ступень выше, но как же я, такой грешный человек, поднимусь на эту ступеньку?

Даже пытался отказываться, но батюшка благословил петь – значит, всё, точка. Так у начальника противолавинной службы появилось клиросное послушание. Но и не только оно – а и вообще послушание, в монашеском смысле слова, которое он стал оказывать своему духовному отцу.

Батюшке предстояла операция. Накануне он попросил духовных чад, и в их числе Игоря с Екатериной, помолиться о нем в тот день и час, когда ее будут делать. «Да, батюшка, мы помолимся», – ответила Екатерина, и Розины уехали в Терскол. А когда назначенный день наступил, Игоря позвали в горы – опять приехал какой-то друг.

«Мать, всё, – сказал Игорь Екатерине (он всегда так ее называл) – я ухожу, а ты давай тут, на хозяйстве». «Как же уходишь? Ведь отец Вячеслав сказал – надо за него молиться!» «Мать, нет – вот ты будешь молиться, а я пойду». И ушел. А Екатерина стала молиться, – как и обещала.

В то самое время, когда шла операция, а Екатерина стояла на молитве, Игорь лез по замерзшему водопаду – как их называют, «сосульке» – и сорвался.

Кто говорит, что он пролетел пятнадцать метров, кто – двадцать, а кто – двенадцать, но в любом случае он сорвался с такой высоты, упав с которой, человек разбивается насмерть. А он даже ничего не сломал.

Потом рассказывал, что почувствовал, как над самой землей его придержали – будто бы на руках. Ангел ли это был…

Наверное, кто же еще? Господь сберегал его для будущего служения и попустил это падение только для того, чтобы Игорь получил вразумление.

И он сделал из происшедшего правильный вывод: понял, что был виноват, и в чем ошибся, и всю свою дальнейшую жизнь строил на послушании духовному отцу.

И потом, когда уже его собственные чада жаловались отцу Игорю на то, как тяжело им подниматься, шажок за шажочком, по духовной лестнице, потому что все время путаешь одно с другим и неизбежно падаешь, батюшка неизменно отвечал: «А ты живи и слушайся, – знаешь, как жить легко по послушанию! Я вот на себе опробовал, – и ты попробуй».

А пробы у него были такие.

Всю Страстную неделю они с Екатериной проводили в храме, молясь за всеми богослужениями. Игорь и пел на клиросе, и прислуживал в алтаре. А служил отец Вячеслав полным чином, ничего не опуская, и служб не сокращал – старой закваски был батюшка.

Соборовал только один раз в году – в Великий, или как его называют в народе, Чистый четверг, с утра пораньше. Потом служил вечерню с литургией Василия Великого, за которой в этот день причащается вся Церковь.

Затем немножко отдыхали, и начиналось чтение двенадцати Страстных Евангелий – очень продолжительная служба. А с утра в пятницу – Великие (Царские) Часы.

Свечи, с которыми стоят в храме на чтении Страстных Евангелий, все стараются донести до дома горящими. Это древняя традиция – воспоминание ветхозаветной Пасхи, когда в преддверии Исхода из Египта Господь повелел каждой семье Своего избранного народа заколоть однолетнего агнца и помазать его кровью *на обоих косяках и на перекладине дверей в домах, где будут есть его* (Исх.12:7): *И будет у вас кровь знамением на домах, где вы находитесь, и увижу кровь и пройду мимо вас, и не будет между вами язвы губительной, когда буду поражать землю Египетскую* (Исх.12:13).

В память об этом и несет домой со службы в Великий четверг горящие свечи Божий народ, чтобы начертать ими кресты над окнами и дверями: от всяких напастей и дьявольской нечисти, и во свидетельство причастности к Искупительной Жертве Христовой, которой мир избавлен от вечной смерти.

Розиным же до дома – не два квартала, а 110 километров. А отец Вячеслав благословил довезти свечку, начертать кресты и к утру вернуться – на службу.

Это было очень трудно выполнить – не спать ночь между многочасовыми службами, Игорю – вести машину, Екатерине – держать горящую свечу, следя за тем, чтобы она не погасла.

Другие бы принялись возражать, «объяснять» батюшке, что это почти не возможно, – а если нет, то роптать про себя: да что он себе думает, двести двадцать километров проехать, сутки почти без сна!

Не то – Розины: они просто исполнили благословение, и все. Довезли свечу и вернулись.

Эту историю, рассказывая об отце Игоре, обязательно вспоминает нынешний настоятель Свято-Георгиевского храма и всегда заканчивает ее словами: «Послушание появляется от любви: когда человек любит кого-то, он хочет бесконечно ему угождать и слушаться, – как внутри Пресвятой Троицы: Сын слушает Отца не потому, что Он – Отец больший, Они равны, – а потому, что любит Его. И Дух Святой слушает Слово – Сына. *Утешитель же, Дух Святый, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам* (Ин.14:26)».

Игорь Розин очень любил своего батюшку, а батюшка – своего духовного сына. «Я думаю, так к своим отцам относились в старину, – говорила Лена Горохова. – Когда отец Игорь и отец

Вячеслав находились рядом, чувствовалась эта необыкновенная связь и любовь батюшки Вячеслава. Не давление, не власть, а любовь. А у отца Игоря – бесконечное почитание и послушание».

Приезжал отец Вячеслав и в Терскол. Лена запомнила один из таких вечеров. Хозяевам как раз привезли новенькую стиральную машинку-автомат – по тем временам совсем диковину, – установили. После ужина отец Вячеслав и глава семьи пошли смотреть, как она работает. Сели на табуретки рядом, смотрят в барабан, как в театре

Барабан крутится, машинка стирает. Кот белоснежный подошел, сел у ног. Тоже смотрит в барабан. Вдруг отец Вячеслав протягивает руку и нажимает на кнопку. «Ты что, батюшка, у нее же программа, нельзя ее останавливать!» «Она у тебя носок защемила, я ее остановил, вытаскивай его теперь. На “слив” поставь». А у самого еще не было такой машинки. Поставили на слив, достали носок. Игорь потом говорил: «Отец Вячеслав спас мою машинку».

Помнятся зачем-то и такие эпизоды.

Рукоположение

Люди вокруг замечали изменения, происходившие с Игорем, – сперва внешние, а потом и внутренние: изменяясь сам, он словно становился камертоном и для других. Виктор Автономов, первым делом по-мужски заметивший, что Игорь «перестал сквернословить», затем обратил внимание и на другое: «Запомнившийся мне вопрос, который его волновал, звучал так: как спастись, живя в миру? Дал мне книгу о Силуане Афонском[20]… Я покрестился и дальше этого не заходил, – мне казалось, этого вполне достаточно. Я не задавался тогда вопросом спасения, а Игорь показал мне, что именно это и есть самое главное».

Бывшая соседка по Терсколу Ирина Сергеевна, некогда сетовавшая на суровый Розинский нрав, теперь, по прошествии лет, встретившись с Игорем в Баксане, тоже была сражена произошедшей со старым знакомым переменой. «Я увидела совершенно другого человека, – рассказывала она впоследствии, – он не просто изменился. Он как-то преобразился, и вот в чем было видно это преображение: у него во взгляде появилась христианская любовь, – свет, который и должен отличать православных от других людей[21]».

В тот раз Ирина Сергеевна приехала в Баксан из Тырныауза вместе со своей старшей дочерью, чтобы причастить маленькую внучку, Алю, которой было всего несколько месяцев.

Этот новый, непривычный Игорь Розин неожиданно подошел к ним, принялся расспрашивать, как растет девочка, – а главное, с интересом выслушивал ответы. Но и этим дело не ограничилось, – незаметно для Ирины Сергеевы он вручил ее дочери деньги, наказав, чтобы та отдала их маме только на автостанции.

Это была большая сумма: «Деньги, которые он дал нам, покрыли все расходы на поездку, – а мы жили трудно. Он это знал, учел и сделал все незаметно и деликатно, чтобы меня не обидеть. Он нам очень помог. Как с близким человеком, мы тогда с ним поговорили».

Второй врезавшийся в память эпизод произошел под Пасху. Ирина Сергеевна и матушка Екатерина прочитали в церкви вечерние молитвы (есть такая традиция на приходах, где живут общинной жизнью: в храме читать и утреннее, и вечернее правило), та ушла, а Ирина осталась – маленькие дела накануне праздника словно проистекали одно из другого: тут подправить, тут еще немножко почистить, тут прибрать…

Был вечер, все уже отдыхали, а Ирина Сергеевна еще суетилась в храме. И вдруг в церковь зашел Игорь.

«Подходит ко мне и тихонько говорит: “Ирина, иди, отдохни, – ведь ночная служба будет долгой, ты устанешь, не выдержишь”. И с такой заботой это сказал, с такою любовью… – когда Ирина Сергеевна вспоминает об этом, видно, что слова не вмещают всего, что она хочет объяснить, – Это был совершенно не тот человек, которого я знала, когда мы соседствовали в Терсколе. Вернувшись домой, я сказала мужу: ты знаешь, Игорь совершенно переменился. Это другой человек».

А Лене Гороховой запомнился его тогдашний взгляд: «Я раньше у него никогда такого не видела. Он прислуживал в алтаре, и помню, как вышел после службы – позже всех. У него были необыкновенные глаза, светящиеся, синие… Меня просто поразил его взгляд».

До рукоположения оставалось менее года, но об этом никто еще не даже догадывался, и в том числе – сам Игорь.

Скоро к Лене в Терскол из Троице-Сергеевой Лавры приехал знакомый иеродиакон – отец Гермоген. Собирался идти на Эльбрус ставить поклонный крест, рассчитывал, разумеется, на Игоря, но тот вдруг наотрез отказался: «Без благословения благочинного ставить крест на Эльбрусе не могу». Это было из ряда вон выходящее событие – он мало кому отказывал.

«Как ему тяжело было это сказать, с каким трудом он это из себя выдавил! Во всех отношениях ему проще было пойти на Эльбрус, чем не пойти, – рассказывала Лена. – Во-первых, ему очень хотелось. Во-вторых, он скорбел, что вроде как подводит отца Гермогена, – хотя и нашел ребят, которые пошли вместо него. Очень, очень трудно ему было остаться послушным священноначалию в этой ситуации. А ведь он еще не был священником! И все равно без благословения благочинного, отца Леонида, не пошел. А отец Гермоген тогда подарил ему требник. Игорь так и замер. Он даже не думал о священстве. И вдруг такой подарок. Говорил потом: “Я так удивился – зачем мне требник?”»

И вот наступил 1999 год. В Тырныаузе уже несколько лет, как сложилась маленькая, официально зарегистрированная православная община, названная в честь святого Георгия Победоносца и собиравшаяся на молебны в комнатке женского общежития. Раз в месяц из Нальчика или Баксана присылали батюшку. Своего священника на этот приход было найти почти невозможно: на жительство в Тырныауз никто не просился, – после развала СССР оказавшийся приграничным город, как губка, впитывал в себя испарения чеченских войн и других кавказских конфликтов.

Как-то между отцами зашел разговор об этом: что, дескать, нужен в Тырныаузе свой священник, а ехать туда никто не хочет, и дыра совсем, и опасно – а у батюшек матушки и дети, которых надо кормить и растить, – и что делать, совершенно непонятно. Теперь уже никто не скажет, кому на ум пришло решение задачи, оказавшееся неожиданно простым: а не мог бы стать тырныаузским священником алтарник баксанского храма Игорь Розин?

И отец Вячеслав предложил своему духовному чаду подумать о рукоположении, – на этот раз не благословил, а именно предложил, оставив за Игорем право выбора. Игорь думал долго – около полугода.

В конце 90-х в Терскол приехал отдыхать недавно рукоположенный священник из Санкт-Петербурга, отец Александр Лесюис. Познакомился с Розиными. Те пригласили батюшку пожить. Отец Александр согласился, служил у них в доме молебны с акафистами, на которые,

благодаря Бога за такой неожиданный подарок, сбегались все немногие православные жители Терскола.

А в 1999 году отец Александр – теперь уже друг семьи – приехал снова. Это было как раз в тот момент, когда Игорь Розин старался понять, что же ему делать.

«Игорь сказал, что ему предлагают принять священнический сан, что он раздумывает, что для него это большая честь, но он пока ее не принимает, потому что боится, – в хорошем смысле этого слова: знает, что не подготовлен, не кончал никаких духовных школ и вообще воцерковлен недавно. Да и крещен во взрослом возрасте, – вспоминал отец Александр их тогдашние разговоры, через несколько лет после смерти отца Игоря снова приехав в дом под сосною, – Я сказал ему тогда, что бояться не надо, – это великое призвание Божие».

Ради этого призвания Игорь должен был оставить всё, весь список достижений предыдущей жизни следовало убрать в дальний ящик, как и сам ее уклад. Жизнь предстояла новая, без учета прежних заслуг, с полным «обнулением счетчиков», – а ведь ему уже было за сорок.

Был и еще один довод, смущавший будущего отца Игоря. Известно, что нет пророка в своем Отечестве: а ему предстояло стать священником в окружении тех, кто знал его много лет в другом качестве.

«Еще вчера был как мы – за одним столом на Новый год сидели, – а теперь будет поучать нас, что поститься надо? Да еще и на исповедь к нему иди, рассказывай о самом сокровенном!» – так рассуждают в подобных случаях.

И все-таки Игорь все больше склонялся к тому, чтобы принять священство.

Отец Александр вспоминал: «В то лето мы много говорили о предстоящей хиротонии. Он спрашивал меня о каких-то практических вещах, необходимых носителю священнического сана. Возгласы на ектеньях… Когда в конце Божественной литургии нужно выходить на солею… Как совершается каждение в храме…

Я сам не так давно узнавал и переживал все это. У меня не было никакого духовного права учить его, – я просто делился собственным опытом. И с каким же волнением, с каким трепетом относился отец Игорь к тому, что должно было произойти, – к своей хиротонии!»

В начале августа, перед Смоленской – престольным праздником своего храма – отец Александр уехал. Игорь проводил его до автобусной остановки, они тепло обнялись, поцеловались по-христиански, и больше отец Александр живым его не видел.

Впрочем, они переписывались. «Он писал, как трудно ему познавать особенности иерейского служения, что часто люди не понимают его, и сам он, бывает, не знает, как поступить. Но все это указывало лишь на то, как чист он был душою и никогда не превозносился.

Знаете, это часто бывает при принятии священного сана: появляется некоторая надменность, которую мы сами порой не замечаем. А вот у него такого не было. Это говорит о его внутреннем смирении, о том, что он чувствовал огромную ответственность за каждое слово, которое он произносил».

И когда отец Игорь, наконец, решился и принял предложение священноначалия, рукополагаться в Ставрополь он поехал один – многие отмечают это, как нечто необычное: никого с собой не взял из своего большого дружного семейства, ни Екатерину, ни детей, ни родителей. Никого.

Четвертого августа, в день святой равноапостольной мироносицы Марии Магдалины, в кафедральном соборе Ставрополя состоялась священническая хиротония ставленника Игоря Розина. Совершил ее владыка Гедеон – митрополит Ставропольский и Владикавказский.

Не многие знают, что именно владыка Гедеон рукополагал в 1994 и другого будущего мученика – о. Анатолия Чистоусова. Майор в запасе, Анатолий Чистоусов стал священником по той же причине, что и Игорь Розин: других охотников служить в «горячей точке» в огромной епархии не нашлось. На следующий день после своей хиротонии отец Анатолий отбыл в Грозный.

«Перед хиротонией я спросил Анатолия:

– А если пошлют туда, где неспокойно, где опасно, – пойдешь?

Он спокойно и твердо ответил:

– Куда благословите, владыка, туда и пойду. Никакие земные обстоятельства мне не страшны», – писал потом митрополит.

Чуть меньше двух лет прослужил отец Анатолий – в 1996 году настоятель грозненского Михаило-Архангельского храма был похищен и после пыток расстрелян дудаевскими боевиками.

Отец Игорь Розин прослужил примерно столько же. Но пока до 13 мая 2001 года еще далеко – начинался светлейший, благодатный, пасхальный год только что рукоположенного иерея Божьего.

На хиротонию владыка преподнес ему собственный фиолетовый подрясник – они были примерно одного роста, оба очень высокие, – по тогдашней бедности это был во всех отношениях царский подарок.

А двадцать восьмого августа 1999 года, на праздник Успения Божией Матери, отец Игорь совершил на своем приходе свою первую Божественную литургию.

Пасхальный год

Тырныаузские православные тех лет жили как первые христиане – в недружелюбном, если не сказать – враждебном окружении, в бедности, без ничего, но абсолютно, безупречно счастливые.

Им отдали бывшую бактериологическую лабораторию – а проще говоря, последний сохранившийся в городе барак из тех, что строили в тридцатые, с провалившимися гнилыми полами, без окон и без дверей, – только потолок и обсыпающиеся стены. В этом бараке предстояло обустроить храм.

Способности «доставать» деньги у отца Игоря не было, – он даже и не пытался.

Многим запомнился случай, когда всем приходом долго и с надеждой ждали «спонсора», с которым кто-то из прихожан познакомился в Москве. Тот, наконец, приехал в храм, к нему вышел батюшка, сели на лавочку, стали разговаривать, и вдруг гость принялся разворачивать перед отцом Игорем бизнес-план открытия в горах пасеки. Батюшка слушал-слушал, встал и молча ушел в алтарь. Ему не подходили бизнес-планы.

Однако же приход нужно было содержать, и отец Игорь решал вопрос тем способом, который был для него понятен и доступен: продолжал работать в противолавинной службе.

Народ, конечно, жертвовал на свой храм, кто сколько мог, но смешно же сказать, – копейки. Ничего не было: лампадок, и тех несколько на весь храм. Если появлялась новая, самая простенькая, – уже событие. Если бумажная иконочка – целый праздник.

Жили все одинаково скудно, зато были богаты другим, не материальным – любовью и горячей готовностью послужить Богу и ближним.

Какие хорошие были времена! Как прихожане трудились бок о бок, как радовались друг другу и каждому дню, какими самозабвенными – забывавшими о себе – они были! Если бы вы зашли тогда в тырныаузский храм, где шли первые службы, то увидели бы вот что.

В храме – вернее, в комнатке, переоборудованной в храм – молятся человек 15–20, стоят шеренгой: в узеньком пространстве между воображаемой солеей и стенкой только так и станешь. Вместо иконостаса – шторочка с прикрепленными на ней иконами. Отдернулась шторочка, значит, открылись Царские врата. Задернулась – значит, закрылись.

Священник – высокий, с библейским лицом. Две глубокие скорбные складки пролегают на лбу, когда он сдвигает брови. Глаза синие, яркие, чуть впавшие, борода рыжеватая, а волосы – густые, в косичку собранные, седые-седые, хотя вроде человек и не старый. Кадит степенно, кланяется народу Божьему. Слева – клирос. Регент – десятилетний ребенок: батюшкина дочь Саша.

Сохранилось видео: серьезная девочка с длинной каштановой косой, – воротник блузки кружевно белеет над темным пиджачком, волосы трогательно заложены за уши – вместе с папой выводит величание святому великомученику Георгию Победоносцу.

Голосок чистый, ангельский – вот такой, как ее голос, она сама и была. Отец Игорь дрожал над ней, как над птенчиком: трудяга-Саша, сокровище, не просто дочь, но и верный друг – ни одной службы не пропустила!

Как она сама вела их, как руководила клиросом? Ведь этому учатся годами, – а тут маленькая девочка, дитя!

Тем, кто не знает, поясним: имея и неизменную часть, служба ведется не по одной книге, а на каждый день составляется из многих. Можно подготовиться, разложить закладочки, но богослужебные книги за службу перекладываются по многу раз – сейчас читаем из «Минеи», теперь откройте «Ирмологий», теперь Октоих 7 гласа, и оттуда кондак, часослов… А батюшка в алтаре молчит, ждет – неужели не то спели?!

Регент – это даже больше чем дирижер, но как ребенок в десять лет мог все это вместить, понести такое служение? Очевидцы помнят, как Саша, пусть и трудясь, но делала свое дело без каких-то особенных усилий. Это было явным чудом: Господь, видя, что неоткуда было взяться подготовленному человеку, давал маленькой девочке то, с чем справился бы не каждый и взрослый новичок.

Как новоначальным Бог дает особую благодать, так и этому только что родившемуся храму Он посылал Свои Дары, наполнявшие убогие стены светящейся пасхальной радостью.

Еще один ребенок – семилетний сын батюшки Андрей – прислуживает в алтаре. Синий стихарь с красным крестом, глаза карие, озорные, блестят. Он уже «опытный» пономарь: с пяти лет

помогал папе в алтаре Баксанского храма. Раздувает кадило – щеки пышут румянцем. Второй пономарь, Женя, улучив момент, дает ему щелбан – тресь! – дети. Крошечные алтарники с маленькими свечками батюшке по пояс.

Матушка Екатерина – тоже тут, на клиросе. Молятся, поют – искренне, глубоко. Клирос иногда сбивается, и если вдруг случается заминка, батюшка выглядывает из-за шторочки, поправляет.

Саша-регент с клироса выходит в центр храма, – тоненьким детским голоском торжественно читает Апостол.

Служба немного корявая, зато очень живая, и вся эта внешняя неустроенность покрывается чем-то… Тогда было даже не сказать, чем. Теперь понятно, что Божией благодатью.

Все в этом необычном храме было настоящим, – и ошибки, и стремления, и горение сердец… Казалось, что ты попал в какую-то особенную страну, – добрую, сказочную, как в финале очень старого советского фильма про золотой ключик, где все улетают на корабле в бесконечную радость, туда, где все хорошо.

Ах, как служил отец Игорь! Благоговейно, не спеша. С видимым удовольствием, с большой любовью.

«Мне по душе такое служение. В больших городах сейчас служат иначе, – быстро, эффектно, – а в селах или здесь, в горах, еще сохранилось служение древнее, медленное, размеренное. Как кусочек рая на земле», – одна из первых прихожанок, Инга прикрывает глаза и словно снова оказывается в тех золотых, безоблачных днях.

Это было время, когда батюшка стремительно рос («священники годами идут к духовничеству, а у него это произошло очень быстро», – рассказывала Инга), укреплялся, одевался в броню, становился воином Христовым.

Венец его лета Господня – время от рукоположения до смерти младшего сына.

Когда Господь решит, что он готов, и даст ему знак – иными словами, когда маленького Андрюши не станет, – в жизни отца Игоря на долгие восемь месяцев словно наступит личный Великий пост, ледяная зима, время тесноты и туги. Она будет длиться до тех пор, пока он сам, как пасхальный Агнец, не шагнет на заколение в темноту храма. И только после его погребения, против всех человеческих законов, среди его осиротевшей паствы вдруг воссияет радость и благодать.

А пока до этого – почти два года, и слово «счастье» играет, как солнце на воде, во многих воспоминаниях об этих ясных днях.

«Когда он стал священником, Господь стал всё ему давать. Все это заметили. Матушка даже сказала: “Мы прожили это время – это был словно рай на земле”. И правда, они были такие счастливые, что мы все потянулись к ним», – вспоминала Лена Горохова.

«Мы чувствовали любовь Божию: через батюшку нам передавалась частичка благодати, словно переливалась через край. Первая встреча с ним как со священником и его благословение – как это было радостно! Это была пасхальная радость», – говорила Инга.

Много лет назад она уехала из Тырныауза, а вот ее ближайшая подруга, кареглазая красавица Наташа Воропаева по-прежнему каждое воскресение приходит в родной храм. Мы сидим после службы в трапезной за длинным столом – Наташа и ее мама Валентина. Господь так устроил,

что обе они были рядом с отцом Игорем и его сыном Андреем накануне или в сам момент перехода в вечную жизнь. Именно Наташа везла на скорой из Тырныауза в Нальчик умирающего мальчика, а Валентина стала единственным свидетелем батюшкиного убийства.

На Наташе – завязанный по-южному, концами назад, пестрый платок. Она улыбается, как умеет улыбаться только она – лихо, заговорщицки, так, что ты сразу чувствуешь себя своим, – сверкает карими глазами и рассказывает, как в далеком 1999 году впервые переступила порог храма. Я, говорит, далека тогда была от церкви. А тут подруга Инга, – они вместе гуляли с детишками (и Наташин Данила, и Аля – дочь Инги – родились в один год, в 1998-м) – вдруг стала пропадать из поля зрения. Куда же? Оказалась, все время находится в храме. Вот Наташа и отправилась посмотреть, чем занимается подруга.

«Вы бы только это видели! – энергично рассказывала она и делает большие глаза, – вы бы только видели! Не храм, вот как обычно мы привыкли, а щитовой домик, рейки набиты, сверху цементом замазаны. Никогда не забуду: захожу, на улице ветер, – а у нас порой дуют такие ветра, что с ног сносит, – щели повсюду, холодно, а Инга сидит, крепко обнявшись с Алей, возле обогревателя – только рядом с ним и тепло. “Что это ты тут делаешь?” – спрашиваю. – “Работаю”. – “Где?! Что тут делать-то?” Ремонт, везде грязно, пыль… А она в ответ: “А вдруг кто-нибудь придет свечки ставить – надо сидеть до шести часов”.

Какие свечки, кто придет их ставить?! А вот Инга – она такая. Батюшка знал, на кого положиться, – такая вера у нее была!

Один раз выхожу на балкон – где-то без десяти девять утра, наверно. Ветер, прямо ураган на улице, – нормальные люди, естественно, сидят дома, – и вижу, как идет наша Инга, склонившись пополам, и несет свою Алевтину. В храм идут. Инге двадцать лет тогда было. Я всегда восхищалась ею и никому этого не говорила, а вот сейчас говорю. Так в обнимку они, считай, целый год в храм и проходили – до 2000-го, пока в июне не уехали к бабушке на Украину».

Однако у их счастливой первохристианской жизни была и обратная сторона, – может быть, не очень заметная всей общине.

Обратная сторона

В первый год после рукоположения отца Игоря, собираясь на день рождения к его папе, в семье решили сделать необычный подарок – собрать альбом с фотографиями. На первую страницу поместили снимок – отец Игорь в облачении, с крестом, «весь сияющий», вспоминала Лена Горохова. «А батюшка меня спросил – будто с надеждой: “Ты думаешь, папе интересно будет?” – “Как же не интересно?! Ты же его сын”. – “Ну и что же, что сын. Он считает, что я не тем занимаюсь: стал священником, а это не то, каким бы он хотел меня видеть”».

Это было понятно: хорошим делом занимался, был начальником, все уважали, ценили, зарабатывал неплохо, – а он взял да и променял все это на утроившиеся заботы и служение Кому-то, Кого и не увидишь… Конечно, для людей старшего поколения, всю жизнь проживших в СССР с его идеей «рая на земле», такой поворот в биографии был непонятной блажью. Папа и мама боялись за будущее сына, бесконечно любили его и беспокоились.

Он тоже любил их всем сердцем, в последние годы своей жизни переплавив душевную сыновнюю любовь в горячую заботу о спасении родителей. И Господь их, уже пожилых, по молитвам батюшки сподобил принять Святое Крещение. Сам отец Игорь своих родителей и крестил – родил их в жизнь вечную.

Но все это придет позже, а пока и дома не все, скажем так, аплодируют переменам. Лена Горохова вспоминала, как Женя, узнав о том, что отец стал священником, прибежала к ней – у Лены в гостях были Женины одноклассницы, балкарки, – и закричала прямо с порога: «Представь, папа бросил работу, стал священником! Как мы теперь жить будем?!»

Взрослея, подростки вообще часто стесняются родителей, которые кажутся им ужасно нелепыми, постоянно говорят и делают что-нибудь, от чего хочется провалиться сквозь пол, особенно при подружках – а тут такое: стал священником! Ходит в какой-то нелепой одежде. Того и гляди девочки из неверующих или исламских семей – а других тут почти и не было – начнут шептаться за спиной, смеяться…

«У меня был такой возраст, – хотелось идти гулять, в школе дискотеки, – вспоминала папина любимица через годы, – а тут папа стал священником. Честно сказать, мне было даже стыдно. Я думала: как же я в школу-то приду, расскажу об этом? Не знаю, почему я стыдилась. Со временем это прошло, конечно».

Только Екатерина всегда стояла рядом с ним незыблемо, как скала. Всегда было так – и в прежние годы, когда он уходил в горы, а внизу билось в унисон его сердцу другое, родное, верное даже в мелочах, билось и словно передавало по рации сигнал: «я жду, возвращайся», и теперь, когда особенно важна была эта поддержка, – жены-сестры, жены-друга.

Священников девяностых часто рукополагали, как забирали в армию во время Великой Отечественной войны: опытно научишься, в окопе, а чего не будешь знать, то Бог покроет, видя святую нужду. Отец Игорь не учился в семинарии – и многое приходилось познавать не в тиши учебных классов, а уже в бою, – вернее сказать, в духовной брани.

Терскол застроен теперь новыми зданиями – такими, словно ты где-то на горном курорте за границей, – но стоит уйти с первой линии домов, как черты старого поселка проступают все отчетливей. В доме у соседа Розиных Дмитрия Чуйгука время и вовсе словно остановилось, сломавшись, как советский телевизор, безжизненно стоящий на шкафу. Раз, – и ты будто оказываешься в середине девяностых. Стол завален аудиокассетами вперемешку с каким-то инструментом. С крыльца виден другой дом – тот самый, знакомый нам, кирпичный, под высокой сосною. Темнеют окна: сейчас там никого нет.

Отодвинув кассеты и водрузив на стол старомодный заварочный чайник, хозяин дома мысленно возвращается в тот день, когда отец Игорь попросил его о помощи.

Тогда Дмитрий, давно не видевший соседа, обнаружил его стоящим в глубокой задумчивости посреди двора. Подошел. Разговорились. А Дмитрий, всем известно, мастер на все руки. «А ты из церковной утвари делал что-нибудь? – спросил его отец Игорь. – У меня есть старое Евангелие, – смог бы ты его отреставрировать?»

А Дмитрий и иконы, случалось, реставрировал, и даже, будучи самоучкой, написал три образа: Иисуса-Пантократора, Владимирской Божией Матери и святителя Николая – причем с черно-белых книжных репродукций, и очень гордился, когда увидел, наконец, цветные, говорит: «цвета угадал». И он ответил, что смог бы.

«Я только спросил, зачем ему. А он ответил: “Я стал священнослужителем”.

А я: “Да где?!” “Да вот в Тырныаузе, отдали самое грязное место в городе”».

«Так он и сказал?» – переспрашиваю. И он подтверждает: «Да, так и сказал – “самое грязное”. Во всех смыслах это было очень плохое место – всю заразу свозили в лабораторию со всего

города и не один год. Но, говорит, мы его почистим».

Дима рассказывает, что делал Святую Книгу «с большим трудом» – «то руки не доходят, времени нет… А если руки доходят, сил никаких не остается, откладываешь…»

Отец Игорь его даже утешал – «не переживай!» – и ждал терпеливо, но миновали все названные сроки. Должен был приехать благочинный – отец Игорь снова подходил к соседскому крыльцу: «Ну хоть к этому времени сделай!» Сосед соглашался: «Ну конечно, еще целый месяц впереди!», а через месяц что-то сделано, – а что-то опять нет.

Отца Игоря это огорчало, но не удивляло. «Я тебе должен сказать, кто тебе мешает – ты что, не знаешь? – враг человеческий. Ты делаешь благое дело, вот тебе и мешают», – объяснял он Диме. Тот не понимал, возражал:

– Не то, чтобы мне кто-то мешал, напротив, такое впечатление, что это я кругом виноватый…

– Нет-нет, это так хитро все делается, ты и не поймешь: то сил нету, то случается что-то срочное… – отец Игорь знал такие вещи не понаслышке. Все его служение было пот и кровь.

Конечно, за отца Игоря молился и рукоположивший его владыка, и старенький отец Вячеслав, и горячо любивший его благочинный церквей Кабардино-Балкарии, отец Леонид[22], но служение здесь, в Баксанском ущелье, где многие-многие столетия не совершалась Божественная литургия, имело свои особенности.

Объясним это на примере. В 1977 году старца Паисия Святогорца пригласили посетить Австралию.

Старец рассказывал: «В самолете я вдруг почувствовал в себе изменение и спросил, над какой страной мы летим. Оказалось – над Сирией. Эта страна имеет многую Благодать – из-за тех подвижников, что подвизались в ее пустынях. То же самое я почувствовал и над Святой Землей.

Потом я вдруг ощутил холод, некое демоническое “излучение”, и тут стюардесса объявила, что мы пролетаем над Пакистаном»[23].

Не намоленным, не освященным молитвами предыдущих поколений было и Приэльбрусье. Это была область бесов – уже давно, с той поры, как тут не стало христианских храмов, они считали эту территорию своей.

Опытно, всем своим существом познавал теперь отец Игорь слова апостола Павла: *Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной* (Еф.6:12).

«Я, – говорил он, – на каждую службу иду, как на Голгофу».

Каждая литургия давалась ему с большим трудом. Однажды в алтаре он сказал: «Если б кто знал, – меня никто не поймет, только священник, – как мне тяжело служить…»

Может быть, и священник не каждый поймет. И только пролитая здесь мученическая кровь верного свидетеля Истины освятила и город, и все Баксанское ущелье, и потеснила дьявола.

Просто жизнь

«Главными книгами его были Евангелие и Псалтирь. Помню, прихожанка Лариса, отправляясь в поездку в другой город, хотела получить благословение на время оставить чтение Псалтири, на что батюшка Игорь ответил, что ему тоже приходится ездить по всяким делам, но Псалтирь и Евангелие он всегда с собой возит. И Бог всегда помогает выкроить время, было бы желание у самого человека», – эту запись сделала Ираида, крымская татарка, крещенная отцом Игорем.

«Я, воспитанная в мусульманской вере, благодаря отцу Игорю обрела православную веру. Он крестил моих детей. Но вот его убили, и убили за то, что он православный священник. Если в нашем городе убивают православных, то пусть тогда убьют и меня», – скажет она, взяв слово над его могилой.

«Видя добрую жизнь отца Игоря и его семьи, я обратилась ко Христу искренне, всем своим окаянным, но впоследствии кающимся сердцем», – тоже из ее тетрадок: вскоре после смерти батюшки Ираида села и записала все, что помнила – быстрее, пока дорогие воспоминания не оказались затерты пересказами или приукрашены временем. Тетрадки Ираиды – ценное свидетельство, ведь она писала их для себя, а значит, предельно откровенно.

Многие приходы в 90-х начинали свою жизнь в той же спасительной бедности, что и община святого Георгия Победоносца в Тырныаузе, многие живут так и поныне – в этом нет ничего необычного.

Особенным было другое: настоящее, глубокое родство. Они действительно были одним целым – не созданной на собраниях, а живой, дышащей в унисон христианской общиной. И храм для них был – родной дом.

Вот ломают старую, неработающую печку – грязные, все в саже. Батюшка тоже здесь – работает. Рядом с ним – Михаил, известный в Баксанском районе в прошлом спортсмен-легкоатлет и школьный учитель физкультуры, один из первых мужчин, пришедших в общину.

Он давно, хотя и не сказать, что близко, знал Розиных и даже бегал вместе с Екатериной марафоны – она увлекалась спортом, – и когда узнал, что в Тырныаузе появился свой храм, очень обрадовался, а когда выяснил, кто священник – наоборот, огорчился.

Батюшкой стал его старый знакомый, и Михаил был этим очень смущен, а по-церковному говоря, соблазнился. *Не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем* (Мф.13:57).

Происходило то, чего опасался отец Игорь перед своей хиротонией: «Да я его много лет знаю, он такой же, как и я, как я к нему на исповедь пойду? Да и вообще, какой из него священник, он ведь и в семинарии даже не учился», – такие помыслы гнали Михаила подальше от тырныаузского храма, а также от исповеди и Святого Причастия.

Наконец, приехав к сестре в Краснодар, Михаил пошел к местному батюшке и все ему рассказал. И тот разом исцелил его от сомнений: «Это уже не тот Игорь, которого ты знал и с которым, может быть, в одной компании проводил праздники: теперь на нем – благодать Божия, благодать священства. И не переживай, что он не учился в семинариях, – так бывает». И Михаил, святая душа, совершенно успокоился, и, вернувшись домой, сразу поспешил в храм, честно рассказал отцу Игорю о бывших сомнениях, попросил принять в общину и с этого момента начал ходить на службы, исповедоваться, причащаться и с радостью помогать батюшке всем, чем только мог, больше нисколько не смущаясь, а наоборот, испытывая все

больше благоговения.

А скоро в общину вошел еще мужчина, и все снова обрадовались – как же, парень, помощник! Это был будущий иеромонах Игорь (Васильев), а тогда молодой человек по имени Андрей, иногда подменявший своего отца, работавшего сторожем в городской поликлинике, расположенной как раз напротив храма.

К тому моменту Андрей уже давно искал Бога и молился в своей поликлинике по ночам, куда-то в небо над горами, и, как потом оказалось, как раз в направлении будущего храма.

Он все собирался разыскать ту самую комнатку в общежитии, где служились молебны: объявления о том, что в Тырныауз приезжает священник, раз в месяц печатались в местной газете. Но все мы знаем, как это бывает, и всегда находится повод сделать это «точно в следующий раз». Месяц шел за месяцем, и однажды вместо привычного объявления о молебне Андрей увидел нечто новое – газета извещала, что в Тырныаузе открывается храм. Прочитав адрес, он понял, что ему осталось только перейти через дорогу. Перешел – и сразу попал на первую в своей жизни Божественную литургию. Это было на Успение Божией Матери.

Он отстоял всю службу – больше двух часов. С непривычки показалось почти невыносимо долго. Ноги налились свинцом, ломило спину. Смотрит – люди выстроились друг за другом, сложили руки на груди, подходят к батюшке, он им что-то дает с ложечки… Андрей тоже встал, подходит, а священник даже чашу, которую в руке держал, отвел немного в сторону: «А вы исповедовались?» Андрей не понял и даже обиделся: почему всем можно, а ему нельзя? «Останься после службы, я тебе все объясню», – сказал отец Игорь.

«С первой исповеди я запомнил его пальцы, – рассказывает сегодня иеромонах Игорь. – Очень красивые руки, натруженные. Он ведь все время со своей машиной возился, чтобы она хоть как-то довозила его до храма, да и вообще все делал своими руками. А если человек часто работает с мазутом, то хоть отмывай, хоть не отмывай, а следы все равно останутся. Вот такие у него руки и были – настоящие: не пухлые и изнеженные, а с потрескавшейся кожей, одновременно и утонченные, музыкальные, и трудовые.

Саму исповедь не помню, но помню, как он держался, как, склонившись, что-то говорил – о простых вещах, но очень серьезно.

В нем была правда и сила. Он знал Истину – и, почувствовав это, сердце само потянулось к нему. Наверное, подобное испытали первые апостолы, когда, оставив все, последовали за Христом.

Я увидел человека, который делает что-то настолько настоящее и правильное, что за ним нужно идти, не раздумывая».

А когда Андрей узнал, что батюшка еще и спасатель-альпинист, и отец такого большого семейства, и что до сих пор, будучи священником, работает, чтобы поддерживать семью и приход, то понял: нужно не только ходить на службы, а еще и помогать отцу Игорю.

Служили в комнатке – маленькой, 25 метров, – но когда собиралось больше двадцати человек, пол начинал предательски скрипеть, и замирало сердце: не провалился бы. В остальном помещении даже полов не было. Текла крыша. Трудились не покладая рук, всё делали вместе.

Однажды батюшка приехал – в храме были только Инга с маленькой Алей. Начали работать – рыть яму в подвале, чтобы сливать в нее после крещений святую воду. Копали, выносили землю. Аля тоже помогала, топотала маленькими ножками, выносила землю в детском

ведерке. Батюшка нарадоваться не мог – рассказывал всем потом, как старательно трудилась Аля.

Однажды вешал лампаду и хватил молотком себе по пальцу. Но не запрыгал, не закричал, не схватился за палец, а терпел и только выдохнул смиренно: «Вот ведь искушение, это по грехам моим». С каждым таким случаем они любили батюшку все больше, и все сильнее рвалось сердце помогать ему.

Андрей засел за изучение фотографий храмов: «Нужно было сделать Царские врата – настоящие, вместо нашей шторочки». Строил их вместе со своим папой: через отца Игоря свет Христов входил во всю их семью. И мама радовалась, видя, как сын и муж работают, горят своим делом. Наконец закончили, установили – Андрей запомнил, как мама тогда сказала: «Вот вы врата и открыли». А потом он уехал на несколько дней, а мама в это время умерла – от инсульта.

Никто не ждал этого. Не оправившись от удара, прожив всего три недели без жены, с которой он был одним целым, умер и папа – тоже от инсульта.

В свое последнее воскресенье папа впервые исповедовался и причастился Святых Христовых Тайн, и это стало великим утешением для Андрея. Но что сейчас с его мамой, он не знал.

Все люди – или почти все – любят своих родителей, но Андрей не просто их любил: он не мог помыслить себе жизни без них. После их смерти для него словно перевернулся мир, он потерял точку опоры.

Уроки

Отец Игорь постоянно и много читал святых отцов, особо выделяя для себя святителя Игнатия Брянчанинова, епископа Кавказского, а о книгах современных православных авторов говорил, что на них у него «не всегда хватает времени».

В недолгий период своего служения он буквально напитывался святоотеческим словом: на практике стяжав послушание духовному отцу, теперь он дополнял опытное знание чтением, святоотеческим восприятием важности послушания. *Бог гордым противится, а смиренным дает благодать* (Иак.4:6), – на опыте испробовав, как легка жизнь, если слушаешь духовника, батюшка старался научить этому своих прихожан.

Один из таких уроков настоящего доверия и глубокого послушания получил и Андрей – после смерти своих родителей.

Он не находил покоя, думая о том, спаслась ли его мамочка: дело в том, что она ни разу не причащалась, – по крайней мере, он был в этом уверен. И это наполняло его сердце огромной болью.

Перед его отъездом они с мамой договорились: вот он вернется в Тырныауз, и мама обязательно исповедуется и причастится. Но случилось по-другому.

«Я очень переживал. Спрашивал у батюшки: где сейчас моя мама? Он мог бы успокоить, сказать – да ты не переживай, все хорошо, мы помолились, будем еще молиться… А он ответил честно: “Знаешь, если человек не причащался, ему сложно войти в Царствие Небесное, – так в Евангелии сказано, это слова Господа: *Истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий*

Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питие. Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем” (Ин.6:53–56). Но ты, Андрей, не унывай, будем молиться о ее душе, Господь многомилостив».

Батюшка всегда говорил, как есть. Любя, жалея тебя, – но правду. И это я оценил и понял.

А потом сестра меня утешила: рассказала, что когда мы крестились – а мы крестились за несколько лет до этого, всей семьей – священник сразу нас причастил. Я этого не помнил».

Тогда-то, в те дни пустоты, Андрей и понял, что доверяет отцу Игорю от начала до конца. А когда через три недели умер и его папа, батюшка благословил привезти гроб в церковь на отпевание – это было первое погребение, которое служили в тырныаузском храме. И многие и друзья, и знакомые, и сослуживцы папы были против: большинство из них никогда в жизни не были на отпевании и не понимали, зачем оно вообще нужно. Один человек прямо в храме принялся возмущаться: «Хватит уже, сколько можно!» Отец Игорь и головы не повернул, совершил погребение полным чином. А Андрей… стоял на коленях, молился и плакал.

«Все больше и больше я чувствовал его отеческую заботу и учился слушаться его. Слушаться несмотря ни на какое общее мнение и свое мудрование», – рассказывает иеромонах Игорь.

В его келье чуть левее иконостаса висит голубая епитрахиль – в ней когда-то служил отец Игорь Розин, а здесь и в соседней комнате[24] блочного типового дома, почти вплотную примыкающего к храму Георгия Победоносца, располагалась маленькая квартирка, которую дали первому настоятелю примерно через полгода после того, как открыли церковь.

Старенькая епитрахиль – подарок: когда храм открывался, из соседских приходов отдавали, кто что мог, с миру по нитке и, как правило, не новое. Но как же радовался батюшка всему, что появлялось в храме! Дочь прихожанки Марии, жившая в Подмосковье, приехала к маме на Рождество и привезла большой образ Пророка и Крестителя Господня Иоанна. Рано утром в рождественский Сочельник Мария поспешила с образом в храм. «Батюшка ликовал как дитя! – вспоминала она. – “Мария, Мария, так мало у нас икон, а тут – такая большая!”»

Обычно иконы они делали сами – из бумажных. Этим занимался Андрей – наклеивал на досочку, украшал, как мог. Все незатейливые женские украшения вынес из дома, – конечно, с разрешения сестры. Увидит в гостях репродукцию в красивой рамке (тогда у многих такие были) и выпрашивает под киот, а взамен мастерит хозяевам рамочку попроще.

После смерти родителей он был такой потерянный, что батюшка благословил его трудиться при храме – взял алтарником и даже стал немножко помогать деньгами. Андрей был благодарен и рад. На половину этих денег покупал раз в месяц конфеты и раздавал на помин души дорогих усопших, а вторую половину каким-то чудом растягивал на месяц. Но, конечно, деньги тут почти ничего не значили.

Бог так управил, что их сотрудничество стало взаимополезным: Андрей получал большое утешение и одновременно – начальный опыт служения, который, как мы знаем, после смерти батюшки так ему пригодился. А сам отец Игорь обрел среди прихожан «мужские руки»: человека, который мог (помимо, разумеется, трудолюбивых прихожанок) всегда находиться при храме и помогать на всех работах.

После Царских врат стали делать престол, но денег было так мало, что за материалами отправились прямиком в деревообрабатывающий цех, и все равно хватило только на сырую

доску-пятидесятку: ее «распустили» на брусок, и из него сделали каркас. Столешницу вырезали из толстой фанеры. Даже клей хороший по их средствам купить было не так-то просто.

Строгали, клеили. К вечеру, после работы, подходил и Михаил, трудились втроем и за несколько дней закончили. И опять батюшка радовался своей чистой радостью.

Облачение на престол сшила бабушка Мелитина, – из самой простенькой ткани, но ведь не роскошь облачений самое важное. Вспомним преподобного Сергия Радонежского – как служил он Богу в полной нищете, да и не он один.

Подсвечников тоже не было, но выход и тут нашелся: сын еще одной прихожанки, Маргариты, сделал под иконы специальные полки с дырочками для свечей. Одна такая полка и поныне висит в храме святого Георгия-Победоносца – за клиросом, справа, у Серафимо-Дивеевской иконы Божией Матери «Умиление». И «старые» прихожане обязательно ставят на нее свечу, а «новые» смотрят, удивляясь: что за непривычный деревянный подсвечник?

Икона эта – тоже с тех времен, а вот клирос располагался раньше не справа, а слева.

На клиросе пели только трое: девочка Саша, матушка Екатерина и бабушка Неонилла. Ираида в своих тетрадках пишет, что батюшка не возражал и против народного пения в храме, только просил, чтобы хор не заглушали, – а они могли, энтузиазма было с избытком.

Инге тоже хотелось на клирос, но попроситься она робела. Помогли родители: походатайствовали за дочь, сказали, что она – человек музыкальный и хочет учиться, и отец Игорь благословил. Так Инга начала петь, а потом, уже вдалеке от Тырныауза, выучилась на регента, и любит говорить, что это высшее служение, которого может сподобиться в храме – ведь, став на клирос, она становится частью клира.

«Я чувствовала себя под покровом. Знала, что мы делаем Божие дело. Все было очень благочестиво. Отец Игорь служил размеренно, – размеренно мы читали. Иногда во время службы батюшка подсказывал. Многого Саша не знала – ребенок! Девочка она была жизнерадостная. Случалось, что и нас могла рассмешить, – батюшка на это обязательно реагировал: выглянет и пальчиком погрозит».

Помимо смешливого регента в храме было много мальчишек: и батюшкин сын Андрюша, и Женя, и третий маленький пономарь, появившийся в храме последним – сын Ираиды Юра.

«У меня дети и муж были некрещеные, – читаем мы в ее записях. – Муж, несмотря на то, что с детства помнил свою верующую бабушку и то, как горели у нее лампадки перед иконами, к себе бабушкину православность не примерял и к крещению детей относился сдержанно-холодно. Я спросила совета у отца Игоря, крестить ли детей. “Обязательно крестить: вот увидишь, через детей и муж придет к вере. Я и сам пришел к вере через детей”, – ответил батюшка».

Это пророческое слово исполнилось, но особенным образом. Уже после смерти батюшки Юра все просил его за папу, звал на помощь – «батюшка, помоги, пусть покрестится!» – и вот за эти детские молитвы через несколько лет Господь привел Георгия к Богу, и он принял, наконец, Святое Крещение и начал жизнь во Христе.

Сам Юра – сегодня уже взрослый мужчина, отслуживший в армии – отлично помнит, как маленьким мальчишкой впервые переступил порог Тырныаузкого храма – к нему навстречу тут же устремился батюшкин сын Андрей: «Идет ко мне, а второй пономарь, Женя, его

останавливает: “Не ходи, ты же его не знаешь!” “Ну, вот поэтому и нужно подойти, познакомиться – он же в храм пришел!”»

Юра и Андрей быстро сдружились. «Он был очень простым. И ловким», – Юра рассказывает о своем друге, так и оставшемся в далеком безоблачном детстве; и сразу как будто видишь их обоих, белоголовых, бегущих куда-то по тенистому Эльбрусскому проспекту: «Я помню, как мы шли по Тырныаузу, и он – раз, и перепрыгнул через забор без рук! У меня бы так не получилось».

Еще один Андрюшин друг, очень близкий, только взрослый – Наташа Воропаева – улыбается сквозь наворачивающиеся слезы, рассказывая о нем. Ей тоже вспоминается радостное, веселое: «После службы все идут, набирают просфоры, – и Андрей, как всегда, шустренький. Бабульки начинают жевать, а он и говорит: “Вы хоть знаете, за что вы просфоры жуете?” Те изумляются: “В смысле?!” – “Ну вот эта знаете, какая просфора?” – “Нет!” Он показывает: “Вот крестик, – значит, из нее частицы вынимались за упокой. Видите, лик Пресвятой Богородицы, – это значит, о здравии”. А потом бабули сами у него всё выспрашивали. “Андре-е-ей!” – и пальцем показывают, зовут».

Скоро и Юра захотел в пономари – сперва, как и Инга, стеснялся, не знал, как попросить об этом, но подсказала, конечно, мама: «На исповеди!» Батюшка не возражал, но назначил испытание: три раза прийти в храм за час до начала утренней службы. На следующий день в назначенное время Юра был на месте, – и отец Игорь, не дожидаясь конца испытаний, сразу взял его в алтарь.

Конечно, маленькие пономари периодически проказили. Как-то в ризнице Андрей и Юра наелись шоколадных конфет. Началась служба. «Выходите из алтаря, – сказал батюшка, – и делайте сорок поклонов». Вышли. Перед всем народом, на солее – делают. Служба идет, все смотрят, стыдно. Перешептываются:

– Пойдем, попросим прощения?

– Пойдем!

Вернулись в алтарь, попросили. «Ну, вы поняли, что так не нужно делать?» Конечно, поняли, как не понять!

Учил, воспитывал. «Голоса не повышал. Гнева себе не позволял. Действовал с терпением и любовью, – пишет Ираида, – Юра плохо помыл пол, а отец Игорь со своим ревматизмом перемывает – показывает, как надо. А мне мягко сказал – что же ты мать, не научила сына пол мыть».

Юра вспоминает, как на улице возле храма очень раскричались дети. «Прямо визжали, и моя сестра Ира тоже. Батюшка подошел к ней: «Ира, ну что ты визжишь, нельзя так!»… И дал ей шоколадку. Ей стало очень стыдно.

– Простите!

– Прощаю, – ответил батюшка. – Только пойди, поделись с другими ребятами».

Вот это «сладкое наказание» – батюшкину шоколадку – Юра запомнил на всю жизнь.

Прямая речь

«Он был таким пастырем, за которым не страшно идти»

Инга Чуйгук

«Мы шли за ним как овечки. Он был таким пастырем, за которым не страшно идти. На исповеди, когда назывались трудноискоренимые грехи, батюшка всегда поддерживал, утешал и сострадал. Говорил, даже как бы по-детски: “Да… Тяжело это. Тяжела жизнь христианина”. Вселял мужество в нас, что, дескать, не только у вас такое – у всех есть, но вы терпите, учитесь, все через это прошли, и святые тоже: все постепенно шли по ступенькам к верху!

Он же сам ходил в горы, все это испытал.

У отца Игоря служение было очень жизненное, опытное, такие пастыри очень редко встречаются. И, конечно, Бог дал ему мужество: такой подвиг стояния за Христа он понес!

Мы воцерковлялись вместе с ним, всей общиной.

Лично меня батюшка очень поддержал, – именно поддержал на этом пути, – чтобы не скатиться назад, и не стоять на месте, а подниматься вверх, отказавшись от прошлого, двигаться вперед, в будущее.

Всю свою любовь, все, что у него было, он посвящал Богу. А мы были свидетелями этому и этим научались, не столько словами, сколько поступками.

Батюшка был человек немногословный, больше молчал, думал, любил уединение, богообщение. Мы смотрели на него и учились.

С большим духовным подъемом служил отец Игорь начало Великого поста. Вступал в него с удовольствием, словно спеша навстречу тому, чего он так долго ждал.

…Я скучаю по его живому, искреннему служению. Он был на своем месте. Как полководец, открыто смотрел вперед, радостно, уверенно, ничего не боялся. Батюшка был для нас опорой – мы чувствовали, что нас ведут за собой. Он был настоящим пастырем.

Часто вспоминаю я его лицо, – взгляд, как у орла, устремленный вдаль, всегда возвышенное духовное настроение. В нем было мало бытового или душевного, эмоционального – именно что-то надмирное.

Еще батюшка помог мне своим примером, духовной бодростью, верой в покров Божий, в Промысл, надеждой на лучшее. Он научил нас нести свой крест и во всем, что случается с нами, видеть волю Божию и все терпеть.

У батюшки была живая вера. Я увидела, как ведет себя верующий человек в жизни, чем руководствуется – отнюдь не эмоциями.

Отец Игорь часто скорбел по поводу разных неправедных поступков своих ближних, трудных ситуаций – он уходил в себя, на время скрывался от нас его ласковый взгляд.

Во время работ по храму батюшка часто садился и думал о чем-то – лицо как-то светлело, глаза становились ясно-голубыми, нежными. Потом он вздыхал, вставал и продолжал работать».

О работе в праздники и воскресные дни

Иеромонах Игорь

«Как-то в воскресенье после службы матушка взялась за батюшку: “Батюшка, надо на дачу ехать!” – “Сегодня же воскресенье, нельзя работать!” – “Нет, надо ехать, картошку полоть!” Ну что делать – надо так надо… Собрался. Мне говорит: поедешь с нами. Приехали, – огромные поля заросшей картошки. Разошлись, работаем. На батюшке тельняшка была – как сейчас помню. Я куда-то в сторону ушел, тяпаю. Вдруг слышу: “Всё! Домой!”

А он, оказывается, рядом с забором тяпал, а из забора огромный ржавый гвоздь торчал. Он его не заметил и распорол себе бок. И никогда больше не работал по воскресениям.

А второй подобный случай вышел Великим постом. Отец Игорь, как и отец Вячеслав, соборовал только раз в году – на Страстной седмице.

Отец Вячеслав был уже старенький и попросил батюшку помочь ему совершить соборование, и вот рано утром, еще затемно, отец Игорь уехал в Баксан.

У нас было огромнейшее железное крыльцо, из-за этого крыльца невозможно было пройти крестным ходом на Пасху.

Накануне я спрашивал у прихожан, нет ли у кого сварочного аппарата. Вызвалась Надежда: “У моего мужа есть, он варить умеет!” Пришел ее муж Виктор с аппаратом, отца Игоря еще нет, с утра собрался весь приход, ждет, когда он приедет, чтобы служить Божественную литургию: был Великий четверг.

Дождались. Вот, говорим батюшке, крыльцо надо резать. Он в ответ: “Брось, сейчас литургия”. – “А когда еще нам это делать? Нет, только сейчас, а то не успеем”.

И вот идет служба, а мы подключаем аппарат к электросчетчику в церкви, начинаем резать. Счетчик перегорает.

Батюшка говорит: “Ты же видишь, что происходит!» А мы свое: «Нет, надо доделать!” Пытаемся подключить аппарат теперь уже к счетчику в подъезде – перегорает и он.

В общем только через час после того, как закончилась служба, мы кое-как дорезали это крыльцо. Батюшка очень спокойно сказал: «Я ж тебе говорил – как можно было во время Божественной литургии резать!»

Это было характерно для отца Игоря: он был очень терпеливый. Мог бы ведь сказать, – как я сейчас по своей страстности бы сделал: “Слушайся, или пошел вон”. А он опытно дал почувствовать. Это стало серьезным уроком.

И уже став священником, я никогда не разрешаю работать ни в храме, ни при храме во время Божественной литургии – что бы ни происходило. Потому что рано или поздно, да хоть и через столетие, это обязательно скажется – будут последствия.

Виктор тогда сварочный аппарат увез в гараж. А через некоторое время гараж обворовали, и единственное ценное, что в нем было – сварочный аппарат – унесли».

«Он не боялся признавать свои ошибки»

Ирина Чуйгук

«Он не боялся признавать ошибки. Очень часто бывает, что когда ты ошибаешься, то начинаешь себя выгораживать, косвенно или прямо, чтобы никто твоей ошибки не заметил. А он, если такое случалось, выходил на амвон и прямо говорил – простите, я вам вчера неправильно сказал.

Меня всегда поражало, что он, имея священнический сан и будучи очень взрослым человеком, мог извиняться перед всеми. Вот пример.

Нам очень хотелось делать на службе земные поклоны, и мы его все выспрашивали: “Батюшка, когда можно?” – “Ну, делайте во время Херувимской, на Великом входе”.

И мы стали делать. А через некоторое время он изучил Устав – ему трудно было, у него ведь не было семинарской подготовки и большого опыта церковной жизни: он в 36 лет крестился, а в 42 уже стал священником.

И когда он прочитал в Уставе, что во время Великого входа не делают земного поклона, то вышел перед всеми в храме и сказал: “Простите меня, я сказал неправильно. Поклон в этот момент делать не положено”. Меня это просто поразило».

О борениях

Прихожанин Евгений

«Батюшка очень быстро занял место единственного человека, которому я верил от начала до конца. Но это все равно не исключало внутренних борений.

В какой-то момент он относиться начал ко мне очень строго, и это стало меня задевать: со всеми такой добрый, снисходительный, а ко мне…

Не сюсюкался со мной. Конечно, это было мне на пользу. Смирял, наверное, понимая это или не понимая, – Господь через него действовал, чтобы дать некоторые уроки смирения.

Но бес до такой степени воевал в моих помыслах против него как священника, что, бывало, я даже не хотел идти к нему на исповедь. Сейчас-то я понимаю, чьи это были козни, а вот тогда…

Часто бывает так, что злой дух, зная, что человек может получить через этого священника большую пользу, всеми своими силами восстает против. Внушает человеку недоверие, сомнение и даже ничем не объяснимую вражду. Все, что ни скажет священник, предстает в негативном свете, все не так, все хочется делать против, по-своему, и единственный способ духовно справиться с этим – преодолеть себя: идти, несмотря ни на что, именно к этому батюшке исповедовать свои помыслы. Что я и старался делать, рассказывая отцу Игорю обо всем. Бог *гордым противится, а смиренным дает благодать. Итак покоритесь Богу; противостаньте диаволу, и убежит от вас* (Иак.4:6–7).

О смирении

Ираида Изосимова и Валентина Воропаева

Ираида: «Мы грелись от его тепла и не знали тайного труда души, внутренней жизни батюшки,

так как были заняты жизнью внешней. А батюшка чистым, добрым сердцем, ежедневно, потихонечку, незаметно приносил свой плод терпения. Это было так обыденно, так внешне не эффектно, так просто, что если не знать его прошлую жизнь, полную трудов, риска, экстремальных обстоятельств, требующих от человека подвига, или если не знать, что он свою прежнюю работу по-прежнему совмещает со служением священника, то в нем можно было разочароваться. Он умел внешне умалиться, – была в нем эта черта.

Если ему задавали вопрос – например, на трапезе – и за столом кто-то, пока батюшка обдумывал, как лучше ответить, успевал ответить за него, он не сердился, а только разводил руками и спрашивал у вопрошающего: “Понял”?»

Валентина: «Как-то я пришла к батюшке, – дети бегают, прыгают в комнате, а батюшка стоит на кухне и моет за всеми посуду. Меня это поразило. Я говорю: “Батюшка, и что это?!” А он отвечает: “Что посеял, Валентина, то и жну”».

«Главное – научить детей молиться»

Ираида Изосимова

«Однажды я у батюшки в лоб спросила: а что для вас сейчас главное в вашей жизни, в вашей вере? Он ответил: “Учусь видеть во всем волю Божию”.

Поделилась с ним как-то тем, как трудно растить детей. Воспитывать, биться за них… И говорю ему: “Батюшка, я думала, что же самое важное для моих детей, и решила, что главное – научить их трудиться”. На что он ответил: главное – научить их молиться».

«Я узнала, что он за всех нас еще и перебаливал»

Наталья Воропаева

«Помню, как попросила Ингу о чем-то спросить у батюшки. Она зашла к нам вечером домой и говорит: “Я ушла из храма сегодня пораньше, не видела его, завтра спрошу”. А мама ей: “Зачем откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня?”

– Тетя Валя, он же после того, как исповедь принимает, каждый раз болеет…

– Как это болеет?

– Вот так – лежит несколько часов и болеет. Отходит после исповедей наших.

Один раз я осмелилась спросить об этом у матушки. Она подтвердила: “Да, он очень тяжело переносит исповеди”.

Каждого выслушать, за каждого молиться… Не то, что несколько часов, – он мог чуть ли не сутки так лежать. Вот так я узнала, что батюшка за всех нас и еще перебаливал».

«Действовал с терпением и любовью»

Ираида Изосимова

«На Рождество 2001 года мой сын Юра – а он алтарничал у батюшки – на полиелее держал святое масло, батюшка помазывал, и вот, видимо, Юра на секунду задремал и разлил масло себе на стихарь. Батюшка спокойно взял у него сосуд, передал кому-то из мужчин, а мы с

Юрой ушли в ризницу, и я в огорчении, с упреками к сыну, промакнула всё салфетками и отстирала масляные пятна. Заходит в ризницу батюшка и говорит: “А мама уже и выстирала все”. И так тихо, мягко, любовно: “Не стоило стирать под краном в раковине – это же освященный елей”. То есть он понимал и спокойно обличал невольные грехи, совершенные по незнанию».

«Он научил нас всегда быть с Богом»

Евгения Розина

«Папа научил нас всегда быть с Богом. Он говорил, что Господь посылает испытания, но не бойтесь трудностей, – нельзя отчаиваться, а нужно всегда уповать на Бога. Я это запомнила. Еще говорил: будете голодны, – кусочек хлебушка перекрестите, съешьте и будете сыты весь день. А почему? Потому что с верой. Все нужно делать с верой – вот это самое главное, чему он меня научил».

«Через год я крестилась»

Марина Уянаева

«Когда я была еще некрещеная, мы с подругой зашли в храм на какой-то праздник. Я была одета ярко, вся в золотых украшениях. После чтения молитвы батюшка стал всем давать целовать крест, а меня, когда я подошла, почему-то приложил им по голове. Было очень чувствительно, но я не обиделась, напротив, – на душе стало как-то радостно и легко. Я не была знакома с батюшкой, и он меня не знал, но он как-то понял, что я была некрещеная. Вскоре он погиб, а я через год крестилась».

Об утренних и вечерних молитвах

Елена Горохова и Ираида

Елена: «Мне он говорил: “Ты, смотрю, правило полное не читаешь, все коротенько, Серафима Саровского[25]” – “Да, говорю, вот такая я. Все мне некогда. Натура у меня такая”. – “А я, знаешь, один раз прочитал правило и с тех пор никогда не пропустил. Ни разу”.

Ираида: «Он не раз говорил о том, что правило нужно совершать всегда, в любой ситуации – в дороге, несмотря на сильную усталость или даже больным: пусть оно будет небольшим, но постоянным».

Шумные Розины

Они всегда подъезжали с шумом, заслышав который, все, кто был в храме, устремлялись к двери: «Розины приехали! И батюшка!»

«Я не понимаю, почему так говорили, – улыбается воспоминаниям Наталья Воропаева, – но батюшка у них был – это батюшка! И – шумные Розины».

Батюшке нравилось, когда его встречали. Подъезжая, он сигналил. Из маленькой, битком набитой машинки вылезала большая семья, степенно выходил батюшка, вокруг него крутилась воронка встречающих. Заходили в храм. Батюшка клал поклон перед аналойной иконой, благоговейно прикладывался ко всем остальным, а затем все, кто был в храме, выстраивались в очередь – за благословением. Вставала в эту очередь и матушка, вот только что, вместе с ним,

приехавшая из Терскола: «Благословите, батюшка!» Он благословлял и ее – многие помнят это и рассказывают с большим умилением. Еще и спрашивал: «Здравствуй, матушка, как поживаешь, как дела?»

Конечно, никакой игры в этом не было – а было нечто другое, светлое, высокое, не всегда сразу понятное: святое благоговение к священническому сану. Одна матушка рассказывала, что когда ее муж облачался в священнические одежды, он будто делался для нее другим человеком, сияя как ангел, так, что она не могла к нему подойти запросто, как дома. Подобное было и здесь, и дай нам Бог иметь толику такого благоговения.

«Было приятно и радостно на них смотреть. У него мудрость сочеталась с большой любовью, – к матушке, к своей семье, ко всем нам», – свидетельствовала Инга.

Они его тоже горячо любили. «С каким удовольствием мы потянулись к нашему батюшке! – вспоминала свои первые церковные дни соседка Розиных по даче Мария. – А вопросов у нас было великое множество. И всегда после службы батюшка оставался, садился на скамеечку в храме, и мы подолгу беседовали. Если он затруднялся с ответом, то не стеснялся этого: “Мария, я это выясню и потом вам скажу”».

Подобные случаи помнит и Ираида: «Батюшка не доверял себе. Часто отвечал не сразу. Говорил, позвоню отцу Вячеславу, спрошу».

Он был очень, очень смиренный. Как-то готовился в пономарке к службе – вдруг в храм вбегает матушка: «Батюшка, скорее! У нас бензин сливают!» А действительно, в те годы по общей бедности такое случалось – если неисправна крышка на бензобаке, запросто могли украсть бензин. Но батюшка только вздохнул – все, кто его знал, помнит этот особенный, глубокий вздох, когда он бывал чем-то расстроен, но со смирением принимал произошедшее – «Ну что ж, и пусть сливают!» И никуда не пошел. Матушка только рукой махнула: «Да ну, тебе вообще ничего не нужно!»

Таким же он был и дома.

Об этом замечательно пишет Ираида. «Когда в беседе с ним мы, три женщины, – матушка, Лена Горохова и я, – принимались утверждать какую-то свою правду, с которой он был не совсем согласен, он не спорил. Замолкал, разводил руками и говорил: “Ну, вам виднее”. И такое поведение вразумляло нас быстрее, чем противостояние».

Порядки в доме под соснами не изменились, и когда отец Игорь стал священником: Розины были всегда рады гостям, только гости стали другие, –все больше народ Божий.

«Это был удивительный, простой, уютный дом, где всем хватало места, сколько бы людей ни приезжало. Легко было в его стенах, – пишет Ираида. – Все было устроено со вкусом – помню, особенно мне понравились лавки-лежанки вдоль стен. Ночью служат кроватью, днем – лавки, а открываешь, – оказывается, это еще и шкаф. На всем печать творческого духа, и все сделано своими руками. Много картин: две художницы в доме – Женя и Саша.

Эта простота располагала сразу, и ты как-то не боялся, что нарушишь привычный порядок хозяйской жизни, и чувствовал себя свободно.

Сразу же за домом начинался лес, поэтому ночью сидели у костра, пили чай. Говорили о многом, даже спорили».

Став священником, в комнатке на втором этаже батюшка обустроил себе келью и перебрался

туда вместе с сыном. Там, в этой келье, где теперь висит его пробитый ножом подрясник, батюшка молился, готовился к службам, писал проповеди.

«Мы болтали внизу – гогот и хохот, – вспоминала Лена Горохова, – он спустится: “Вы мне спать мешаете!” Я теперь понимаю, о чем он говорил: мы молиться ему мешали. Теперь-то понимаю…», – виновато повторяет она.

Интересно, что в его жизни всегда звучала эта нота: не всегда понятного тем, кто рядом, незаметного одиночества среди людей – инаковости, – как будто печать тайного монашества.

Так обычно в литературе изображают таинственного героя. Еще продолжается веселый пир в его честь, и веселятся беспечные гости, не заметив, как тихо, чуть скрипнув, закрылась дверь за виновником торжества, и пока на пиру вовсю тостуют, черная фигурка делается все меньше на дороге, петляющей среди дальних холмов. Он уходит, любя оставшихся и тоскуя по ним, но уже один, налегке, за только ему видимой и понятной целью.

Впрочем, пока еще он здесь, вместе с ними – дверь и не думает скрипеть, и только тени скользят, пробегая по солнечной поверхности жизни.

Вот, например, расстройство: старшие дети вдруг разлюбили ездить в храм. Младшие-то – Андрей и Саша – ни одной службы не пропустили, а у старших то ли возраст такой, то ли просто искушение. «Да, – тяжело роняет Женя, – не знаю, на что стоит валить: на возраст или на свою совесть… Родители сказали сделать так, а я сделаю, как хочу, а не так, как они сказали. Вот хочу – поеду, не хочу – не поеду».

Батюшка уезжал из Терскола в субботу – ко всенощной. Матушка, Андрей и Саша всегда отправлялись с ним. Лена оставалась – у нее была своя машина, большой красный джип – и она с маленьким сыном Васей приезжала обычно в воскресение, к литургии.

«Подходит ко мне отец Игорь и тихо говорит: “Скажи им, чтобы завтра приехали в храм. Воскресенье”. – “Как я, батюшка, скажу? Сами скажите”. Он вздохнул: “Нет пророка в своем отечестве”. Сел, уехал. Я потом детям говорю: “Давайте поедем, чтоб папу не расстраивать!” Придумываю. Илье: “Ты должен сесть за руль”. Жене: “Ты Васина крестная мама, ты должна его причащать”. Батюшка всех нас терпел. Никому ничего не навязывал. Говорил: “Никогда меня не спросят, как нужно сделать”. Смирялся перед всеми. И меня терпел – мой характер. Мне очень горько, что я своим поведением во многом огорчала его».

Но не грустно они жили. Дружно, в любви. Какие-то помнятся милые, чудесные истории.

Как-то разучивал песнопения с плеера, ходил в наушниках по дому, а домашние давай его фотографировать. «Ну вот, – говорит, – теперь подпишите фотографию “батюшка-рокер”. А я ведь гласы разучиваю».

По утрам он, как и положено, всегда пил святую воду, – и делал это обычно уже после утренней прогулки. На кухне стоял графин, он наливал воду, крестился перед иконами – «ну, с Богом!» – и выпивал. Увидев, старшие дети решили пошутить: «Ты, батюшка, чего это… а закусить?» Он ответил серьезно: «Так там же святая вода», – и пошел дальше.

А еще их старенькая машина стала намного реже ломаться, когда отец Игорь стал священником – потому что иначе, чем на машине, на службу было бы не добраться. Батюшка это подтверждал: «А и вправду, не ломается!»

Изредка их и Лена возила. Батюшка как-то по дороге всё выспрашивал ее: расскажи да

расскажи, в каких храмах была. Лена же – столичный житель, из Москвы, много где побывала и в центральной России, а отец Игорь храмы только в Ставрополе и в Баксане и знал. Ну, вот еще в Нальчике.

Перед своим последним летом он засобирался в паломничество в Петербург, где служил его друг отец Александр – хотел побывать у блаженной Ксении Петербургской, помолиться у мощей святого Иоанна Кронштадтского, поклониться другим святыням. И совсем уж было собрался, но не успел – его убили.

Уже после его смерти Лена вдруг горько сказала: «Матушка, он же Питер собирался посмотреть…» – «Не переживай, он теперь такое смотрит, такие обители, что нам с тобой и не снилось».

Так нигде и не побывал, не то, что мы, успевшие слетать и в Бари, и на Святую землю, и на Корфу, и чуть ли не всю Россию объездить, везде приложиться и второпях неразборчиво – быстрей, автобус отходит! – написать несколько записок с дорогими именами.

Нашему времени вообще свойственна торопливость. Посмотрите, как современный человек получает информацию. Раньше он читал, к примеру, газету: утром спускался на первый этаж, доставал ее из почтового ящика, новенькую, пахнущую типографской краской, за завтраком просматривал первую страницу – новости – и последнюю, с кроссвордом и фельетоном, а большие статьи откладывал на сладкое, до вечера. Или вот телевизор – все ругают его, но еще лет двадцать назад человек был, по крайней мере, в состоянии высидеть перед экраном, не дергаясь, хотя бы те полчаса, пока идут новости.

Сейчас он смотрит в свой планшет и листает, листает, не в силах надолго удержать внимание на чем-то одном. Психологи даже придумали термин – клиповое сознание – но и он уже устарел: минута, – и хочется переключиться на что-то другое. Человек скользит по поверхности – и беда в том, что то же самое происходит и в духовной жизни.

Нужно быстрее, еще быстрее. Мы стоим на службах, переминаясь с ноги на ногу и украдкой поглядывая на часы даже там, где всенощное бдение длится чуть больше двух часов. Священники тоже торопятся – и служат всё быстрей и быстрей, и некоторые уже так быстро, что от службы остается почти одно название, как столб с надписью «лес», обозначающий лес в авангардистском театре.

Что уж тут говорить о паломнических поездах. Прыгнуть в автобус, за день проехать пару храмов и монастырей, забежать в обитель, толком не понимая, что за святыни перед тобой, торопливо ткнуться губами в холодное стекло, махнуть правой рукой, обозначив подобие креста – и все, автобус уже ждет, пора бежать, едем дальше! Еще одна остановка, потом еще одна – и вот цель пути достигнута, едва успели к всенощной, переночевали, утром причастились, быстренько обошли обитель, купили иконку, снова прыгнули в автобус, – и прости-прощай, дело сделано, возвращаемся домой.

А надо бы паломничать не так. Если ехать, то к конкретному святому. Заранее, еще дома, как можно больше прочесть о нем (а не в автобусе наспех кратенькое житие, которое тут же выскочит из головы, не задержавшись ни в уме, ни в сердце). Приехать в обитель на несколько дней – а лучше на неделю – поработать, если принимают, во славу Божию, походить на богослужения, поговеть, подготовиться достойно к причастию. Исповедоваться, причаститься Святых Христовых Тайн – и тогда благодать Божия коснется сердца, и оно еще чуть-чуть посветлеет, и сохранит в себе это тепло и свет.

Раньше было словосочетание «галопом по Европам», а теперь можно говорить «галопом по святыням».

А отец Игорь сумел стяжать Христа в своем сердце, фактически не выходя из своего необустроенного, бедного, маленького храма, маленькой общины и большой семьи.

Прямая речь

«Потеряла крестик»

Елена Горохова

«Крестик у меня потерялся, – он без разговоров: “Иди, ищи! Вон алтарник, тот вообще полдвора перерыл, когда крест потерял”.

“Батюшка, всю кровать перетрясла!” – “Да? Трудилась так? Что, тебе тяжело кровать перетрясти? Ищешь крестик – и не нашла? И как же тебе жить?”

Потом ровным голосом добавил: “Почитай книгу, – вот отношение к святыне, учись”.

Он вообще мало говорил: был очень немногословный».

«Лучше иномарки»

Александра Розина

«Незадолго до его смерти купили машину, “двойку”[26] – до нее была “копейка”, старая, вечно ломалась. А тут – новая “двойка”. Хотя как новая… Относительно, конечно. Поехали мы на ней после службы домой в Терскол. А впереди ехала какая-то иномарка. Обогнали ее – та, наверно, вовсе была колымага. А папа так обрадовался: вот какая наша “двойка”, идет лучше иномарки! И улыбается украдкой».

«Я всегда эту молитву читаю на коленях»

прихожанка Мария

«Отец Игорь нас учил: “Молитесь так, чтобы вникать в каждое слово. Не торопитесь – нужно, чтобы ум слышал каждое слово, которое вы читаете”.

А об ежедневном исповедании грехов в конце вечернего правила говорил: “Я всегда читаю эту молитву на коленях. Мне совесть не позволяет стоя эту молитву читать”».

«Приедешь – накормят всегда, подарок дадут»

Ираида Изосимова

«Вторая заповедь Божия – *возлюби ближнего своего как самого себя* (Мк.12:31) – выполнялась естественно и просто, потому что отец Игорь и его семья через страннолюбие и нищелюбие (подавать всем просящим и нуждающимся) привыкли в каждом человеке видеть образ Божий. Катя и отец Игорь были бессребреники, и Господь помог им найти друг друга, когда они были еще неверующими.

Никогда о деньгах не думали. Приедешь – накормят всегда и еще подарок дадут».

«Он ко всем относился одинаково»

Валентина Воропаева

«Многие с улицы приходили, – он всем помогал. Ко всем относился одинаково, пьяница или начальник придет – без разницы.

А когда служба заканчивалась, выходил, садился в храме на лавочку, и все к нему бежали. Все что-то спрашивали, говорили про свою семью.

Хорошо нам с ним было. Спокойно. И такое было чувство, что он никого не боялся. Потому что батюшка очень любил Бога. И он жил в вере, и это было от души. И мы все чувствовали это».

О строительстве и благоукрасительстве

Ираида Изосимова

«Вначале я очень активно взялась за церковные дела: пробивала идею строительства нового храма, официально оформляла документы, ходила по инстанциям.

При встрече батюшке сказала: “Мы так много сделали!” На что он внимательно посмотрел на меня и произнес слова молитвы: “Боже, очисти мя грешного, яко николиже сотворих благое пред Тобою”[27]».

О неосуждении

Иеромонах Игорь

«Сосед со второго этажа в доме, примыкавшем к храму, очень сильно пил. Матушка Екатерина, старавшаяся всем помогать, подружилась с ним и уговорила креститься. Он принял крещение, но дурных привычек не оставил, продолжал пить. Весенним утром, подходя к дому, я увидел, что в его квартире открылась балконная дверь. Вслед за этим был какой-то шум, и на асфальт упала маленькая пластиковая надорванная именная икона. Подняв ее, я побежал к отцу Игорю и с раздражением начал: вот, батюшка, погляди, что тот сделал – икону выбросил!

– А ты видел, что он ее выбросил? – спросил отец Игорь.

– Нет, но я же не дурак, понимаю, что это он.

– Ну, дурак или не дурак, а ты своими глазам видел?

– Нет!

– Ну, вот если не видел своими глазами, как кто-то согрешает, то и не говори. Потом помолчал и добавил. – И если видел, тоже не говори.

Насколько это было поразительно для священника, который никогда не был ни в одном монастыре, прослужил меньше двух лет, но знал такие вещи не в теории, а опытно – из глубины собственного сердца, а не только из книг».

Маленький приход – близкие отношения

Храм у них был маленький-маленький – все на расстоянии вытянутой руки, и отношения тоже очень близкие, – не то, что на большом приходе, где часто священники и народ соприкасаются, можно сказать, только на исповеди.

Батюшка, хоть и был на несколько десятилетий моложе некоторых прихожанок, всех называл «детками». Поначалу это даже немножко резало слух, а потом привыкли, наоборот – очень нравилось.

Здесь все друг друга знали, как знают родственники – и как-то все было просто, по-домашнему.

Вот стоит на чтении Двенадцати Евангелий Валентина Воропаева, – вроде и молится, а сама при этом думает: как домой свечу-то горящей донесет? Батюшка совершает каждение храма. Мимо проходит, спрашивает: «Валентина, ты спишь?» Она честно отвечает: «Нет, батюшка, не сплю, – думаю, как свечку относить буду». – «По диагонали!» У Валентины сразу мысли перестроились – в правильном направлении. Очень только потом удивлялась: как заметил-то, что она мыслями витает?

Вообще во всем, что касалось совершения богослужения, он был строг и не терпел небрежения. Наташа Воропаева рассказывала, что видела его в гневе только раз в жизни – и это произошло на службе.

Начиналась Херувимская, особый момент Божественной литургии, – преддверие Евхаристического канона.

Не только люди, но и ангелы трепещут этого тайносовершительного мгновения, и святая Церковь поет: «Всякое ныне житейское отложим попечение». Дары с жертвенника переносятся на престол, и народ в храме должен стоять, как живые свечи, горящие Богу, в великом благоговении перед Создателем. Можно сказать, что из алтаря со Святыми Дарами нам навстречу выходит Сам Христос – и, конечно, в это великое мгновение нужно забыть обо всем, и все оставить – и горе свое, и радость, и всякое отложить попечение, и сердцем лететь навстречу Христу.

«Яко да Царя всех подымем, ангельскими невидимо дориносима чинми», – поет хор.

Царь грядет, несомый ангельскими чинами, сослужащими вместе со священником Божественную литургию, – поет клиросе, но что же происходит в этот момент в храме? Кто-то обязательно шуршит пакетом, кто-то решает, что пришла пора поставить свечку или спросить что-то у соседки.

В день, который Наташа запомнила на всю жизнь, в тырныаузском храме примерно так и было: кто-то молился, кто-то встал на колени, кто-то крутил головой по сторонам – надо вставать или нет, – и легкий шепот шуршал по храму.

И вдруг батюшка вышел из алтаря, весь белый: «Как вы можете болтать! Вы молиться должны! Сейчас происходит то, что вам не дано увидеть, так хоть почувствуйте это! Сами не молитесь и мне не даете!»

«Он так это сказал, что я до сих пор не могу забыть, будто это только вчера было. И с тех пор, когда начинается служба, и кто-то перешептывается или сидит, передо мной встает лицо батюшки, и я слышу его слова: “Вставайте, молитесь!”» – говорит Наташа, и ее мама согласно

кивает – да, правда, у нас все в храме знают: попробуй при Наташе на службе пошепчись!

Старая гвардия, они по-прежнему верны своему убитому командиру: «Вот так и хочется всегда молиться – как он тогда сказал. Молитесь! – так он призывал всегда. Молитва для него была самое важное, вышнее. А значит, никаких поблажек».

Не имея большого опыта служения, отец Игорь никогда не чувствовал себя, что называется, «профессионалом». Переживал из-за ошибок во время постовых служб, из-за проповедей – ему, немногословному, казалось, что он косноязычен. «Как я говорить буду? Что я могу сказать людям?» – скорбел он матушке.

Однажды, в праздник святой равноапостольной Марии Магдалины сказал такую проповедь, что многие плакали. Когда после службы ему об этом сообщили, не поверил, переспрашивал: «Как это плакали?»

Тщательно готовился к проповедям, как ребенок к уроку, на котором будут «спрашивать»: перечитывал книги, писал в специально заведенную тетрадочку. Лена помнит, как это было: «Писал с линеечкой, чтобы строчки ровно ложились, – он все аккуратно делал: закончит строчку и линеечку передвигает».

Многие запомнили слово о смерти, сказанное им незадолго до смерти собственной – в одну из последних поминальных суббот Великого поста 2001 года. Эта проповедь была написана по творениям святителя Игнатия: батюшка наставлял чад святоотечески относиться и к смерти, и ко всему, что с ней связано, учил о подготовке к смерти и памятованию о ней – этой величайшей христианской добродетели: *Помни последняя своя, и век не согрешишь* (Сир.7:39).

Но пока еще первый Великий пост тырныаузского храма. Минули службы Страстной седмицы, и летел к своему завершению звонкий апрель, – Пасха в тот год пришлась на тридцатое.

Клейко пахло молодой листвой, висела над городом зацепившаяся за вершину Тотура грозовая туча, и распустившаяся сирень ныряла под знаменитым баксанским ветром тяжелыми кистями в начинавшийся дождь.

Готовились к Пасхе. Прихожанки вымешивали по домам тесто для куличей, красили в отваре луковой шелухи яйца. Ираида взялась за свой знаменитый плов – большой казан, весь Великий пост протомившийся без дела, был извлечен из кухонного шкафа.

Как всё успевали – непонятно: на Страстной седмице служба за службой, ноги гудят от святой усталости, вечером камнем падаешь в кровать, – но Бог дает сил, и когда утром, в немыслимую по прежней жизни рань, звонит будильник, вскакиваешь и бежишь, полный радости и воодушевления – в храм!

В святую Субботу, после Божественной литургии, убирали храм к Пасхе, – чистили полочки-подсвечники, вытирали иконы, мыли полы, стены. Небо прояснилось, пригревало нежное солнце. Саша вывела свой клирос – бабушку Неониллу и маму – на улицу, присели на солнышке, стали репетировать.

Саша вела высоким голоском: «Не рыдай Мене, Мати», клирос подстраивался. Батюшка сновал то в храм, то из храма – пробегая мимо, останавливался, поправлял, пел. Рядом кто-то мел церковный двор, терли стены. Ограды тогда вокруг храма не было. Мимо проходили недоумевающие балкарцы, высовывались из окон, смотрели с балконов соседи: чем это занимаются возле бывшей бак-лаборатории эти странные люди? Пасха 2000 года была первой не только для храма, но и для всего города.

Попев, батюшка, опомнившись, спешил в храм: еще множество дел следовало переделать, а хор продолжал – прошли канон к пасхальной заутрене, начали разучивать «Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небеси».

И вот, когда храм был убран, а двор выметен, настала особенная, предпраздничная тишина. Еще суетились женщины на кухне батюшкиной квартирки, заканчивали последние приготовления к пасхальному столу, расставляли в трапезной тарелки, но скоро поспешили по домам и они – отдохнуть немножечко перед ночной службой, привести себя в порядок, одеться во все самое лучшее.

А потом наступила святая ночь, и запел в темноте колокольчик – а город спал и не видел, как небеса отверзлись над ущельем, и пела вся Вселенная, и лился сверху Свет Христов, и будто Сам Господь стоял вверху, глядя, как маленьким крестным ходом шел вокруг своего бедного, но такого сияющего храма народ Божий и пел: «и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славити». И щипало почему-то в носу, и сами собой наворачивались неожиданные слезы, и ликующе возглашал батюшка: «Христос Воскресе!» – и они отвечали хором, нестройным, потому что дрожали голоса и от слез, и от этой новой, неизведанной радости: «Воистину Воскресе!»

Всем запомнилось, как водится, разное. Пономарю Андрею Васильеву – духовная радость и как шли крестным ходом, и звенел в ночи колокольчик (колоколов-то у них и поныне нету), и все как будто светилось.

Наталье – как было тесно в их маленьком храмике, не протолкнуться, жарко, душно, трещали свечи, зато радостно и так хорошо – и все были такие счастливые.

Инге – как ликовал батюшка, и как все ликовали.

А маленький Андрюша проспал эту первую тырныаузскую пасхальную ночь в квартире на кухне: что-то напроказил, и вот, отец не разрешил помогать на службе, если не попросит прощения, а Андрюша уснул и не попросил, и не разбудили.

Сель

Или думаете ли, что те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех, живущих в Иерусалиме?
Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все та́к же погибнете (Лк.13:4–5)

Если послушать какой-нибудь долгий, с воспоминаниями, разговор тырныаузцев, рано или поздно обязательно прозвучит фраза «а это до селя было?» И кто-то ответит: «Нет, нет, уже после». Сель обрушился на Тырныауз в июле 2000 года и действительно стал рубежом, окончательно добив город, чье процветание закончилось вместе с началом перестройки.

К 2000-му искусственный советский рай, казавшийся таким прочным, уже разрушился, словно был декорацией, которую теперь спешно и безжалостно разбирали: город счастья, строившийся без Бога, не устоял под натиском ветра перемен.

И только лежит до сих под скалой, напоминая о былой мощи, грандиозных размеров покрышка, – кажется, что и колес-то таких, в два человеческих роста, не бывает, – от американского супер-самосвала Euclid грузоподъемностью в 250 тонн. Советское государство за золотые рубли закупало их в Америке для Тырныауза.

Куда делась вся эта бурная жизнь? Почему опустели горные склоны, по которым сутками напролет сновали вверх-вниз – от карьеров и шахт к комбинату и обратно – огромные машины? И не горят приветливыми огоньками заводские корпуса на карьерах, а только остовы зданий белеют, как город-призрак, и зияют черные окна, и заперты завалами шахты – их взорвали, чтобы там не прятались боевики, – и на подъемнике канатки ведет в никуда дверь с надписью: «Без звонка на посадочную площадку не входить».

Что за катастрофа сразила огромный комбинат? Как будто люди в спешке бежали отсюда и даже не собрали все вещи. Валяется в брошенном цеху женская туфля, острым каблучком кверху.

С потолка капает вода, – откуда? неужели до сих пор работает водопровод? – за годы накапало на ржавый сталагмит, выросший на полу чьего-то кабинета, а рядом, на сухом месте, лежит, как ни в чем не бывало, отпечатанная на машинке многостраничная инструкция: «При сокращении времени погрузки происходят большие потери времени на обмен и ожидание порожних самосвалов».

В коридоре на стене – снова про время, нацарапано гвоздем, чтобы не забыть перевести часы: «28.III.93. На час вперед». На улице хлопает разорванным холстом гигантский плакат – или как там назывались эти произведения советского агитпропа? – на котором все летит в космос рыжая выцветшая ракета. Орлы качаются вровень – мы над ущельем, на карьере Мукулан.

Быстро разрушался, умирал прекрасный город – как всякая человеческая постройка и цивилизация, построенная людьми ради себя, одной лишь человеческой силой и лишенная благодати Божией. И вот наступило лето 2000 года.

17 июля, в день годовщины расстрела царской семьи, Андрей-старший сидел в храме и делал икону – наклеивал на доску бумажный образ Царственных страстотерпцев. Их канонизация[28] должна была произойти через месяц – этого, конечно, наверняка не знали, но иконы уже стали появляться. Накануне одну из них привезла матушка из Свято-Николаевского Верхотурского монастыря, где побывала, когда гостила на родине, – она родилась и выросла на Урале.

Заглянул отец Игорь, увидел, чем занимается Андрей, удивился: «Они же не прославлены!» «Ничего, пусть делает, скоро прославят», – отозвалась матушка. Андрей полминуты думал, кого слушать, батюшку или матушку, а потом продолжил свое занятие. И на следующий день, восемнадцатого, икона была готова.

А в ночь с 18-го на 19-е в Тырныаузе пошел дождь. Он все лил и лил, под дождь хорошо спится, но только это был необычный дождь – потоки воды низвергались с неба, грохотал гром, били в горы огромные молнии и раскачивались в снопах белесого света трепещущие деревья.

Все закончилось только перед рассветом недолгой обманчивой тишиной, сквозь которую вдруг начал нарастать гул, будто вращались где-то гигантские мельничные жернова. Это шел с гор на город, сметая все на своем пути и замешивая добычу в бронебойную массу, чудовищный сель, похожий на наступающую танковую армию.

Ночной дождь, оказавшийся необычно изобильным, переполнил горное озеро в верховьях реки Каярты, и тонны воды, вышедшей из берегов, ринулись вниз, подхватывая по дороге тысячи кубометров земли и замешивая ее в грязевую жижу.

Рушились отвесные берега, валились камни, все это неслось, почти падало с крутизны и наконец достигло места, где Каярты впадает в реку Герхожан, бегущую по дну одноименного

ущелья. Тут тысячи кубометров превратились в миллионы.

На пути селя высилась огромная плотина, – грандиозное сооружение высотой с 40-этажный дом, перегораживавшая ущелье. Ее строили несколько десятилетий – начали еще в СССР и в конце 90-х кое-как закончили. В 1999 году на Тырныауз тоже сходил сель, не такой мощный, и дамба справилась, но получила пробоины, но на то, чтобы починить ее, у властей денег уже не было.

И вот сель подошел к дамбе. Она еще держала – держала из последних сил все эти тонны, огромную массу грязи, перемешанной с кусками скал величиной в дом, деревьями, землей, держала, накапливала – и, наконец, не выдержала и обрушилась сама. И поглотив ее, сель с удвоенной силой ударил в город.

Его уже ждали. Там, где, как предполагалось, что сель пройдет непременно, людей выводили из домов. Но сель оказался коварней.

Кто-то снимал на видеокамеру в те жуткие минуты, как сель разносит город.

Вот, как будто разрушенная взрывом, сложилась и осела в тоннах взметнувшейся воды и грязи девятиэтажка. Вот другая, от которой отрезало половину, возвышается на руинами улиц.

«Селевые потоки прошли ночью. Люди были предупреждены и выведены из домов. Но днем им разрешили вернуться в свои квартиры, взять необходимые вещи. И именно в это время очередной поток селя крупногабаритным куском отвалившейся скалы задел угол девятиэтажного дома. Дом рухнул вместе с людьми, которые там находились», – писала Ираида.

Ум отказывался это понимать: почему дом рухнул именно в тот недолгий момент, пока там находились люди? Почему Господь не сохранил их?

За ответом прихожане спешили к батюшке. Ираида писала в своих заметках: «Отец Игорь в ответ на наше недоумение – почему они вернулись в дом умереть? – привел отрывок из Евангелия о Силоамской башне: *Или думаете ли, что те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех, живущих в Иерусалиме? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете*» (Лк.13:4-5).

У одной из прихожанок дочь жила на Нагорной улице, застроенной частными домами. По этой улице сель ударил ночью, еще в темноте, несчастная женщина только и успела, что вывести детей, – улицу снесло почти полностью. Она запомнила, что когда жители метались в панике между обреченными домами, какой-то седобородый человек в гневе кричал им: «Это все – по вашим грехам! Безбожники!»

Кто знает, кто был этот человек – может, местный, мусульманин, а может, явился какой-то святой, но только все это было бесполезно – все слышали его, но не понимали.

А сель, захвативший город, как опытный полководец, отрезал все пути к бегству. Он перекрыл Баксан, и словно в библейской катастрофе, река потекла вспять, на Тырныауз. И не люди развернули ее, как еще недавно мечталось в СССР, размахнувшимся поворачивать реки, а Сам Господь, и это было наказанием для жителей города.

Плыли, вращаясь в черной грязевой жиже, распластанные крыши деревянных домов, машины, коровы с полными ужаса глазами.

Уходя под воду, город задыхался, хватал воздух, но грязь забивала легкие, и не было сил сопротивляться.

В самом низком месте под водой скрылись первые этажи. Множество людей погибло, а еще больше «пропало без вести», – их тела просто не нашли. Всякое транспортное сообщение с Тырныаузом прекратилось, и только стрекотали над городом вертолеты, забирая семьи с детьми и стариков, привозя хлеб: магазины не работали. Хлеб раздавали прямо возле вертолетов, на стадионе, и голодные люди, толкая друг друга и ругаясь, рвались к заветным буханкам.

С утра до вечера федеральные каналы только и рассказывали, что об этой трагедии. А вода все прибывала – сель забил русло Баксана, и река топила и топила несчастный город. Чтобы пробивать образовавшуюся плотину, с Приэльбрусья привезли противолавинные пушки. Спасатели съехались со всех регионов – был среди них и известный нам Виктор Автономов со своим отрядом.

Вот они, на видеохронике, – скользят по ушедшим под воду улицам их оранжевые лодки, собирают жильцов со вторых этажей.

Вдалеке вздымаются высокие, похожие на кипарисы, столбы дыма, воды и грязи – это стреляют по плотине из противолавинных пушек. Среди тех, кто стреляет, – настоятель тырныаузского храма, вместе с другими по колено в черной воде, а в одной из лодок – Виктор Автономов и батюшкин сын Андрюша: выезжая из Терскола, спасатели взяли мальчишку с собой, – было свободное место. «Я не могу забыть его лица. Когда он увидел этот разгул стихии: разрушенные дома, повисшие на проводах ЛЭП груды деревьев, образовавшие запруду, – у него было просто ужасное выражение лица. Он смотрел со страхом и состраданием», – вспоминал потом Виктор.

Вечером отец Игорь торопится на службу, но обнаруживает в храме только одного или двух прихожан – никто не пришел молиться Богу.

Вода все еще прибывает, и тогда батюшка принимает решение закрыть храм – забирает святыни, антинимс, чашу, дарохранительницу, складывает в автомобиль и увозит в Терскол.

Для прихожан это был по-настоящему страшный момент, когда и самые верные едва не пошатнулись, но… произошло чудо, и вода не дошла до храма – остановилась в нескольких сотнях метров.

Батюшка снова открыл храм – начались службы.

Еще четыре–пять дней на город, живший без света, воды, газа и хлеба, шли селевые потоки, и только через десять дней было возобновлено автомобильное сообщение по объездной горной дороге. Вода же стояла еще несколько месяцев.

И неделями в храм почти никто не приходил, – люди по-прежнему смотрели только в землю. Смотрели и не видели, своими ушами слышали и не понимали, и не обращались, чтобы прощены были грехи их (см. Мк.4:12). У отца Игоря разрывалось сердце.

Лена Горохова вспоминала, как однажды приехала из Терскола с маленьким Васей: отец Игорь служил в пустом храме. Ираида – горячее сердце – даже ходила по квартирам, уговаривала, просила, объясняла… Но нет. Разве что забегал кто свечку поставить. Так перевернулась еще одна страница в истории Тырныауза.

Еще в начале девяностых дети строителей городка начали уезжать отсюда.

Теперь, когда комбинат и город были окончательно добиты селем и наводнением, по вечерам все меньше и меньше окон зажигалось в опустевших домах: начался последний массовый исход из города его коренных жителей. Люди продавали за копейки или просто бросали квартиры и спешили прочь от родной земли.

Но были и те, кто остался. И вот ради этих бабушек, ради нескольких человек и принял отец Игорь решение никогда не покидать этого места. И намерение свое исполнил.

Андрюша

Это как будто продолжается и сегодня – закроешь глаза, и не важно, сколько прошло лет или дней, – видишь как сейчас: заснеженный зимний лес, и среди деревьев – мужская фигура с красным свертком в руках, Игорь Розин гуляет со своим младшим сыном Андреем.

Он никогда не возил его в коляске – только носил на руках. С рождения. Когда Андрюша подрос, стали даже жить в одной комнате – или, правильнее было бы сказать, келье. После смерти Андрея батюшка разобрал кровать сына и на том месте, где она стояла, сделал молитвенный угол. Подолгу стоял там, молился. Икона, раньше висевшая над Андрюшиным изголовьем, – Ангел распростер огромные белые крылья над детьми, переходящими по деревянным мосткам через горную речку, – теперь оказалась слева от аналоя. Лена Горохова хотела было попросить ее себе, но так и не решилась. Она очень любила Андрюшу.

Он вообще всем нравился, хотя не стоит думать, что раз алтарник, так вот прямо ангельский он был ребенок. Нормальный, живой – не из поучительного рассказа. Яркий. Еще – шустрый: это самое частое определение в воспоминаниях. Говорят, бегал все время – туда-сюда. Озорничал. На полиелей выходит – жует что-то. Любил другими мальчиками покомандовать (как же – сын настоятеля!) Пономарь Женя был постарше него, воспитанный, солидный. И не худенький – вот его все дразнил: «Толстяк, толстяк!» Я, говорил, ткну тебя пальцем, ты и лопнешь. Тот краснел, обижался.

Но ребята его любили – и русские, и балкарцы. «Он приедет с родителями из Терскола – бегут: “Андрюха приехал!” Что ни попросишь, все сделает – не вредный был, добрый. Дружили мы. Очень хорошо мы с ним дружили», – взрослая подружка маленького алтарника, Наташа Воропаева поддразнивала его, звала малявкой. «Я не малявка, – мне уже девять!» – задиристо возразил он ей вскоре после своего последнего дня рождения.

В тот день ему подарили велосипед. Он примчался на нем в дом к Лене – по дороге упал, велик звонко брякнул о землю. «Джинсы нужно постирать!» – закричал с порога.

Лето клонилось к осени, и день – к вечеру, как клонилась к концу его коротенькая жизнь, и ложились на стволы сосен длинные оранжевые отсветы.

Они положили джинсы в «стиралку». Андрюша сидел в трусах на кухне и ждал.

– Как же ты их наденешь?

– Высохнут на мне.

– Нельзя, Андрюша, ты же простудишься.

– Ничего, я быстро поеду домой – они и просохнут.

Лена – у нее дома было полно игрушек – вдруг спохватилась: «У тебя же день рождения – выбирай любую!»

Он взял львенка, и так они домой и пошли: она с коляской, в которой спал Вася, ее маленький сын, и Андрей во влажных джинсах со львенком и велосипедом. В воздухе, как всегда в конце августа, пахло чем-то горьким.

Незадолго до смерти Андрюша уронил Васю. Вообще часто на руках его носил, даже фотография осталась: стоит в высоких ромашках, с любовью смотрит спящему младенцу в лицо. А тут гуляли, катил коляску, а земля каменистая, камешек попал под колесо, коляска упала на бок, младенец вывалился и даже не проснулся. А Андрюша так испуганно посмотрел на Лену, что жалость буквально захлестнула ей сердце. «Что теперь?!» – «Да ничего, Андрюша, ничего!»

Потом она вспомнит, что последние недели он хвостом ходил за ней и все рассказывал что-то и рассказывал.

Он вдруг изменился в эти недели. Стал слушать взрослые разговоры. Сам, что ли, повзрослел.

До этого все время бегал, носился. Бедокурил. Мог запросто в машину забраться и завести – только что не поехать. На даче по деревьям лазил, –матушке жаловались: балуется, садовые же деревья, все ветки обломает! Матушка и ухом не вела: «Мы же для детей купили эту дачу, пускай!»

Дмитрий, сосед Розиных, тоже заметил произошедшую с ребенком перемену.

«Первый раз в жизни я увидел его в созерцании: стоит, рассматривает что-то… На лес смотрит, на вершины сосен. Направо, налево… Я очень удивился. Он никогда раньше не созерцал – всегда бегал».

Отца Игоря и матушки дома не было – они ушли на склон Чегета за грибами. Давно собирались, но таким тяжелым был август в городе, кое-как оправлявшемся от селя, что только теперь выдался свободный день, и они пошли – наконец-то! Грибы, преизобильно растущие в этих местах и почему-то не считающиеся у балкарцев за пищу, были большим подспорьем, не баловство или деликатес, а как раньше у крестьян – важная часть запасов и сытная постная еда.

Дмитрий отошел от окна, а минут через пять выглянул снова. Андрей продолжал стоять и смотреть. К нему подбежал другой мальчишка. Когда Дмитрий выглянул еще раз, ребят уже не было – кажется, убежали. Во дворе стояла тишина, и только ветерок шевелил шторку.

Поблизости находились огромные цистерны, – в них обычно держали солярку, которой топили турбазу. Теперь цистерны были пусты, возле них возились рабочие, а сейчас ушли, оставив цистерны открытыми – видимо, чтобы проветрить.

Дальнейшее произошло очень быстро. Завидев, что заманчивые огромные бочки остались без присмотра, мальчишки побежали к ним. Заглянули внутрь – в таинственную черноту – и чтобы рассмотреть получше, кто-то из них чиркнул зажигалкой. И пары солярки, стоявшие в цистерне, взорвались.

Дмитрий услышал гул, даже рев – как бы падающего самолета. В окне взметнулось огромное пламя и ударило выше сосен. На его верхней границе качался на проводах какой-то предмет, Дмитрию даже показалось, что это человек. Он хватил одеяло и выскочил из дома – тушить.

А к дому уже подбегал Андрюша. Бежал и повторял: «Дядя Дима, дядя Дима, что мне делать, что мне делать».

Не будем полностью передавать рассказ Дмитрия, потому что он слишком страшен, единственное, что скажем – мальчик получил ожог более 90 процентов тела, но оставался при этом в полном сознании.

«Я не умру, я не умру, я не умру?» – повторял ребенок. «Поможем, сейчас поможем», – повторял в ответ ему мужчина. К ним бежали женщины.

В такие моменты, наверно, время останавливается, гаснут все звуки, и мозг начинает работать очень четко. По крайней мере, Дмитрий совершенно не растерялся. Недавно он как раз посмотрел по телевизору передачу, где рассказывали про первую помощь при сильных ожогах. Первым делом нужно отобрать тепло: намочив простынь, он укрыл Андрюшу. Прибежала из школы Женя.

Дмитрий отправил ее искать машину, чтобы везти в больницу – вызывать из Тырныауза «скорую» вышло бы много дольше, – а сам поспешил в лес, искать родителей.

Когда случается страшное, жизнь, как ни в чем не бывало, еще катит какое-то время прежним ходом, пока не доберется до границы. На другой стороне Баскана среди деревьев Дмитрий наконец разглядел высокую фигуру отца Игоря, собиравшего грибы, и принялся кричать. Речка грохотала так, что трудно было что-то расслышать. Что именно случилось, батюшка не понял – понял только, что с Андреем. И быстро пошел в сторону, где был переход через Баксан.

Тем временем во дворе его дома сосед и сослуживец по лавинной службе Махмуд заводил машину, чтобы везти Андрея в тырныаузскую больницу. Когда подошел отец Игорь, они только уехали.

Лена встретила его в дверях. Как всегда, отец Игорь был немногословен. «Что там? Как?» – «Очень плохо», – «Как плохо?» – «Очень». Конкретнее – что Андрей, скорее всего, умрет – Лена говорить не стала: подумала, отцу Игорю сейчас за руль. Батюшка переоделся, собрался, помолился и – внешне очень спокойный – поехал. Лена вспоминала, что таким видела его только на спасательных работах, – «настолько он был внутренне собран».

А Андрея уже довезли до тырныаузской больницы, но что они там могли сделать? Такие ожоги! Сказали, надо везти в Нальчик, в республиканскую, – туда, где однажды Андрюшу уже спасали от смерти, в ту ночь, когда Игорь Розин увидел в небе Крест. Стали готовить к перевозке.

В храме уже знали, что случилось, собралось несколько человек, начали молиться. Наташа Воропаева – дружочек – ринулась в больницу к бедному мальчику, пробралась в реанимацию. Он лежал, – даже ноготки оплавлены, – под простынкой (может, обезболивающее ему вкололи, но больше точно ничего не делали), и в полном сознании.

«Молись», – шептала ему Наташа. Обнять его она не могла, он весь был как рана, только повторяла, – «Ты молись!» «Я молюсь, – отвечал он ей, – молюсь! Ты передай маме и папе, что я их ждал. А папе передай, что я молился. Что я все время молился».

Носилки погрузили в «Волгу»-пикап – Наташа втиснулась полулежа следом – и все полтора часа дороги они вместе молились, читали «Отче наш» и все, что только могли вспомнить.

И летела вслед за ними, петляя по поворотам, машина отца Игоря. Семь лет назад он уже ехал тем же маршрутом и с той же надеждой – что врачи помогут, спасут его дорогого сына. Так же

дремали в послеполуденной сентябрьской неге величественные горы, прохладно синело небо и краснел по обочинам созревавший шиповник. Все было почти так же. И совсем по-другому.

Наконец пикап подъехал к больнице. Выскочили врачи. Каталка, коридоры. Реанимация. Гул неразборчивых голосов. Обязательно мигает, потрескивая, какая-нибудь перегорающая лампа. Родственники пациентов не уходят, ждут. Кто-то плачет, стараясь не шуметь. Кто-то молчит и смотрит.

Приехали матушка, Лена. Вышел врач. Сказал – прозвучало, как сквозь вату: «Вы должны быть готовы ко всему». Отец Игорь звука не издал, только отошел в сторонку и там заплакал, чтобы не при людях.

Наутро примчались спасатели-друзья и прихожане – сдавать кровь. Кто-то кому-то звонил – надо перевезти в Москву, нет, наоборот, нужно из Москвы переправить лекарство, удержать, уловить ускользающую в небесный Свет тоненькую ниточку жизни: не уходи, дыши, останься!

Плакала матушка. Вытирали слезы прихожане и друзья, толкавшиеся в коридорах станции переливания крови.

Только отец Игорь больше не плакал. Тихо ходил в своей черной куртке – легкий, светящийся. Необычный. Всех утешал: «Что вы плачете, не надо, это все как Бог даст».

На следующий день был праздник – Усекновение честной главы Иоанна Предтечи. И батюшка поехал в Тырныауз, на службу.

За свое короткое священническое служение он не пропустил ни одной воскресной и праздничной службы. И тем более, он не мог пропустить сейчас.

«*Сами себя и друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим*»[29], – за каждым богослужением молимся мы в храме, но знает ли наше сердце всю их глубину? Доверяем ли мы Христу до такой степени, чтобы, закрыв глаза, полностью отдать себя в Его руки? Наверное, многим известно это борение, эта двоякость, когда, задав духовнику вопрос о чем-то важном и получив ответ, вдруг теряешь решимость и принимаешься юлить: «а точно ли это воля Божия обо мне? а может быть, спросить еще кого-то?» Нам хочется надежности, гарантий, хочется подстраховаться.

Но что значит это слово на самом деле? Люди используют слова, не задумываясь о том, что они на самом деле значат.

Самый яркий пример – слово «прелесть», пестренькое, мирское значение которого прямо противоположно истинному, духовному смыслу. «Какая прелесть!» – восклицает дамочка, завидев какую-нибудь милую штучку, не подозревая о том, что на языке отцов Церкви это слово означает духовную болезнь. Но смыслы смыкаются: разве не становится духовная прелесть следствием того, что прельщенный манкими обертками человек принимает блеск собственной мишуры за сияние Божественного Света?

Так же и со словом «страхование». «Не желаете застраховаться?» – гладким голосом агента – или нашим внутренним голосом – спрашивает бес. А ведь в церковно-славянском языке именно это слово – страхование – обозначает мучительную двоякость, внутреннее колебание, внушаемое нетвердой душе врагом человеческого рода. «А точно ли это так? А если у тебя не получится? Ты ставишь все под угрозу! Давай-ка, подстели соломку», – шепчет голос, и мы, не доверяя Богу, принимаемся *подстраховываться*.

Отец Игорь Богу доверял полностью, на все сто процентов. И как был послушен воле своего духовного отца – без пререканий, споров о том, «как лучше», и возражений, – так был и послушен Богу.

Может быть, Господь, предуготовлявший своего иерея к подвигу, именно сейчас принимал у него последний экзамен? Что же, если так – отец Игорь сдал его.

Едино просих от Господа, то взыщу: еже жити ми в дому Господни вся дни живота моего, зрети ми красоту Господню, и посещати храм святый его (Пс. 26). Оставив в больнице умирающего сына, он поспешил в Тырныауз – служить Богу.

В храме, хоть и будний день, народу было больше, чем даже по воскресениям: все прихожане пришли поддержать батюшку.

«Мы понимали, что Андрей может умереть. Батюшка служил, а мы стояли и ждали. Внешне он был спокоен. Что у него на сердце, мы не знали, но он держался. А мы… Мы не держались. Нам было очень плохо», – рассказывала Валентина Воропаева.

Звякали в алтаре цепочки – разжигалось кадило, – и звуки эти ранили сердце: тот, кто обычно разжигал кадило, сейчас страшно страдал в больнице. Приоткрылась дверь Северных врат – и кому-то показалось, что оттуда выглянул Андрюша, белоголовый, шустренький, живой.

На клиросе читали часы. Никто не шептался, не шуршал – тишина стояла в храме. И вдруг резко и громко зазвонил городской телефон. Трубку снял старший Андрей, – Васильев.

Что-то выдохнул в ответ на сказанное и тихо пошел в алтарь. В храме не слышали, но догадались: звонила матушка. Андрюша умирал – она просила благословения читать отходную.

Было самое начало службы, – еще можно отменить литургию, рвануться в Нальчик. Весь храм, не отводя блестевших слезами глаз, следил за тем, как пономарь входил в Северные врата. Вот – вошел. Сказал. Или не сказал – отец Игорь по лицу все понял. Может, минуту по обе стороны от Царских врат длилось молчание. И прозвучал возглас: «Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа». Началась Божественная литургия.

Книга Иова

Когда она закончилась, Андрей-старший сказал тихонько: «Батюшка, а давайте я с вами в больницу поеду?» Отец Игорь качнул головой: «Нет, не возьму, здесь оставайся».

А вечером они с матушкой привезли тело сына. Их ждали едва ли не всем приходом. Суетились, каждый хотел помочь – хоть чем-то. «Делайте гроб, хоронить будем завтра», сказал батюшка мужчинам. Делать такую работу им приходилось не впервые.

Совсем недавно они ходили по разбитым селем пятиэтажкам и собирали доски: пол в храме был гнилой, и когда на службу собиралось человек пятьдесят, опасно проседал; но на новый не было ни денег, ни досок. Набрали по брошенным квартирам, принесли, – еле дотащили: в городе еще стояла вода, набравшие влагу доски были неподъемными. Разложили сушиться. А вскоре в храм пришла балкарка. Вот, говорит, муж у меня русский, умер, не на что хоронить. И они сделали ее мужу гроб из этих досок. Батюшка отпел его, отвезли на кладбище, погребли, – в общем, похоронили человека.

Так что Андрюшин гроб был не первый. Михаил привычно спросил: «Из этих досок?» Батюшка

почему-то сказал, что нет – из толстой фанеры. Ну, тут уже они возразили: какой гроб из фанеры? Хоть и толстая, а все равно гнется, да и в храме пригодится!

А отец Игорь обо всем этом уже и не думал – он думал о душе своего сына. Пока над телом Андрюши шли приуготовления, а во дворе строгали и сбивали гроб, один, в алтаре, он совершал вечерню с утреней, чтобы на следующий день служить Божественную литургию.

Тем временем во двор – в горах темнеет рано – вынесли лампу, повесили повыше. В желтом искусственном свете ярко, почти как днем, зеленели листья деревьев, и только черное небо фоном выдавало время суток. К лампе слетелись ночные бабочки, вились вокруг, толкались – сентябрь в Тырныаузе едва ли не самый теплый месяц. И, радуясь благостному вечеру, где-то рядом, в другом дворе полуразрушенного города, играли дети, доносилась с Эльбрусского проспекта лезгинка, приближалась и удалялась – должно быть, гуляли свадьбу, и вот ездили теперь по единственной широкой улице туда-сюда кортежем.

Эти славные, уютные звуки летели поверх других: стучал молоток, высоко взвизгивал рубанок, – строгали гроб, и за открытыми окнами в глубине батюшкиной квартиры всхлипывали прихожанки, готовившие поминальный стол на завтра.

Отец Игорь закончил вечерню и показался на крылечке. Спросил: «Ну что, готово?» – «Готово. А обивать чем?» Он махнул рукой: «Не надо». Как не надо! Женщины засуетились, кто-то вынес черную ткань – не специально, просто нашлась лежавшая для чего-то другого. Обтянули черным, набили белый крест из тесьмы, и получился гроб, как монаху. Переложили Андрюшу.

Утром пошли на кладбище, выбирать место для могилы – нашлось хорошее, повыше. Сегодня там, под красивой сенью, обдуваются ветерком четыре мраморных Розинских креста: отца Игоря, двух его сыновей и дедушки, летом пахнет полынью, качаются шмели, цветут по периметру красные розы, и разросшееся деревце калины обнимает батюшкин крест, гладит его ветвями.

Самый первый, Андрюшин, деревянный, хранится теперь при храме. Его делал сам батюшка – после того, как истекли сорок дней, – у себя в келье в Терсколе, там, где так недавно стояла Андрюшина кроватка.

Лена Горохова вспоминала: «Он, бедный, сыну крест своими руками делал. А у нас еще хватало ума сказать ему: “Вот и мне, батюшка, такой крест сделай!” Кто-то из детей туда же: “Пап, и мне!” Он терпел-терпел, а потом говорит: “Как вам не стыдно! Вы сами на мою могилку не забудьте крест поставить”».

А на следующий день после погребения Андрюши на крошечный дальний приход огромной Ставропольской и Владикавказской епархии прибыл митрополит Гедеон, – поддержать народ Божий в разрушенном селем городе и утешить своего иерея.

Сохранилось видео: прихожане встречают кортеж с «мигалками» возле своего неказистого храма.

День пасмурный – обычное для Тырныауза дело – облака стекают молочным туманом по склонам гор. Группа встречающих – женщины, мужчины, дети, на первом плане мелькает матушкин черный платок. Кто-то прижимает к груди худенькие букеты гладиолусов в обертке из фольги и целлофана. В кадр величественно входит владыка. Благословляет народ, кладет большую ладонь на склоняющиеся головы, басит на ходу распевно: «Матушка, открывай воскресную школу, будешь директором!» и проходит в храм.

Как и принято, с крестом на подносе, владыку встречает отец Игорь. Он в зеленом облачении – в таком служат на Троицу и в дни праздников святых, прославленных в лике преподобных и блаженных. Сегодня не один из таких дней, но вот эта, зеленая риза – лучшая из стареньких латаных облачений, подаренных отцу Игорю собратьями-священниками: своих он не покупал – не на что было.

Целый настоящий хор прибыл с митрополитом, втиснулся в маленькую церковь. Куда ни повернись – священники, иподиаконы, певчие, статные семинаристы. Такого великолепия тырныаузцы никогда не видели. А один из архиерейских певчих, уже став батюшкой, впоследствии вспоминал: зашли в храм, там и развернуться негде, вместо иконостаса – красное полотно, а на нем бумажные иконы. Я, говорил, много повидал храмов в поездках с архиереем, но такой бедноты не встречал.

Отец Игорь – тихий, взволнованный, красивый, – говорит приветственную речь, и каждое слово, тяжелое, наполненное смыслом, не торопясь исходит из его уст, – как будто яблоки собирают руками.

«Владыка! Вы посетили наш богоспасаемый Тырныауз, в котором уже год, как вашими молитвами существует храм Георгия Победоносца. И вот сегодня мы сподобились вашего присутствия», – в этот момент где-то на заднем плане осторожно звякает кадило, – видимо, как обычно, суетятся иподиакона, – и слышно, как храм затаил дыхание.

Батюшка продолжает: «И с вашим приездом снизошла благодать Божия на город наш. Мы вам очень благодарны, владыка, что вы не забыли, что есть в горах такой городок, которого никто не знает, никто не помнит. Что приехали утереть слезы пострадавшим, утешить тех, кто страждет, своим благодатным посещением. Спаси вас Господь, дорогой владыка».

Камера стоит сбоку и немного сзади, батюшка кланяется владыке, и видно, как золото света заливает его седую главу.

«Спаси, Господи, дорогой наш отец Игорь, настоятель Свято-Георгиевского храма», – басит в ответ владыка с той незабываемой интонацией, с которой разговаривали прежде русские архиереи: подобную можно услышать в двух сохранившихся магнитофонных записях проповедей святителя Луки Крымского. «Пока храм этот еще неуютный, но благодать Божия уже здесь», – говорит митрополит и не просто *крестится,* а благоговейно *накладывает на себя крестное знамение.*

«Теперь с помощью Божией мы сделаем храм настоящий», – продолжает он, и эти слова, в обратной перспективе, звучат из 2000 года, как пророческие.

«Сейчас мы послужим молебен и будем просить Георгия Победоносца: войди к нам, будь с нами, защищай нас от всякия нужды и печали. И чтобы русский народ и че…» – он оговаривается и чуть не произносит «чеченский», но выправляет речь: «кабардинцы, балкарцы, мусульмане тоже обращались к Богу. Вот, вы в попали в беду. Наказуя наказа Бог, смерти же не предал (см. Пс. 117). Нужно нам вспомнить о Боге, что Он нас любит, что готов нас защищать, но наша беда в том, что мы сами отвернулись от Него и надеялись сделать все своим возмущенным разумом.

Мои святительские молитвы к Богу – о том, чтобы Господь помиловал нас и больше не наказывал. Хотя мы стоим жестокого наказания», – и слыша эти слова архиерея, сразу вспоминаешь пустой тырныаузский храм после селя и службы, которые почти в полном одиночестве совершал в те дни отец Игорь. Да и многое вспоминаешь – и из своей жизни, и из

чужой, как пытались жить своим умом и не помнили Бога, и что из этого выходило.

А на экране начинается молебен Георгию Победоносцу, и так интересно узнавать родные лица, – только моложе на пятнадцать лет, – кто-то совсем маленький, а кого-то уже и нет с нами.

Вон – Ирина Сергеевна, красивая, как французская актриса 70-х. Вон – юная Наташа Воропаева, держит на руках своего маленького сына, он сильно болеет, и владыка, начиная служить, касается рукой его головы (Наташа рассказывала, что молитвами владыки в тот вечер Данила исцелился). А вон мелькнула молодая Ираида, батюшкина крестница, – смотрит блестящими глазами из-под густой черной челки. К ее христианскому имени долго привыкали и она сама, и прихожане, так и звали татарским – Инджа, полностью – Инджифе. А вон – ее сын Юра, маленький алтарник, держит архиерейский жезл (а сам меньше его на пол своей детской головы), и смотрит во все глазищи. Светлое личико у него за плечом – Ирочка, Юрина сестра, девочка такой чистоты, что ее, Христову невесту, Господь забрал к себе совсем юной.

«Ты еси Бог, творяй чудеса», – гудит протодиакон, и голосисто, распевно вторит хор: «Ты еси Бо-о-о-г, тво-о-ря-а-а-яй чудеса-а-а», и щедро звенит кадило, сверкает и искрится архиерейская митра. Улыбается восторженно Юра – даже рот приоткрыл, – владыка выходит из алтаря, ликует храм, и вдруг на заднем плане, у стены, между Казанской и великомучеником Пантелеимоном мелькает лицо, выпадающее из общего ряда.

Это отец Игорь. Опустив глаза, с преклоненной головой, похожий на страдающего праведника Иова, он стоит как свеча, полностью ушедший в молитву, и кажется, что сердце выдыхает: *Буди имя Господне благословенно отныне и до века* (Пс. 122), – и вспоминается вечерня Великого Вторника Страстной седмицы.

Владыка Гедеон тем временем выходит из алтаря, медленно снимает митру, левой рукой придерживает ее у плеча, а правой раскрывает Евангелие от Матфея и начинает чтение: *«Се, Аз посылаю вас яко овцы посреде волков, будите убо мудри яко змия, и цели яко голубие…»* (Мф.10:16).

И это – необычное для службы святому великомученику Георгию Евангельское чтение: его читают, когда служат нескольким мученикам, а не одному. Как получилось, что тогда владыка выбрал этот отрывок, мы не знаем, но сегодня именно эти слова – *«Се, Аз посылаю вас яко овцы посреде волков»* – написаны золотыми буквами в Свято-Георгиевском храме, в стеклянном киоте, установленном над местом, где отец Игорь пролил свою мученическую кровь за Христа.

Следующий кадр – широкая спина отца Игоря: он делает земной поклон митрополиту Гедеону, а тот выводит своим громовым голосом: «Отец настоятель, батюшка Игорь за усердное служение Церкви Божией, за свой героизм и мужество награждается мною новым церковным облачением православного священника!»

Хор торжествующе гремит непонятное тырныаузцам слово «Аксиос!» «Ризою золотою награждается!» – возвышает голос владыка, и хор переходит на русский: «Достоин! Достоин!» И отец Игорь склоняет голову, и иподиаконы облачают его, сперва надевая епитрахиль, а потом и новенькую золотую ризу. «И камилавкой награждается!» – снова громогласно возглашает митрополит, и отец Игорь снова склоняет седую голову, целует архиерейскую руку и камилавку и водружает ее на голову, как шлем.

А владыка уже воздевает, как Моисей свой жезл, новенький золотой напрестольный крест – такого у батюшки Игоря еще не было: «И крестом Божиим благословляется, и да будет крест

этот тебе, отец Игорь, укреплением, утешением, опорой и внушением надежды, что Господь с нами, крест Христов с нами, а с крестом мы все трудности победим!»

Сам Господь в тот день через архиерейское благословение облек своего иерея во всеоружие Божие. И как воина Христова, Он выводит его *на брань не против крови и плоти, но против духов злобы поднебесной* (Еф.6:12).

…Если бы над временем можно было воспарить, как над пространством, то тогда, взлетев над ним, мы могли бы разглядеть, как сплетаются в единый узор разрозненные линии и фрагменты, ложатся на полотно. И словно смотришь с орлиной высоты и видишь эпичную карту человеческой жизни, и читаешь по ней Промысл Божий: вот куда, оказывается, Ты вел!

И сияет в черных небесах над трепещущими бесами святой крест Господень, и в больнице исцеляется младенец Андрей. А вот следующий поворот линии и новый фрагмент узора: отец Игорь стоит на амвоне, и блещет золотом в его руке подъятый крест, – так всегда изображают на иконах мучеников. И над всей этой картиной, как венец всей жизни, увидим еще один крест – маленький, нательный, обагренный кровью, пролитой за Христа, на шее у батюшки, когда по-земному поверженный, а на самом деле победитель, он упадет на пол своего храма.

Молебен закончился. Владыка Гедеон, обращаясь к своим семинаристам, сказал: «Как в школу беды, я привез вас сюда. Ребята, мы там живем, благоденствуем, все у нас тихо, мирно, а вот люди – они страдают, и храмик убогенький, тесненький, неуютный, но уже намоленный. Вот тебе, отец Игорь, пятьсот рублей на строительство нового храма, и я хочу и молю Господа, чтобы у вас после моего приезда обновилась жизнь». Он извлек фиолетовую купюру и протянул ее батюшке. Пятьсот рублей были огромной для Тырныауза суммой.

После службы – праздничный ужин: жареная картошка с грибами (сентябрь на дворе, и грибы, в изобилии растущие в горах, собирали сами, да и картошка тоже была с огородов). Ни деликатесов, ни богатого яствами стола, – разве так обычно принимают архиереев? Но митрополит Гедеон ест картошку да нахваливает: «Спаси, Господи! Вкусно! Матушка, хорошо нажарила!»

Визит окончен, пора уезжать, но архиерей не торопится в свою машину с «мигалкой». Люди окружают его, льнут, как дети к отцу, просят благословения, – тянут сложенные лодочкой руки, склоняют головы, – и никто не остается не утешенным, ни одна бабушка и ни один ребенок. Каждого благословляет владыка, каждому кладет руку на голову, что-то говорит, и звучит в вечернем воздухе просительное пение – «Спаси, Христе Боже»… – и как звон колокола, разносится по Тырныаузу.

Быстро пройдут несколько месяцев, но для отца Игоря они окажутся как целая жизнь, за которую он возмужает духовно. Пройдет и Великий пост, и вот во Вторник Страстной седмицы за Великой Вечерней в храме станут читать паремию[30] из книги Иова многострадального, и невидимый прихожанам, в алтаре отец Игорь будет вслушиваться в каждое знакомое слово.

То, что было известно уму, теперь открывалось и в сердце. Он сидел, приклонив голову, как *птица особящаяся на зде* (Пс. 101), и согласно кивал тому, что уже познал опытно, испытал, пережил и изведал:

«Настал день тот, когда сыновья Иова и дочери его ели и вино пили в доме брата своего старшего. И вот, вестник пришел к Иову и сказал ему: “пары волов пахали, и ослицы паслись возле них; и, придя, грабители захватили их, и отроков убили острием меча; а я один, спасшись, пришел возвестить тебе”. Еще этот говорил, как пришел другой вестник к Иову и

сказал: “Огонь пал с неба [на землю] и сжег овец, и пастухов сжег также; и я один, спасшись, пришел возвестить тебе”. Еще этот говорил, как пришел другой вестник к Иову и говорит ему: “Всадники построились тремя отрядами против нас, и окружили верблюдов, и захватили их, и отроков убили мечами; а я один спасся и пришел возвестить тебе”. Еще этот говорил, как иной вестник приходит к Иову, говоря: “Когда сыновья твои и дочери твои ели и пили у [сына твоего], брата их старшего, внезапно сильный ветер пришел от пустыни и охватил четыре угла дома, и упал дом на детей твоих, и они скончались; и спасся я один, и пришел возвестить тебе”. Услышав такое, Иов встал, разодрал одежды свои, остриг волосы головы своей, (и посыпал прахом голову свою); и, пав на землю, поклонился Господу и сказал…»

И отец Игорь трижды кивнул, уже измерив истинность этих слов не только умом, но и сердцем:

«Сам я нагим вышел из чрева матери моей, нагим отойду и туда. Господь дал, Господь отнял; как Господу было угодно, так и совершилось; да будет имя Господне благословенно вовеки!»

И как бы наедине с собою, отец Игорь повторил эти слова, снова согласно кивая головою: «Нагим вышел из чрева матери моей, нагим и отойду».

«Взять бы тебя за косичку и голову отрезать»

Как-то отец Игорь пил с прихожанами в трапезной чай, и кто-то спросил: «Батюшка, а слова из Евангелия *у вас же и волосы на голове все сочтены* (Мф.10:30) – их же иносказательно нужно понимать, не буквально?» Чем был вызван этот вопрос, объясняет в своем дневнике Ираида: «Мы тогда все переживали смерть Андрюши, пытались духовно осмыслить произошедшее и не хотели верить, что она случилась по воле Божией, для общего устроения спасения, как семьи отца Игоря, так и всего прихода».

Отец Игорь ответил, что ничего иносказательного в евангельских словах нет – напротив, все сказано ясно и прямо.

Разлука с сыном стала для него вехой, – все мирское, *жизненное* потеряло почти всякий смысл. Люди замечали это. Дмитрий Чуйгук тоже заметил перемену: его сосед, еще недавно такой деятельный, «никогда не сидевший без дела», в редкий выходной с радостью катавшийся, к примеру, на лыжах, теперь «стал похож на монаха»: «Андрюшка за несколько минут до взрыва созерцал природу, мир; поразительно, но таким же за несколько месяцев до убиения я видел и отца Игоря – медленно ходящим по лесу. Часто он так гулял. Я еще подумал: как сильно меняются люди».

Матушка, недавно восставшая на подобные уходы: «ты же с горами завязал!» – теперь, наоборот, говорила: «Иди-иди, погуляй».

Он рано просыпался – часов в пять утра, – выходил из Терскола в сторону леса. Сосны и старые друзья – горы – безмолвно обступали его со всех сторон, и он шел и молился. *Боже! Ты Бог мой, тебя от ранней зари ищу я; Тебя жаждет душа моя, по Тебе томится плоть моя в земле пустой, иссохшей и безводной, чтобы видеть силу Твою и славу Твою, как я видел Тебя во святилище. Ибо милость Твоя лучше, нежели жизнь* (Пс. 62)».

Все реже бывал он теперь в Терсколе, стараясь почти все время проводить в Тырныаузе – в храме, со своим приходом – и не торопился, как это бывало прежде, после служб домой. Сидел, беседовал с людьми, ходил по домам, окормляя болящих, да и просто в гости, поговорить за чаем.

Не привязывайтесь ни к чему на земле, ни к людям, ни тем более к вещам тленным, – таким было его последнее слово к приходу и его последняя проповедь.

В его семье каждый пытался пережить смерть Андрюши по-своему. Родители решили уехать из России, и даже высказывалось мнение, что и всей семье нужно перебраться в другие края – подумать о будущем, о детях.

А батюшка хотел только одного: перебраться поближе к храму и жить богослужениями.

Теперь все чаще от него можно слышать: «Мы здесь временно». Вокруг бурлила прежняя жизнь – в том смысле, что и с чьей-то смертью, даже самой близкой, мы все пытаемся вернуться на круги своя, *пережить* потерю. Но не так это происходило у батюшки – он менялся, как это бывает при реставрации картины, когда размягчив маслом, снимают написанный поверху слой, и проступает исконный образ – человека, опытно, не на словах познавшего смысл вещей, – почти икона.

Все, кто был рядом, это чувствовали. «Батюшка, как мы тебе, наверное, надоели, в своем доме покоя нет!» – вздыхала Лена Горохова. Отвечал: «Ничего». Она потом вспоминала: «Он жил так, будто мы все хозяева, а он – никто. Прежде он властно руководил детьми – а стал священником, и никакой власти у него не осталось: перед всеми смирялся. После смерти Андрюши это особенно проявилось: “Какой же это мой дом? Мы все здесь временно. Это не мой дом”».

Он начал к чему-то готовить старшего Андрея – своего алтарника. Брал на все требы, настаивал на семинарии. Как-то сказал совсем непонятное: «Станешь священником – будет у нас свой монах!» Андрей только пожал плечами, – у него и в мыслях не было ничего подобного.

В один из весенних дней – наверное, перед вечерней, потому что все были в храме – во дворе вдруг появились необычные люди: в костюмах, при галстуках – в Тырныаузе так не ходили. Визитеры спросили батюшку, он вышел, и они в сторонке о чем-то долго беседовали.

Оказалось, эти люди предлагали ему эмиграцию в Израиль, даже, можно сказать, рекламировали, обещая большую материальную помощь и еще здесь, в России, и уже на месте.

Даже мама советовала ему – поезжай, посмотри хотя бы, но он ответил: «Никуда я не поеду. Я здесь родился, здесь и пригодился. Я свой выбор сделал и останусь верным Христу, здесь, на этом месте».

А тучи сгущались. Лена запомнила, как однажды матушка сказала: «Могут прийти и убить всех нас за веру». Старшая дочка, рыжая красавица Женя рассмеялась, а Лена возразила – пыталась разрядить обстановку: «Да, конечно, вот прямо из автоматов, и всю семью, с детьми». В комнату заглянул батюшка – кажется, собирался куда-то – услышал хвост разговора. «А что вы, – говорит, – смеетесь-то? Так действительно может быть. Да, могут прийти и убить за православную веру».

Где-то в это время и случился у них с соседом Димой тот разговор, с которого мы начали наше повествование.

«Жить в поселке становилось все труднее. Думали, что русские все уедут отсюда. Обстановка нагнеталась, мы жили без защиты, бесправно. Было очень тяжело», – рассказывает Дмитрий, как однажды, увидев отца Игоря, окликнул его. «Я сказал ему: “Будь осторожней, очень опасно”. Он ответил: “Я священник, не могу прятаться. Не ставят свечу под сосуд (см. Мф.5:15): проповедовать должен, служить, нести Свет и слово Божие. Бог управит. Только от

Него все зависит”».

Дома матушка иногда заводила разговор на эту тему, – он тут же выходил.

Он не ставил светильник под сосуд. Напротив – начал ходить по городу в подряснике. Не из вызова, а потому, что не собирался поступаться тем, что считал необходимым. И сегодня, идя по Тырныаузу рядом со священником в подряснике, чувствуешь, как стреляют глазами – а тогда тем более. Андрей-большой тоже чувствовал это: «Батюшка, может быть, мы дворами пройдем? Так ближе». Ничего им было не ближе – просто совсем не хотелось идти по Эльбрусскому проспекту, чувствовался вслед неприятнейший холодок. Отец Игорь понял, что алтарник стесняется, и, жалея его, согласился.

Однажды так же спешили на требы. У обочины стояла тонированная машина. Затемненное стекло медленно поехало вниз, и в спину донеслось: «Ну что, поп? Взять бы тебя за косичку да и голову и отрезать». Это было сказано, конечно, гораздо грубее.

Кто знает, о чем подумал тогда отец Игорь. Может быть, вспомнил свой сон-видение, – про смерть Грибоедова.

Александр Грибоедов. Смерть

В 1828 году двухлетняя война с Персией закончилась русской победой. В селении Туркманчай генерал Паскевич и наследник персидского шаха, правитель Азербайджана Аббас-Мирза подписали мирный договор. Его составителем был Александр Сергеевич Грибоедов. Этот документ – пик государственной карьеры тридцатилетнего Грибоедова и одна из самых блестящих дипломатических побед России.

Но одно, хоть и огромное, дело было заключить договор, а другое – добиться его исполнения. Александр Сергеевич привозит подписанные бумаги в Петербург, и именно его назначают следить за исполнением договора, – полномочным министром-резидентом в Персию.

Это повышение отнюдь не радовало его. Сохранилось свидетельство современника: «Мрачное предчувствие, видимо, тяготило его душу. Как-то раз Пушкин начал утешать его, Грибоедов ответил: “Вы не знаете этого народа (персиян), увидите, что дело дойдет до ножей”. Еще определеннее выразился он А. А. Жандру, сказав: “Не поздравляйте меня с этим назначением: нас там всех перережут. Аллаяр-хан – мой личный враг и никогда не подарит он мне туркманчайского договора”[31]».

Договор принес Персии много неприятного: вместо того, чтобы завоевать Кавказ, она потеряла часть Армении (Эриванское и Нахичеванское ханства). Не претендовал больше Тегеран и на Грузию, и на Северный Азербайджан. К Российской империи отошла и часть каспийского побережья.

Огромные потери! Британская империя, подталкивавшая Персию в спину в войне с Россией и с ее поражением утратившая влияние в регионе, хоть и признала их, но не собиралась опускать рук.

Еще Персия должна была выплатить контрибуцию – 20 миллионов рублей серебром – и отпустить всех плененных. Забота об исполнении этих двух условий и стала особым попечением Александра Сергеевича.

Он направляется в Персию через Тифлис. В замершем от зноя городе – Грибоедов прибывает

туда в июле, – где от жары не спасают и тенистые платаны, сплетающие свои ветви над узкими улицами, а доски подвесных балконов раскаляются так, что босой ногой не ступить, – ждет его последнее утешение перед выходом на смерть: любовь земная. Он встречает юную Нину Чавчавадзе, которую знал еще ребенком, – смотрит и не узнает.

Она красива так, что любой потеряет голову – и Александр Грибоедов не исключение. Нина отвечает ему взаимностью.

Ей еще нет и шестнадцати – почти ребенок, – и кто не влюблялся в пятнадцать лет, но удивительно: ее любовь – не увлечение, как обычно бывает в таком возрасте, а редкое сокровище – настоящее, глубокое чувство. Когда Александра Грибоедова не станет, все 28 лет, остававшиеся до ее собственной смерти, Нина будет носить траур по своему мужу. «Черная роза Тифлиса» – так звали ее в городе.

В августе 1828 года они венчаются в древнем соборе Сиони, где хранится величайшая святыня – крест равноапостольной Нины.

Жених болен лихорадкой, и у него падает обручальное кольцо – дурной знак. Он счастлив, но нехорошие предчувствия, кажется, все равно не оставляют его. «Не оставляй костей моих в Персии, если умру там, похорони в Тифлисе, в церкви святого Давида», – скажет он Нине, и придет время, когда она это исполнит. А пока они отправляются на границу с Персией. Вокруг качает тяжелыми ветвями сладкий грузинский сентябрь.

«Женат, путешествую с огромным караваном, 110 лошадей и мулов, ночуем под шатрами на высотах гор, где холод зимний, Нинуша моя не жалуется, всем довольна, игрива, весела; для перемены бывают нам блестящие встречи, конница во весь опор несется, пылит, спешивается и поздравляет нас с счастливым прибытием туда, где бы вовсе быть не хотелось», – пишет Александр Грибоедов с дороги.

Наконец, они – в приграничном Тавризе. В Тегеране царствует Фатх-Али-шах Каджар, но фактический правитель Персии, Аббас-мирза, находится здесь, в Тавризе.

В начале декабря, оставив Нину (она беременна, и беременность проходит трудно), ее муж отправляется в Тегеран: «Еще вам доказательство, что у меня государево дело первое и главное, а мои собственные ни в грош не ставлю. Я два месяца как женат, люблю жену без памяти, а между тем бросаю ее здесь одну, чтобы поспешить к шаху за деньгами в Тегеран…»[32]

Верноподданный русского царя, сын своего Отечества, сам того не зная, Александр Грибоедов спешит навстречу смерти.

Тринадцатым пунктом в составленном им договоре значится: «Все военнопленные обеих сторон, взятые в продолжение последней войны или прежде, а равно подданные обоих правительств, взаимно впадшие когда-либо в плен, должны быть освобождены и возвращены в течение четырех месяцев».

В январе в тегеранской резиденции Александра Сергеевича просят убежища две армянки – из гарема Аллаяр-хана, зятя царствующего шаха. По Туркманчайскому договору они должны быть возвращены на родину: Восточная Армения теперь – часть Российской империи.

Чтобы оценить действия Александра Грибоедова, когда он принимает беженок из гарема Аллаяр-хана, вспомним еще раз его слова, сказанные друзьям в Петербурге: «…Не поздравляйте меня с этим назначением. Нас там всех перережут. Аллаяр-хан –

мой личный враг».

Персия жила по шариату – исламскому праву, согласно которому за оставление ислама полагается смерть. Не понаслышке знал об этом казначей шаха (а значит, и всей страны), евнух, управлявший его огромным гаремом. Мирза-Якуб был тайным христианином. На самом деле его звали Якуб Маркарянц – армянин из Эривани, он был захвачен в плен за 25 лет до описываемых событий, насильно оскоплен и под страхом смерти принужден к принятию магометанства.

Кто знает, сколько раз, проснувшись черной персидской ночью от того, что плачет, он все силился удержать отлетевший сон и хотя бы мысленно вернуться туда, где качались на желтой кладке знакомой до трещинок стены густые кленовые тени, и пахло домом, и две родные фигуры в глубине двора шаркали старенькими ногами к воротам. Мама, папа! Отбросив покрывало, он вскакивал, шарил рукой по книжной полке, находил нужный том, раскрывал его и доставал листок с начертанным на нем армянским крестом хачкаром, и целовал этот крет, и плакал, и снова прятал между страниц исламских книг, и до утра всматривался в потолок, раздумывая, что, может быть, однажды…

Но нужно ли? При дворе его ценят и уважают, не догадываясь о его тайне. Он блестяще ведет финансовые дела, богат и, кажется, имеет все, о чем только можно мечтать. И только Туркманчайский договор меняет дело – у Якуба появляется надежда. Ради нее он готов бросить все, променять богатство и почет на мечту о возвращении домой. Именно мечту – конечно, прожив четверть века в Персии, он не обманывался на этот счет: его вряд ли отпустят с миром.

Якуб пытается действовать не наотмашь – вечером приходит в русскую миссию и объявляет Александру Грибоедову «желание возвратиться в Эривань, свое отечество», – пишет секретарь миссии Иван Мальцев. «Грибоедов сказал ему, что ночью прибежища ищут себе только воры, что министр российского императора оказывает покровительство свое гласно, на основании трактата, и что те, которые имеют до него дело, должны прибегать к нему явно, днем, а не ночью… На другой день он опять пришел к посланнику с тою же просьбою».

И когда русский посол соглашается принять Якуба Маркарянца, Тегеран мгновенно закипает. «Смерть неверным!» – несется по его улицам, а в тени маячит знакомая тень, подливает масла в огонь, традиционно используя «исламский фактор» – агенты британской империи.

То, что произошло дальше, стало известно – как и много веков назад в истории князя Феодора Зарайского – от единственного выжившего свидетеля: секретаря миссии Ивана Мальцева.

Следует серия обвинений и разбирательств: Якуб должен казне денег, – нет, не должен, и прочая – пока дело не доходит до высшего духовного лица Персии, Мирзы-Месиха.

Тот слов на ветер не бросает – они падают как камни, которыми забрасывают на площадях виновных в выходе из ислама: «Этот человек 20 лет был в нашей вере, читал наши книги и теперь поедет в Россию, надругается над нашею верою; он изменник, неверный и повинен смерти!»

Ему вторят его муллы – ахунды, как их называют в Персии: «Не мы писали мирный договор с Россиею и не потерпим, чтобы русские разрушали нашу веру; доложите шаху, чтобы нам немедленно возвратили пленных».

Они идут по городу, крича: «Запирайте завтра базар и собирайтесь в мечетях; там услышите наше слово!» – и эти крики отскакивают от стен, множатся и катятся дальше, тяжелые, как ядра, и в воздухе, кажется, уже разливается запах завтрашней крови, и горячит, и пьянит.

Смерть неверным!

«30 января едва забрезжилось, как вдруг послышался глухой рев; постепенно слышались традиционные возгласы: “Эа Али, салават!”, исходящие из уст тысячной толпы. Несколько служащих бегом пришли известить о том, что многочисленная толпа, вооруженная камнями, кинжалами и палками, приближается к посольскому дому, предшествуемая муллами и сеидами. Возглас “смерть кяфирам” был слышен очень хорошо», – вспоминал курьер русской миссии.

И толпа вломилась в посольство, круша ворота и двери, втекла на крыши, «лютыми криками изъявляла радость и торжество свое».

А это снова свидетельство Ивана Мальцева[33]: «Посланник, полагая сперва, что народ желает только отобрать пленных, велел трем казакам, стоявшим у него на часах, выстрелить холостыми зарядами и тогда только приказал заряжать пистолеты пулями, когда увидел, что на дворе начали резать людей наших. Около 15 человек из чиновников и прислуги собрались в комнате посланника и мужественно защищались у дверей. Пытавшиеся вторгнуться силою были изрублены шашками, но в это время запылал потолок комнаты, служившей последним убежищем русским: все находившиеся там были убиты низверженными сверху каменьями, ружейными выстрелами и кинжальными ударами ворвавшейся в комнату черни».

Из тех, кто мог видеть смерть Александра Грибоедова, не выжил никто. Защищая русскую миссию, пал весь казачий конвой – 37 человек. Растерзанных, зарубленных, раздавленных толпой, их побросали в ров – руки, ноги, обезглавленные тела.

Казаки – святое воинство! Сколько веков они, не задумываясь, просто, без оглядки, отдавали свои жизни – за Отечество, *за други своя* (Ин.15:13), ради Бога. Живым щитом, истекающим кровью, стояло на Кавказе гребенское войско, и в Смутное время было избито почти все. Весь девятнадцатый век шли под пули горцев, усмиряя газават, верные государю терцы. Так было и после новой Смуты – 1917 года, пока не истребили верное Богу казачество. Качается теперь густая трава, обнимая покосившиеся кресты на заброшенных казачьих могилах в бывших станицах Кавказа. Но память живет, и будет жить, пока есть, кому помнить.

Помним и мы, как пролилась в Тегеране христианская кровь, но не потушила жуткого пожара – еще три дня горел демоническим огнем обезумевший город, и три дня таскала по улицам тело Александра Грибоедова не насытившаяся убийствами толпа.

Не властные над душой, бесновались, кричали, терзали мертвую плоть. Наконец, будто устав, сбросили в ров, где уже ждал русского посланника его верный конвой: так, должно быть, и отбыл он на небо – воин Христов в окружении своей дружины.

Дьявол – отец всякого зла и отвратительного насилия, он – главный враг рода человеческого. Он приходит к человеку и пытается заставить работать ему, и если ты сопротивляешься, стремится тебя уничтожить. Люди, которых он пленил и увлек в свое царство, поступают так же: способов прельщения много, на то он и лукавый, чтобы обмануть человека, и не стоит обвинять только лишь мусульман. В нашей собственной истории найдется достаточно подобных эпизодов.

В 988 году великий князь Владимир принял крещение и крестил свой народ. А через полтора века после этого в Киеве похожим образом – взбесившейся толпой – был убит князь-инок Игорь Киевский и Черниговский. В этой толпе, ворвавшейся в храм и схватившей его во время Божественной литургии, не было иноверцев.

Родной брат воцарившегося в Киеве великого князя пытался его спасти – выхватил из толпы, отвез к дому матери, втолкнул за ворота – но куда там: преследователи уже не могли остановиться, диавол горячил кровь, и, с улицы завидев Игоря в галерее второго этажа, толпа рванула, как гончие псы по свежему следу. Крушили ворота, ломали двери, потные, красные, с безумными глазами, разбивали сени, тащили вниз святого мученика и на нижних ступенях лестницы забили насмерть. На этом не остановились, а еще волокли тело монаха по улицам, обвязав ноги веревкой, – до Десятинной церкви, там кинули на телегу, устав таскать, и покатили к рынку, где и бросили, и пошли по домам, будто не православный народ, а бешеные печенеги.

Тело другого князя-страстотерпца, Андрея Боголюбского, безжалостные убийцы – свои, из ближайшего круга – выволокли в сад, бросили псам, и только один, оставшийся верным, Кузьма Киянин просил за него, плакал. Выпросил, принес в церковь, но и там сказали: «что нам до него!» И в притворе, под плащом, лежало тело князя два дня и две ночи, пока жители города грабили его дом, и только на третий день отпели убитого князя.

Несколько столетий спустя для цареубийства, профинансированного британским посланником Уитвортом, тоже нашлись исполнители из своих: императора Павла I убил собственный конвой.

За всем этим стоит дьявол, прельстивший, обманувший людей. А пути в их сердца во все века одни и те же – через сластолюбие, славолюбие и сребролюбие. Так что не будем задыхаться от «справедливой» ненависти к кому-либо, а будем в своем собственном сердце воевать против дьявола, – *ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления* (Мф.15:19).

Когда беспорядки в Тегеране, наконец, утихли, власть, словно очнувшись, взялась действовать. Пытались «замять». Послали в Петербург дары, в их числе огромный алмаз, но самое главное, дали забрать обезображенное тело Александра Сергеевича – его опознали по отстреленному мизинцу.

А святые останки казаков так и остались лежать во рву – пока их, рискуя жизнью, не вынесли оттуда тегеранские армяне.

Неподалеку строилась первая в городе армянская церковь (может, и Якуб Маркарянц, с его огромными возможностями, тайно приложил к этому руку – да и сами персы, проиграв войну, пытались выглядеть терпимей к иноверцам).

Рабочие и священник (история сохранила только его фамилию – Давудян), жившие при строительстве, ответили русским на подвиг подвигом: руки, ноги, казачьи тела с распоротыми животами глухой ночью были собраны ими и погребены во дворе строящейся церкви святого Татевоса. Вокруг высились кучи выкопанной земли, лежали кирпичи, но чтобы и вовсе отвести подозрения, над свежей могилой высадили лозу, – персы искали пропавшие останки, но ничего не нашли.

Шестого февраля весть о смерти российского посланника дошла до Тавриза, но не до Нины – для нее муж будет жив еще несколько месяцев. Бедная Нина: от нее скрывают, боятся, что потеряет ребенка. Она чувствует, мечется, плачет. Успокаивают, что-то говорят.

Уже в Тифлисе, куда обманом перевезли ее, Нина, наконец, все узнала.

«После моего приезда, когда я едва отдохнула от перенесенной усталости, но все более и более тревожилась в невыразимом, мучительном беспокойстве зловещими предчувствиями, сочли

нужным сорвать завесу, скрывающую от меня ужасную правду. Свыше моих сил выразить Вам, что я тогда испытала. Переворот, происшедший в моем существе, был причиной преждевременного разрешения от бремени. Мое бедное дитя прожило только час и уже соединилось со своим несчастным отцом в том мире, где, я надеюсь, найдут место и его добродетели, и все его жестокие страдания. Все же успели окрестить ребенка и дали ему имя Александр, имя его бедного отца…» – пишет она в Тавриз их общему другу, английскому посланнику Джону Макдональду.

Именно ему и его супруге поручил Александр Грибоедов, отправляясь в Тегеран, свою жену – два дипломата из соперничающих империй, Британии и России, похоже, действительно были друзьями.

Наконец, тело Александра Сергеевича прибыло в Тифлис. Нина встречала его, стоя на крепостной стене. Увидела повозку с гробом и потеряла сознание, упала.

Вот также стояла когда-то на крепостной рязанской стене святая княгиня Евпраксия с маленьким Иоанном на руках. Есть много общего в судьбах зарайского князя Феодора и человека светского девятнадцатого века, Александра Сергеевича Грибоедова. Оба они были православными, впитавшими благочестие русской Церкви.

Вспомним еще раз слова Александра Грибоедова и положим их на сердце:

«Только в храмах Божьих собираются русские люди; думают и молятся по-русски. В Русской Церкви я в Отечестве, в России! Меня приводит в умиление мысль, что те же молитвы читаны были при Владимире, Димитрии Донском, Мономахе, Ярославе, в Киеве, Новгороде, Москве; что то же пение трогало их сердца, те же чувства одушевляли набожные души. Мы русские только в Церкви, – а я хочу быть русским!»

Как и все мы, не раз Александр Грибоедов слышал в церкви за службами чтение Апостола, что *вера без дел мертва* (Иак.2:20) – и что *нам ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него* (Флп.1:29).

И когда пробил его час, и пришло время действовать, он поступил не как политик, а как христианин.

На столичных площадях России, Грузии и Армении высятся сегодня памятники Александру Сергеевичу Грибоедову. Настоящее, глубокое уважение питают к нему два христианских кавказских народа – армяне и грузины, и за этим уважением стоит именно почитание его как христианина, который *душу свою положил за други своя*.

И никакие сиюминутные политические веяния не могут поколебать этого уважения к Александру Грибоедову, русскому человеку.

Больше полутора тысяч лет назад во Христа крестились, во Христа облеклись (см. Гал.3:27) два древних народа Кавказа, – а потом и Русь стала святой, облекшись в ризу Христову.

Отец Игорь Розин – не только по духу, но и по происхождению принадлежавший к народу богоизбранному[34], – став в этот ряд войска Христова, в котором, как говорит Писание, *нет уже ни иудея, ни эллина* (Кол.3:11), готов был исполнить слова апостола Павла: *Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? как написано: за Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание. Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее,*

ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем (Рим. 8).

Господь, промыслительно связав жизнь и смерть отца Игоря с христианским подвигом Александра Грибоедова, а через него – с исповедничеством святых Феодора Рязанского и Евпраксии, показал: всегда, во все времена, есть люди, готовые идти за Христом до конца, до смерти.

Тяжесть

И вот пришло положенное время, и наступил Великий пост. Храм оделся в черное, и начались долгие, изнуряющие и такие благодатные постные службы, время подвига и покаяния. Плыл в сером утреннем свете густой кадильный дым, «иже в девятый час нас ради плотию смерть вкусивый, умертви плоти нашей мудрование, Христе Боже, и спаси нас», – пели в храме и клали великие поклоны.

И все было так, как в прошлом году, так – и совсем по-другому. Близился смертный час отца Игоря, и рвались последние жизненные связи.

Весной его попросили уволиться из противолавинной службы. Все чаще он пропускал работу, выпадавшую на богослужебные дни, – его любили, уважали, понимали, всё терпели, но в марте терпение закончилось. После собрания, на котором ему сообщили, что он должен уйти, батюшка пришел домой, сел, вздохнул глубоко, как вздыхал всегда в трудные минуты и сказал: «Ну, вот и всё. Значит, так надо». Он прощался с делом всей прежней жизни и теперь окончательно – с ней самой.

Расстались с ним хорошо, выплатили компенсацию – и отец Игорь купил взамен прежней развалюхи автомобиль поновее, «жигули», которым было уже десять лет. Машина была нужна для храма.

Покупал в Пятигорске. Пригнал, приехал на службу в церковь – все бросились поздравлять: «Батюшка! Какая хорошая машина!»

Он опускал глаза. Кивал. Сказал кому-то: «Вы думаете, мне это нужно? Как вы же не понимаете. Мне уже ничего этого не нужно».

Жизнь пыталась снова залучить его в свои сети, но все напрасно: она словно прохудилась сама и, того не желая, все больше пропускала надмирный свет. Этот свет сиял теперь совсем рядом, на Горнем месте, за дырявой стеной алтаря, и засмотревшись на него, батюшка терял из виду все остальное.

Он выходил из жизни и страдал, как страдает рождающийся младенец. Для людей, которые были рядом, это было непонятно, пугало.

Да не будет этого с Тобою! (Мф.16:22) – по земной привязанности апостол Петр уговаривал Господа не ходить на крестные муки. Так же, по земной любви, старались и близкие отца Игоря, но чем больше старались они заделать бреши и снова сделать мир уютным, тем больше отдалялся от них батюшка.

Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно (1Кор.2:14).

Одна из самых тяжелых вещей на свете – невозможность быть услышанным, понятым. Не было рядом никого, кто бы мог понять его, кто так же, как и он, горел бы духом и хотел только одного – не лишиться Царствия Небесного, а батюшка жил теперь только этим.

Вскоре после того, как он купил машину, к ней подбросили убитую собаку. Произошло это в ночь под одну из великопостных поминальных суббот. Обнаружили утром, перед литургией.

Накануне отец Игорь, как обычно, готовился к проповеди – писал в тетрадку синей шариковой ручкой, по линеечке подчеркивал заглавие: «Проповедь в поминальную субботу. Слово о смерти. По книге епископа Игнатия Брянчанинова». Теперь эта тетрадь хранится в стеклянном киоте, стоящем на том месте, где отец Игорь был убит. Прислони лоб к холодному стеклу и прочитаешь: «Смерть – великое таинство. Она – рождение человека из земной, временной жизни в вечность».

Книги святителя Игнатия, епископа Кавказского были рядом с отцом Игорем на протяжении всех последних месяцев его жизни, и день ото дня он все глубже погружался в его творения и много молился ему.

Прошло еще несколько дней, и во время службы в храм ввалился какой-то незнакомец. Пьяненький, хныкал, почти дебоширил, требовал, чтобы батюшка его исповедовал, повторял, словно жалуясь на кого-то: «Они убить его хотят!» Батюшка был в алтаре – читали часы – с клироса выскочила матушка, вывела посетителя в притвор: «Тише, тише, а ну присядь, кого хотят убить?» Тот опустился на пол, плакал, мотал головой, твердил одно: «Убить, убить хотят!» Вышла Лена Горохова, начала успокаивать матушку: «Прекрати ты с ним эти разговоры! Кого хотят убить? Он же пьяный, это бред! Что ты ему веришь?!» – но матушка поверила и побежала обратно в храм, просить батюшку, чтобы все-таки исповедовал. Отец Игорь вышел в притвор, глянул на визитера: «Протрезвей, тогда придешь!» Тот настаивал: «Ты батюшка, ты не можешь отказывать, ты должен, должен меня исповедовать!» «Вот именно, я батюшка и сам решу, что и когда мне нужно делать», – отрезал отец Игорь и ушел обратно, а парень еще сидел на полу, раскачивался и плакал.

На шестой неделе поста батюшка засобирался в Ставрополь – в епархиальное управление. Он ведь учился в семинарии на заочном, а кроме того, на приходе наконец скопили деньги на первые настоящие подсвечники.

Алтарник Андрей чрезвычайно воодушевился: он любил ездить, а теперь предстояло целое путешествие, да еще и на новой машине. Но батюшка неожиданно отказал: «Нет, не возьму тебя, что тебе там делать, я и сам бы туда не ездил, если бы мог». Он не любил бывать в епархиальном управлении, – из-за духа, который там царил, несмотря на то, что епархией управлял владыка Гедеон – глубоко верующий, искренний старец-митрополит. То же касалось и семинарии. Это отчасти напоминало поездки с передней линии фронта к сытым и довольным жизнью тыловикам.

Собранных денег хватило ровно на два хороших подсвечника – взамен самодельных. Батюшка привез их в храм накануне Лазаревой субботы.

Сохранилась фотография всенощного бдения на Вход Господень в Иерусалим – чей-то легкий почерк написал на ней вразлет: «Вербное Воскресение, 2001».

Блестят новенькие подсвечники. Над склоненной головой бабушки в синем платочке сияет вырастающий из светящегося облака крест. Что это за крест, сказать невозможно – известно лишь, что на том месте, где он проявился на фотографии, ни креста, ни иконы с его

изображением не было.

Справа от этого креста – еще один, почти такой же – и вот его происхождение абсолютно понятно: если приглядеться, видно, что он изображен на иконе новомучеников и исповедников Российских. Первый же просто висит в воздухе, выступая из черноты.

В отверстых Царских вратах стоит батюшка, священническим благословением осеняет народ. На нем та самая золотая риза, которую подарил ему митрополит Гедеон, и ряса, подаренная им же.

Перед батюшкой – пономарь, держит в руках свечу. Если присмотреться, видно – подсвечник у этой алтарной свечи весьма необычен: он сделан из ножки детской табуретки. В этом, конечно, не было никакого юродства – просто бедность, а ножку от детской табуретки использовали потому, что она как раз подходила по размеру.

За год до этого отец Вячеслав пожертвовал Свято-Георгиевскому храму икону «Воскресение Христово» – дореволюционную цветную литографию в старой убогой рамке, с которой уже отслаивалась нанесенная в несколько слоев краска. Сейчас эта икона помещается над Царскими вратами, а тогда висела в алтаре на Горнем месте.

И вот алтарник Андрей все хотел привести ее в должный вид – подновить, сделать хороший киот. Начал – все шло очень тяжело: если делается дело богоугодное, то почти всегда возникает множество искушений, и немало нужно приложить терпения и труда, потому что враг ополчается очень сильно. А тут даже до слез доходило.

Наконец киот был почти готов, собрали по прихожанам «драгоценности» – камушки, бусы, бисер – на украшение, и дело стало только за Леной Гороховой: Андрей ждал ее, чтобы она подреставрировала, обновила икону. А Лена все не ехала и не ехала.

Андрей одолевал батюшку всякий раз, когда тот приезжал из Терскола: «Почему вы опять не привезли Лену? Когда же она приедет?» Батюшка смиренно объяснялся: «Опять вот не получилось – у нее же сын маленький!» «Да причем тут сын – к Пасхе надо сделать!» – пылал Андрей справедливым гневом, возмущение заливало сердце: ведь не для себя старается! Он злился на Лену, а больше даже на батюшку – чего он потакает, взял бы и настоял, что за ерунда, в самом деле.

Наступила Страстная седмица. Андрей все ждал, что между службами Лена приедет, и тогда они еще успеют. Как-то сидел в притворе – спиной к дверям – возился с киотом. Подъехала машина, открылась дверь – вошел батюшка, спросил: «Ну что, как дела?» Андрей глянул из-за плеча – опять без Лены! – и даже не повернулся. Демонстративно не встал, не попросил благословения, остался сидеть, как сидел – спиною, якобы поглощенный работой.

А батюшка, вместо того, чтобы наказать за такую дерзость, выгнать вон, как многие бы и поступили, только обронил, проходя в храм: «Ну что я тебе опять плохого сделал?»

Икону с Божией помощью они все же успели закончить: Лена приехала в Великую Пятницу, но пылание страсти не улеглось. Борения против батюшки мучили Андрея весь Великий пост и на Страстной седмице сделались только сильнее.

У отца Игоря с алтарником сложились особые отношения, возможно, потому, что батюшка прозревал в нем преемника своего служения: между ними установилось духовное родство, и это было утешительно и для отца Игоря, и для его духовного сына.

Но враг часто воздвигает в сердце брань на самых близких людей. И одно – петь за богослужением устами «от юности моея многие борят мя страсти», а совсем другое – на деле обуздать свое сердце, чтобы из него не исходило зло (см. Мф.15:19). Андрей задыхался от помыслов: то негодовал на батюшку, то обижался.

Никуда не девалась любовь, оставалось и уважение, но каждая мнимая батюшкина оплошность черной тенью ложилась на сердце, оседала на нем, следом падала обида, раздражение, злость, получалась целая плита, давившая так, что казалось, дышать уже было нечем.

Но стоит изнемогшему в брани сердцу совершить усилие и понудить себя с покаянием совершить движение к Небесному Отцу, как Господь Сам спешит навстречу и вступает в бой за него. *Царствие Небесное нудится, и нуждницы восхищают его* (Мф.11:12): когда тяжело, нужно перебороть себя, заставить сделать первым шаг ко Христу, и дьявол отбежит прочь, и Господь обязательно поможет, Сам вступит в брань за человека.

Так произошло и в тот раз. Несмотря на мучительную душевную тугу, Андрей решил причаститься в Великую Субботу. И вот когда ночью молился, совершал правило ко Святому Причащению, брань утихла, дьявол отступил, и на место злобы и жжения заступили покой и тишина, и стало легко-легко, словно и не было этой многодневной бури помыслов.

Для Бога ведь нет ничего невозможного – Он может одним дуновением очистить душу от страстей, и она вновь засияет своей первозданной красотой. От нас же требуется каждодневно помнить и ежедневно исполнять самые главные слова святого Евангелия: *Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное* (Мф.4:17).

После службы в Великую Субботу, окрыленные, все бегали, убирали храм. Переносили из пономарки на улицу стопку давно стоявших там стекол (освобождая, сами того не зная, место для того, что должно было скоро свершиться – тырныаузскую Голгофу), чистили, подметали.

С минуты на минуту должны были нагрянуть телевизионщики – один из центральных каналов снимал сюжет про тырныаузский комбинат и разрушенный селем город, и вот, решили записать коротенькое интервью с местным батюшкой. Отец Игорь готовился серьезно: очень надеялся, что после передачи сдвинется с места дело с постройкой нового храма, участок под строительство которого после многочисленных просьб прихожан, наконец, выделили на выезде из городка, прямо за парком, тянущимся вдоль горной дороги.

Телевизионщики приехали, долго искали в маленьком храме, не похожем на столичные соборы, красивую «картинку». Не нашли. Традиционно для таких случаев сняли две горящие свечи – как раз пригодились новенькие подсвечники, – потом поставили батюшку на фоне, мягко скажем, скромного иконостаса и принялись задавать вопросы.

Он отвечал строго и серьезно, вот как родитель старается объяснить детям трудные для понимания вопросы.

«Да, я местный житель. Родился здесь, вырос, прожил много лет. Работал на комбинате, потом – спасателем в Приэльбрусье, и вот сейчас Господь поставил меня священником, пасти стадо Христово». «Большое стадо?» – интересуется невидимый собеседник, и батюшка соглашается: да, большое! «Увеличивается с каждым днем. Когда мы начали служить, у нас было пятнадцать постоянных прихожан. Сейчас уже сорок-пятьдесят, а на праздники и сто с лишним человек бывает. А если вы на Пасхальную службу к нам придете, то в храм не войдете, – и на батюшкином лице расцветает, наконец, улыбка. – И вокруг тоже будет очень много людей. Люди хотят молиться, люди тянутся к Богу. Это очень отрадно видеть».

«А вот эта беда, которая пришла в ваш город – сель – добавила вам прихожан? – снова спрашивает корреспондент, – ведь обычно, когда происходит трагедия, люди идут в храм». Батюшка глубоко вздыхает, молчит. Наконец отвечает: «Это больной вопрос. Должна бы, конечно, добавить… Добавила. Но не в том количестве, в каком бы следовало. Все-таки эта беда произошла по нашей вине – по вине людей. Видимо, уже столько накопилось греха здесь, в городе, между нами, людьми, что уже природа не выдерживает».

Потом он обращается к властям – просит, чтобы больше обращали внимания на верующих, чтобы помогли построить храм, «пусть небольшой, но настоящий».

В следующем эпизоде они с дочкой Сашей необычайно красиво поют «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко» и одновременно степенно кланяются. Дальше на экране возникает крупным планом снятая лампада, а за ней – иконостас в расфокусе, затем запись обрывается.

Когда корреспонденты уехали и наступило затишье, какое обычно бывает перед пасхальным богослужением – все дела переделаны, правило прочитано, и самое время час-другой полежать, дать отдых гудящим ногам перед ночной службой – батюшка отчего-то в квартиру не пошел, а сел в пономарке, прикрыл глаза и так и просидел, пока в храме не начали читать Апостол. Тогда он вышел из пономарки и увидел, что слова, сказанные за несколько часов до этого на камеру, не сбылись: на пасхальную службу пришло намного меньше народа, чем даже в прошлом году. Это и стало для отца Игоря самым большим испытанием, потому что нет для священника большей скорби, чем видеть на Пасху незаполненный храм.

В последний раз батюшка праздновал на земле Светлое Христово Воскресение – а людей на пасхальное богослужение пришло мало.

Когда Христос на Тайной Вечере впервые причастил Своих учеников, Он отдал им, что только мог – Самого Себя, – и открыл всё, что должно случиться. Спустя несколько минут, взяв троих, самых близких – Петра, Иоанна и Иакова – Он перешел Кедронский поток. Наступила Гефсиманская ночь – страшная ночь Его земной жизни.

Он уходит молиться и перед этим просит Своих близких – пожалуйста, не оставляйте сейчас Меня Одного, молитесь со Мной, поддержите: *Душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте со Мною!* (Мф.26:38). Вернувшись, находит их спящими, и снова просит, и опять уходит, и когда возвращается в третий раз, видит, что они все равно спят: *Вы все еще спите и почиваете? вот, приблизился час, и Сын Человеческий предается в руки грешников* (Мф.26:45).

Кончилась пасхальная служба, и батюшка вновь остался один в пономарке. Опустился на стул – казалось, просто передохнуть, – но только матушка все поняла: «Что же ты, как с креста снятый? Нельзя так, ты должен радостный быть, это же Пасха!» Он поднял глаза, посмотрел скорбно и внимательно, молча встал и пошел за праздничный стол – к людям.

Днем, совершив Великую пасхальную вечерню, поехали в Терскол, и для алтарника Андрея вышел двойной праздник: наконец наступила Пасха и исполнилось то, чего он так давно ждал – в первый раз батюшка пригласил его в дом под соснами.

Готовили во дворе. Горел, постреливая, костерок. Гости сидели вокруг, переговаривались негромко. Приехали родственники батюшки – сестра с мужем, – старые тырныаузские друзья, городская интеллигенция, не все даже и крещеные, но по-светски отмечающие Пасху, как прежде праздновали первомай. Батюшка сидел тут же, и какой-то он был совершенно особенный, – тихий-тихий, словно бы не земной. Все больше молчал. Гости болтали, задавали

вопросы, кто-то, может, и серьезное спрашивал, а кто и с иронией – этой вечной спутницей людей из интеллигентной среды.

Отец Игорь отвечал глубоко и просто. По правде, как есть, не думая, поймут или нет, и в то же время без назидания.

Спросили про книги отца Андрея Кураева – тогда его многие читали. «Я не со всем согласен, но мне было бы интересно поговорить с этим человеком», – отозвался батюшка.

Кто-то задал вопрос: как же можно так – всю жизнь во всем себя ограничивать. Вставил свое слово и алтарник – удивился вслух: «Неужели христианину нужно следить не только за своими словами, но и даже за мыслями? Неужели это возможно?»

Батюшка ответил не сразу – не так, как часто отвечают, быстрой реакцией стараясь показать, что ответ известен. Сидел, поправлял палочкой угольки в костре. Молчал. Пауза затянулась.

А потом говорит: «Да, это возможно, – возможно всю свою жизнь упорядочить и стараться следить даже за каждым сердечным движением. Это трудно. Дело всей жизни». И так это было просто сказано, что Андрей сразу поверил, и понял, что батюшка сейчас именно так и живет.

Все вокруг отца Игоря в этот вечер были по-настоящему счастливы, и особенно алтарник, с которым батюшка никогда прежде не вступал в дружеское общение, всегда держал на дистанции, хотя с другими прихожанами был очень близок. Ираида с детьми, например, часто бывала на праздниках в доме под соснами. Юра, ее сын, рассказывал: «Больше всего мне запомнилась Рождественская ночь. Сидели в Терсколе, жарили на костре сосиски. Батюшка рассказывал всякие интересные истории. О том, как перевернулась его машина и это повлияло на его решение покреститься… И про то, как когда он еще был не крещеным, ему приснилось, что его убивают иноверцы. Как Грибоедова».

Наступила Светлая седмица, а за ней и Радоница – первое после Пасхи поминовение усопших. После Божественной литургии, как это заведено еще, слава Богу, на многих приходах, особенно в провинции, батюшка отправился на кладбище – служить панихиду и литии на могилах.

Ходили среди чистеньких, нарядных, убранных к празднику могил, у которых поджидали священника родственники усопших – верующие или просто соблюдающие традицию, но и то уже хорошо: не стаканы с водкой у надгробий и пирожные, а просьба о священнической молитве.

А на каких-то могилах и выпивали, и курили, аккуратно стряхивая пепел в баночки из-под закуски, и табачный дым перемешивался с кадильным, и проходя мимо, батюшка делал замечания. Некоторые огрызались.

Отец Игорь служил. «Со духи праведных скончавшихся души раб Твоих, Спасе, упокой, сохраняя их во блаженней жизни, яже у Тебе, Человеколюбче»[35], – разносилось над надгробиями одно из самых красивых песнопений нашей Церкви – поминальное.

Одна могила, другая, одна лития, еще одна – батюшка устал, дети-певчие устали еще больше, потихоньку канючили, и даже алтарник уже хотел домой. Начал накрапывать дождик. Отца Игоря дергали, торопили родственники, – «сколько уже можно ждать, иди к нам служить на могилку». И как-то вырвалось у него само: «Да что я, железный, что ли?» К священникам у нас порой относятся без почтения – в плацкартном вагоне запросто может услышать человек в подряснике что-нибудь вроде «слышь, попяра!» В том же тоне ответила ему и сейчас

незнакомая пожилая женщина: «Железный или не железный, а раз священником стал, иди и делай свое дело!»

И он смирился, ничего не сказал в ответ, а потом еще и повторял шепотом сам себе: «Да, железный или не железный, а иди и делай свое дело!»

Наконец все закончилось. Поехали домой. В машину села и свечница Валентина. В эти дни она болела тем же духом, что и пономарь Андрей до Пасхи, – все ей было поперек. На кладбище жертвовали за литии. В машине зашел разговор про деньги – на что их нужно потратить, и Валентина завелась без ключа зажигания: «Да что вы, батюшка, деньги раздаете всем налево-направо, кто ни попросит, а на приход и не остается!» Он опять молчал, терпел.

Через несколько дней случилась еще одна история – в хозяйственном магазине решили пожертвовать ведра для храма. Ходили за ними, батюшка наказывал женщинам: «Будут давать – берите, но сами не выпрашивайте», но они, конечно, не послушали. Каждый искал своего. Но ничто не ново на земле.

Христос последний раз в Своей земной жизни идет в Иерусалим, – на крестные муки и смерть. Он знает об этом и наконец открывает своим ученикам. Прямо, не иносказательно, говорит: *Вот, мы восходим в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам, и осудят Его на смерть, и предадут Его язычникам, и поругаются над Ним, и будут бить Его, и оплюют Его, и убьют Его; и в третий день воскреснет* (Мк.10:33–34).

И сразу, через пару минут после этих слов, Его любимые ученики, братья Иаков и Иоанн, подходят к Нему и просят: *Дай нам сесть у Тебя, одному по правую сторону, а другому по левую в славе Твоей* (Мк.10:37). Как будто не слыша слов Спасителя о Его грядущем страдании, они беспокоятся о себе.

Отец Игорь выходил на прямую дорогу к своему мученичеству, а вокруг кипела жизнь, – с ведрами и деньгами. Так и пролетели две недели до престольного праздника.

Шестого мая, в день Георгия Победоносца, в Тырныауз съехались гости, паломники, духовенство во главе с благочинным.

Настоящая, не цифровая, фотография долетела из того дня и места: на ней трепещет майская листва и розовый отсвет солнца нежно ложится на белые стены храма. Батюшка в красном облачении читает Евангелие, рядом, спиной к нам – благочинный, отец Леонид, прихожане благочестиво склонили головы, внимают. Самая мирная картина – праздничный крестный ход. После этого крестного хода и пришел в храм человек, о котором батюшку предупреждали, которого он ждал и предчувствовал.

Еще толпился народ, не расходились после службы, бегали туда-сюда женщины, накрывали для праздничной трапезы на улице столы, путались под ногами дети. В этом радостном движении пришелец был заметен, как темная птица, залетевшая в чужую стаю.

Он отозвал батюшку: «Нужно поговорить». Отец Игорь глянул внимательно, ответил как обычно, коротко и негромко: «Не сегодня. Видишь, сколько народу. Приходи через неделю».

Получалось – назначил себе дату смерти. Тот кивнул, направился к выходу.

Матушка Екатерина видела, как он уходил. Стоявшая на углу компания загоготала вслед: «Ну что же ты? Уходишь?» Он повернулся на ветру – руки в карманах, запузырилась куртка: «Я еще приду!» Те смеялись, сплевывали на асфальт, курили.

Потом уже, когда отца Игоря не стало, прихожане вспоминали и понимали, почему в последние несколько недель жизни главной темой его проповедей стала смерть. Он все время говорил о ней – и не отвлеченно, а в практическом смысле: что нельзя христианину бояться смерти, что нужно помнить о ней ежечасно и жить так, чтобы в любой момент быть готовым встретить ее достойно. Он готовил их и прощался с ними, – со всеми вместе и с каждым по отдельности.

Ирине Сергеевне после исповеди сказал: «Прости меня». Та изумилась: «Да что вы, батюшка! За что!» Он повторил настойчивее: «Ирина, прости меня». Она опять не поняла: «Батюшка, вы передо мной ни в чем не виноваты!» Он – в третий раз: «Ирина, прости меня». Она догадалась, что нужно сказать: «Бог простит!» И он выдохнул с облегчением, и тоже только после его смерти она поймет: прощался.

В эти последние дни в Тырныауз приехал батюшкин духовник, отец Вячеслав, которого он безмерно любил, и отец Игорь принес самую главную и глубокую в своей жизни исповедь. Они разговаривали наедине несколько часов. Рассказал отец Игорь и о том, что ему угрожают, и о том, что он сомневается в своих силах, не знает, сможет ли выстоять, и о том, что от этих предчувствий он переживает такую скорбь, что еле ее терпит.

Через два дня после престольного праздника в Терсколе отмечали день рождения маленького Васи – ему исполнялся год. Все сидели как на похоронах, вспоминала Лена. Тогда она восприняла это на свой счет: «Мне казалось, что это из-за нелюбви к нам, что батюшка не хочет общаться со мной, с Васей. Он был очень скорбным. Все ему было в тягость, даже праздник – и эта тяжесть висела над всеми нами».

Тяжесть давила, но близкие не понимали ее причин. И лишь одному человеку, помимо духовника, он смог доверить свои переживания в эти дни – своей жене. Только матушке сказал, что сомневается – сможет ли в последний момент все выдержать. Но мы знаем, что когда пришел его час, он выстоял, и вслед за апостолом Павлом мог бы повторить: *я уже становлюсь жертвою, и время моего отшествия настало. Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем, возлюбившим явление Его* (2 Тим.4:6–8).

На последнем всенощном бдении под воскресный день, которое служил отец Игорь в субботу 12 мая – под день памяти святителя Игнатия, епископа Кавказского – тягостная атмосфера сгустилась так, что ее темный воздух, казалось, можно было потрогать руками. Скорбь ощущалась физически.

Началось помазание. На клиросе читали каноны, люди выстроились вереницей, прикладывались к Евангелию и к иконе святителя Игнатия на аналое, затем делали шаг к батюшке, подставляя лоб, он начертывал крест – вроде всё, как обычно, но было видно, что сегодня отец Игорь делает все с трудом, через силу. В самом конце молчаливой людской череды одна прихожанка сказала: «Спаси вас Господи, батюшка!», и он вдруг обрадовался, оживился: «Хоть один человек помолился за меня! Пожелал мне спасения!»

А когда служба закончилась, отец Игорь, взяв с собой алтарника, сел в машину и поехал в дальний район – к Марии, прихожанке и соседке по даче. Она тяжело болела.

У алтарника в этой поездке был свой интерес. Еще зимой он увлекся проповедями известного московского священника Александра Шаргунова, несколько месяцев прилагал усилия к тому, чтобы заполучить аудиозаписи и даже писал в далекую Москву, в белокаменный храм

святителя Николая на Большой Ордынке, где служил отец Александр, но тщетно, – кассеты ему так и не прислали.

А у Марии в Подмосковье жила дочь – и узнав о мучениях батюшкиного алтарника, Мария попросила ее о помощи. Дочь не поленилась, поехала на Большую Ордынку и на свои деньги купила все кассеты с проповедями отца Александра, которые только нашлись в церковной лавке. Получился целый пакет – его переслали в Тырныауз, и теперь это несказанное богатство поджидало Андрея у Марии. Но едва заслышав про какие-то кассеты с проповедями из Москвы, вмешался отец Игорь: нет, сказал, пока я сам не послушаю, тебе не дам. Андрей воспылал в помыслах: «Что он командует! Это мне кассеты передали, это же я просил!» – но вслух ничего не сказал, только сник заметно.

Тем временем, сказав Марии, что завтра после литургии они приедут снова, отец Игорь направился к дверям. Андрей поплелся за ним, а кассеты они забыли – пакет так и остался лежать на стуле.

У храма Андрей вышел из машины и пошел домой. По дороге ему встретился старый знакомый – бывший одноклассник его сестры, любитель выпить, тот самый, что устроил скандал в храме, когда отпевали папу Андрея, и кричал «хватит уже, сколько можно». Сейчас Саша тоже был нетрезв: шатался по улицам, стрелял у прохожих по рублю на бутылку. Завидев Андрея, устремился к нему: «Дай пять рублей, не хватает!» Разговаривая, они пошли рядом. Тут их и увидел батюшка – тоже шел куда-то. Ух, как он глянул! Тяжелым, ревностным взглядом, словно Андрей его предал.

Наверное, памятуя этот взгляд, и просил Андрей у отца Игоря прощения на следующий день в алтаре во время Божественной литургии.

И он, и Лена Горохова, которая в то утро тоже чувствовала себя виноватой – накануне у них с батюшкой вышло нестроение – и всю службу вглядывалась ему в лицо, хорошо запомнили, в какой момент оно прояснилось: отец Игорь причастился Святых Христовых Тайн, и тяжесть ушла, и впервые за долгое время его наконец отпустило.

А когда Божественная литургия закончилась и батюшка собрался ехать к Марии, он, против обыкновения, не только не взял алтарника с собой, но и вовсе сказал, чтобы тот шел домой, хотя обычно Андрей после служб последним уходил из храма. Теперь мы можем понять, почему он так сделал: чтобы Андрея не было в храме, когда отец Игорь вернется.

Смерть отца Игоря. Свидетельства очевидцев

Прихожанка Мария

– Батюшка почему-то приехал один. Что могла, я подготовила, на журнальном столике лежали свечи, стояли иконки.

Я полулежала на диване. Он сказал: «Мария, ты сиди, не вставай». Исповедал меня, причастил. Встал, отвернулся и говорит: «Мария, вы перестали за меня молиться». «Батюшка, это неправда!»

Я и на утренних молитвах за него молилась, и Псалтирь мы читали за него, разделили на всех по кафизме, и сама я на Псалтири его поминала, и в вечерних молитвах, и в записочках всегда писала.

А он положил руку на сердце и говорит: «У меня душа так скорбит, так скорбит, Мария, мне так тяжело, ты бы только знала!»

Я испугалась и посмотрела на него. У меня почему-то навернулись слезы. Думаю, что случилось, почему батюшка так говорит? Он повернулся ко мне: «Молись за меня, Мария! Молись за меня, Мария! Молись за меня!» – три раза повторил.

Да что же он такой расстроенный! А он говорит: «Мария, вы прочитаете сегодня благодарственные молитвы после причастия? Молитесь». – «А как же! Конечно!»

И вот он развернулся у этого журнального столика, на котором лежали Евангелие с крестом, у него была такая сумка спортивная, синяя, он все туда сложил, а в другую руку взял пакет с кассетами, который они накануне у меня забыли, и пошел, а я за ним. И вот когда я открыла входную дверь, чтобы его выпустить (а дома холодно было, май месяц, ветер), он вышел на лестничную клетку и мне говорит: «Не нужно сюда выходить, простудитесь, не нужно, Мария». Я ослушалась, грешная, все равно дверь открытой держу, а он вниз идет и оборачивается, смотрит на меня, – вот так он мне и запомнился.

А я потом ему потихоньку-потихоньку поклонилась.

Он скрылся из виду, я быстрей-быстрей по стеночкам – и на кухню, потому что окна на кухне как раз выходили во двор, – чтобы увидеть батюшку. Подошла, смотрю в окно. Он сумку положил в багажник, а пакет с кассетами на сиденье, и уехал. Я тут же на кухне и стала молиться о здравии батюшки.

И потом уже не ложилась. Ходила, карабкалась по стенкам, – а то сяду, посижу.

А вечером пришла ко мне подружка, Маша. Заходит, а я ей говорю: «Маша, у меня такая радость! Батюшка был, он меня причастил».

А она стоит, смотрит на меня и не знает, как мне сказать.

А я же на улицу не выходила, а в нашем доме уже все знали. Вот Маша мне и говорит: «У нас такое случилось, даже не знаю, как сказать тебе».

Я подумала: где-то мост взорвали, что ли, автобус, может, с людьми?

Что-то такое я подумала, а что с батюшкой что-то случилось, и в мыслях не было. А она опять: «Нет, я тебе говорить не буду».

Я подошла и прошу ее: «Скажи, ты что!» А она: «Батюшку нашего убили. Батюшку нашего убили», – дважды повторила.

Я кричала, не знаю каким голосом. Она меня держала, потом посадила, обняла. И я стала ждать утра: вечер – куда бежать?

А утром мы пошли в храм, к нашему батюшке.

Валентина Воропаева:

– В двенадцать закончилась воскресная служба. Отец Игорь поехал на Герхожан причастить болящую Марию. Я осталась одна и начала прибирать в храме. Торопилась, чтобы быстрее уйти, но у меня ничего не получалось, все валилось из рук, в этот день я как привязанная была

к храму, все меня здесь останавливало.

Наконец собралась уходить, взяла сумку, но в это время к двери подошел какой-то парень и спросил священника. Я сказала, что его нет, будет позже.

Он спросил: а можно зайти в храм, посмотреть? Руки у него были в карманах. Я очень ласково сказала, что в храме руки так держать нельзя. Он вынул.

Объяснил, что приехал из Нальчика и хочет побыть на службе. Я посоветовала пойти к батюшке на квартиру и там подождать.

А сама не могу уйти из церкви, вот не получается у меня. Тут пришла Света: «Давайте поставим 13 свечей». А батюшка ж как говорил – «всех надо принимать с любовью». У меня эта любовь уже вот тут кипит: то двенадцать свечей, то одиннадцать, то тринадцать… И вот мы с ней ходим, ставим. Выглянула в окно: тот парень стоит, не пошел в квартиру к батюшке. Или постеснялся, или не принял никто. Хотела еще выйти, спросить, но чего-то не стала. Сели мы с этой Светой на лавочке, и тут подъехал отец Игорь.

Батюшка пошел в храм. В руках у него была сумка и какой-то пакет. Я ему вдогонку: «Батюшка, парень приходил, с вами поговорить», а он: «Ну, если надо, еще придет». И зашел внутрь.

Тут опять подходит этот балкарец. Я позвала батюшку, он пригласил его в пономарку, и они пошли вдвоем, даже и не помню, кто вперед.

Я почему-то почувствовала себя неспокойно. Такого никогда не было: отец Игорь, если кто-то к нему приходил, никогда через храм не водил – всегда в притворе на лавочке разговаривал. Присела я на эту лавочку и думаю: «Зачем он его туда повел? Ну, посидел бы здесь, поговорил. Ой, хоть бы этот парень ушел быстрее. Почему ж мне так плохо!»

Ничего не думаю, только это: «Только бы он побыстрее ушел».

Последнее, что я слышала – как отец Игорь сказал ему: «Садись». И все.

Прошло некоторое время, и я услышала шум. Всегда тихо. А тут – какой-то грохот. Я мигом пришла в себя и одна только мысль – батюшка! Подняла голову – дверь напротив открыта – и вижу: отец Игорь падает. А этот стоит над ним с ножом. Это было непонятно. Это было невозможно. Я закричала – «батюшка!» – и побежала через храм к ним.

Стою перед дверью – она открывалась вовнутрь – и не могу никак понять, что этот человек пришел убить нашего батюшку. Я начала толкать его дверью, кричать на него: «Что тебе от батюшки надо, оставь батюшку в покое! Уходи!» А он опять нагибается к батюшке и бьет ножом – два раза только при мне ударил. А я ничего не могу сделать, в руках ничего нет.

Батюшка лежал, правая рука была поднята, он хотел перекреститься. Я видела, что он не сопротивлялся. И слышу, он говорит: «В руки Твои, Господи, предаю душу»… И все. Больше я ничего не слышала. От бессилия я начала дико кричать.

Парень переступил через батюшку и пошел на меня с ножом. А я кричу, кричу.

Главное, спокойный такой. А я смотрю на него, на этот нож с бороздкой посредине, и думаю: сейчас меня зарежет, ударит этим ножом. И почему-то показывая левой рукой в сторону, сказала: «Зачем ты это делаешь, у меня там куча детей».

Он стоял с занесенным ножом около меня, потом повернулся и медленно побежал. Он был похож на беса.

Я кинулась к батюшке. Он лежал тихо.

Я выбежала на улицу, кричала, что батюшку зарезали. Потом вернулась в церковь. Люди стали собираться. Я увидела, что подъехали Лена и Илья. Тут мне стало так плохо, что я села на землю, – не могу понять, как такое могло произойти.

Елена Горохова

– Тетя Валя почему-то сидела на полу и пыталась куда-то дозвониться. Она плакала, кричала что-то: «Он там! Он один там! Он один!» Мы с Ильей вбежали в пономарку. И тут я увидела, что у батюшки изо рта сочится кровь. Илья положил его голову к себе на колени.

Стала звонить в «скорую», – еле дозвонилась, там номер все время срывался, а они сказали: «У вас поножовщина, без милиции не приедем».

Звоню в милицию, там все время занято. Побежала на улицу, стала звать на помощь: «Вызовите милицию кто-нибудь, я не могу дозвониться! «Скорая» без милиции не едет, а человек лежит, умирает». От меня все врассыпную.

Тогда я выскочила на середину дороги. Машины не останавливаются. Остановились только гаишники, я им все объяснила. Идите, говорю, скорее по рации «скорую» вызовите, делайте что-нибудь!» – «А что случилось?»

Они зашли в храм, подошли, посмотрели на батюшку, потом вышли в притвор и вызвали «скорую» по рации: «Здесь попа зарезали, приезжайте».

Валентина Воропаева

– Лена бегала, собирала тряпкой кровь. Кровь текла сильно. Рядом лежал пакет, в нем были кассеты. Они все были залиты кровью.

Я еще в себя не пришла. Какая-то женщина пыталась куда-то звонить, но у нее ничего не получалось: телефон отсоединялся. Помню, она сказала, что я ей мешаю. Я ее обозвала – «дура», забрала телефон и позвонила Андрею, алтарнику, сказала, что батюшку зарезали. Он прибежал так быстро, что уму непостижимо.

Иеромонах Игорь (бывший алтарник Андрей)

– Зазвонил телефон. Это была Валентина. Надрывающимся голосом она сказала: «Андрей, нашего батюшку зарезали!» Именно так – не «убили», а «зарезали». Я бросился в храм, бежал, что было силы. И пока бежал, такая злоба во мне вскипала, что если это действительно так, если то, что она сказала, правда, то я всех готов раскрошить, растерзать…

Прибежал и увидел отца Игоря, лежащего в крови. Только-только душа отошла.

И почему-то никого не оказалось рядом в этот момент, и я прильнул к руке своего отца, с таким внутренним движением сердечным, что… «батюшка Игорь, чего бы мне ни стоило, я ваше дело – наше дело! – продолжу здесь». Это был обет. Обещание отцу Игорю, обещание Богу, и теперь в самые трудные моменты это вспоминаю.

Игумен, который постригал меня в монашество, когда я роптал и жаловался ему, что кончились мои силы, и больше я здесь не могу, напоминал об этой минуте.

Есть у нас в алтаре маленькая иконочка, бумажная, привезенная со Святой Земли: Страждущий Спаситель. И отец Игорь… Такой же вид был у него. Он был похож на страдающего Христа – на закланного Агнца.

Глаза полузакрыты. Длинные волосы немного небрежно прикрывали часть лица. По седой бороде сочилась кровь.

Кто-то, наверно, расстегнул ему подрясник, была видна рубашка, а под нею – тельняшка. И нательный крестик, весь в крови.

И такое, с одной стороны, страшное было зрелище, а с другой, если можно так сказать, иконописное. Очень красивое, если позволительно здесь употребить это слово.

И запах. Я, наверное, никогда не забуду запах крови мученической. Особый какой-то…

Крови-то много было пролито. Полы неровные. В пономарке стояла крещальная купель, и бóльшая часть крови затекла под нее.

Рядом с батюшкой лежал пакет с кассетами, которые я так ждал – с проповедями протоиерея Александра Шаргунова. Эти кассеты впоследствии стали звеном, связавшим крепкой духовной дружбой наши два прихода.

И вот вся злоба, которая была во мне, – а действительно, я прямо трясся в первые минуты от злобы, – через некоторое время, через несколько минут, сменилась ощущением какого-то торжества. Ощущением, что ты присутствуешь при чем-то необычном. При таком событии, о котором раньше читалось в книгах, в житиях святых. А тут оно произошло прямо на твоих глазах. При этом я еще не знал, кто его убил и почему.

Радуга над горой

Констатировали смерть и стали всех выставлять из храма. По городу уже разнеслась страшная весть, начал сходиться народ. Матушку разыскали на Чегете – она поднималась на метеостанцию, когда ей сказали, что внизу ее ждет машина. Она только лишь спросила, брать ли батюшкину медкарту, и услышав «нет», сразу все поняла. Приехали старшие дети, Максим и Женя. Максим метался раненым зверем, рыдал как мальчишка, все рвался куда-то – найти убийцу, наказать. Горько плакала Женя. А младшая дочка, Александра, – почти нет, это запомнили многие: больше молилась.

Валентину увезли в милицию – составлять протокол, давать показания.

В милиции теперь тоже все забегали: о случившемся доложили в Нальчик, оттуда требовали найти преступника немедля, уже узнали в Москве, торопили. Говорили – весь город будем чистить, в районе полно ваххабитов, ищите его – кто убил священника, зачем? Едва ли не в каждом кабинете совещались, ходили, звонили. Пахло табачным дымом. Валентину подробно допросили и выставили в коридор, она притулилась у стенки, – сказали не уходить, ждать. Примчалась ее дочка Наташа. Подошла знакомая следователь, Татьяна Петровна – так и стояли втроем, Наташа негромко переговаривалась с Татьяной. Валентина не поднимала головы, плакала, смотрела в пол. Мимо быстро прошел какой-то человек, высокий и худощавый, и она вдруг спохватилась: «Это он, он, убийца! Я по начищенным ботинкам

узнала!» Татьяна покачала Наташе головой – дескать, не обращай внимания, это у нее нервный срыв, ну какие ботинки! Но Наташа хорошо знала свою маму: «Нет, не срыв, она в порядке, послушайте ее!» Убийца тем временем заглянул в какой-то кабинет: «Хочу сделать признание!» На него замахали руками: «уйди, не до тебя сейчас». Он зашел в другой – и там слушать не стали. Наконец, он объявил во всеуслышание: «Я попа убил! В рай теперь пойду за это». Все разом замолкли – это было действительно страшно.

Наташа вспоминает, что в те дни им всем было страшно, но только теперь они, как и их пастырь, боялись не смерти, а совсем другого: что ни один батюшка не захочет ехать в их городок, ставший теперь как зачумленный, и храм закроют, не будет служб, и вообще ничего не будет.

Скоро пришла телеграмма от митрополита Гедеона: «Дорогая матушка Екатерина, узнав о злодейском убийстве супруга Вашего, скорблю вместе с Вами и детками Вашими Ильей, Максимом, Александрой и Евгенией и молюсь о упокоении светлой души погибшего иерея Игоря. Тело его будет погребено в земле, но душа, подобно белому журавлю, воспарила к Престолу Господа славы. Воскресший Христос, Победитель зла и смерти, да укрепит семейство Ваше в этот трудный час. Знайте, что Вы не одиноки и не оставлены».

Однако они были и оставлены, и одиноки.

По древней традиции над телом усопшего христианина положено до самого погребения читать Писание: если это мирянин, то Псалтирь, если священнослужитель – священники читают над ним Святое Евангелие.

Со всех окрестных приходов съезжаются отцы ко гробу почившего собрата и, распределив между собою время, читают главу за главой, так, чтобы вплоть до начала заупокойного богослужения это чтение не прерывалось.

Это очень тяжело – читать так, сутками напролет, сменяя друг друга – но в этом молитвенном подвиге проявляется духовное родство и священническое братство. Только вот в этом случае оно себя никак не проявило.

«Не уберегли, что же вы его не уберегли», – кричал со слезами в трубку, когда ему дозвонились в Нальчик, благочинный отец Леонид Ахидов. Он вспоминает, как принялся обзванивать священников благочиния, – просил, чтобы поехали на приход убитого батюшки, – но они отказывались. Говорили, что не могут, что у них семьи, дети. Тогда семидесятилетний отец Леонид вдвоем со своим диаконом сам поехал из Нальчика в Тырныауз.

Когда добрались, храм был уже оцеплен, внутрь никого не пускали – не хотели пускать и их. «Как же так – это нашего священника убили!» – не мог взять в толк, почему ему нельзя зайти в храм, старенький благочинный.

Наконец, пустили. Начались новые дебаты: следователь настаивал, что тело надо везти в Нальчик, отец Леонид убеждал этого не делать, но как ни упрашивал, слушать его не стали, повезли. Тогда отец Леонид благословил прихожан, за неимением священников, самим читать Евангелие по убиенному, а сам вместе с матушкой и диаконом отцом Василием поехал вслед за машиной с телом – переоблачать отца Игоря к погребению.

Вот и пригодились подарки владыки Гедеона – белоснежный подризник и красивый подрясник. Тот же, что был на отце Игоре, прободенный в нескольких местах ножом, пропитанный кровью, сняли с него и отдали матушке.

Омыв тело не водой, а елеем, – так готовят к погребению служителей Святых Тайн, – облачили его в белые ризы. Положили во гроб и повезли обратно, – домой, в храм.

Как самое дорогое, встречал гроб с телом батюшки его приход. Все собрались – и взрослые и дети. Стояла мама отца Игоря, – она еле держалась, – и седенький его папа, и родная сестра Вика. Обе дочери были здесь, и сыновья, и матушка.

Гроб установили по центру, а по сторонам от него – те самые два скромных новеньких подсвечника, единственные на весь храм, которые совсем недавно с такой радостью отец Игорь привез из Ставрополя. Поставили лавки – на них сели папа, мама, сестра, тетя, дедушка отца Игоря. И приход продолжил читать Евангелие, – теперь уже над телом своего батюшки.

Начал накрапывать дождь, через некоторое время превратившийся в безудержный холодный ливень. Он барабанил по металлической проржавевшей крыше, находил лазейки, проникал внутрь, падал на пол – подставили ведро, и теперь к монотонному звуку ливня прибавился еще один: кап-кап-кап. Было промозгло, сыро и очень холодно: тянуло из всех щелей.

Пошли вторые сутки, как взрослые, бабушки и дети, сменяя друг друга, читали Евангелие за упокой души своего пастыря. Спотыкались, делали ошибки – на всем приходе, может быть, человека три и умели читать по-церковнославянски, – но читали, читали, читали. Спали по очереди – или в квартирке, или в храме. Домой не уходил никто.

Мерцали лампады, и словно один во всей вселенной – забытый полк, потерявший командира, но не оставивший окопов – весь приход был в храме. Не рассеявшиеся, но объединенные смертью своего отца, все, как один, – в строю, христианское воинство, братство.

Наконец приехал из Нальчика молодой священник – его звали тоже отец Игорь – служить накануне погребения вечерню с утреней. Зашел в храм – и увидел их всех, собравшихся у гроба. Женщин с красными от слез глазами, стойких бабушек, множество детей. Еще один ребенок – двенадцатилетняя батюшкина дочь Александра – как взрослая собранно вела на клиросе службу, читала Псалтирь, и все это без ошибок, и это его совершенно поразило.

Однако ночевать в храме священник все равно не стал, и в эту, последнюю ночь Евангелие над убитым батюшкой снова читали его прихожане.

Едва ли не в тот же день отцу Леониду в Нальчик позвонил секретарь епархии – интересовался, кто же все-таки читает Евангелие и какова вообще в Тырныаузе обстановка. Отец Леонид ответил: обстановка спокойная, Евангелие читают миряне. Секретарь возмутился: так не положено, должны читать священники! «Вот приезжайте и почитайте», – предложил отец благочинный.

Холодной была та последняя ночь, тяжелой, наполненной тревогой и чувством неизвестности – что будет завтра?

Утешало только одно: отец Игорь исполнил слова читаемого ныне над его насильственно умерщвленным телом Евангелия: *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин.15:13). Батюшка умер за Христа и душа его здесь, с нами, – прихожане знали и чувствовали это.

Рассвело. Наступило утро 15 мая, день, когда Церковь празднует память первых прославленных русских святых, кротко принявших смерть, не сопротивлявшихся своим палачам князей-страстотерпцев Бориса и Глеба.

Приехавший накануне священник начал службу. Последний раз в присутствии отца Игоря, только теперь уже лежащего во гробе, собранный им хор – дочка Александра, жена Екатерина и старушка Неонилла – пел Божественную литургию.

Стоя в изголовье, алтарник читал Послание апостола Павла, и по-новому звучали эти не раз слышанные слова: *Потом же мы живущии оставшии, купно с ними восхищени будем на облацех в сретение Господне на воздусе, и тако всегда с Господем будем* (2 Фес.4:17).

Чистым, высоким, тонким голосом выводила Александра заупокойный задостойник[36]: «Содетелю и Творче, Зиждителю и Избавителю, ослаби отпусти, Христе Боже, и душу его помилуй, егда хощеши испытати, тогда пощади, Милостиве. Приими душу его, Владыко, сведыи тайная».

Тем временем на улице начали возводить тент: дождь и не думал прекращаться, и маленький храм не мог вместить всего народа, собиравшегося вокруг. Куда ни посмотри – на улицу, за домами, повсюду – зонтики, зонтики, зонтики.

Литургия заканчивалась, и во время пения причастна: «Блажени, яже избрал и приял еси, Господи…» – в храм стали заходить первые приехавшие священники.

Стряхивали капли с верхней одежды, оглядывались, приходили в изумление от бедноты, расспрашивали, как все случилось. Посовещавшись, сошлись во мнении, что погребение нужно служить на улице – даже священники с трудом поместились бы вокруг гроба в этом крошечном храме, а что уж говорить о народе.

Подъезжали автобусы с казаками – в основном, из Прохладного, – их собрали, чтобы показать невидимому врагу: мы – сила. Но те, кто был настоящей силой, находились внутри храма – те самые бабушки, женщины, дети и несколько мужчин, для которых теперь заканчивалось их трехсуточное бдение.

На улице тем временем готовились служить погребение, дождь по-прежнему лил как из ведра, а люди все собирались и собирались.

Лене Гороховой вдруг показалось, что она узнала человека, который постом приходил в храм, плакал пьяный в притворе, причитал «они убьют его, убьют». Лена устремилась к нему: «Эй, это же ты, ты приходил!» – но тот отвернулся и ничего не ответил.

Вынесли гроб. Священники в белых ризах – их было много, человек, может быть, пятнадцать – встали по обе стороны.

Ложился на белые священнические ризы отсвет от красноватого тента, красил в пасхальный цвет. Все замолкли. Слышен был только дождь и как кто-то всхлипывает, изо всех сил стараясь потише.

Отец Леонид возгласил: «Христос Воскресе!» «Воистину Воскресе!» – ответил ему народ. Взлетал вверх и дрожал скорбный голос отца Леонида. «Неделю назад мы здесь праздновали престольный праздник, и все было хорошо, и небо было безоблачное, и дождя не было, и погода была прекрасной, и радовались мы, что здесь, на пустом месте, возник приход. Неполных два года отец Игорь трудился, и приход увеличивался, а сегодня мы плачем над другом нашим, как Христос и Марфа – над Лазарем.

Он как овча на заколение, веден был, как агнец, непорочен, не отверзал уст своих, не воспрепятствовал тому, что пролил кровь между алтарем и жертвенником, как праведный

Захария.

Мы напутствуем его словами пасхальных песнопений, потому что мы верим в воскресение мертвых, верим, что душа отходит, оставляет бренное тело и возвращается к Богу. Тем более если это священнослужитель, – служитель Христов, который снискал и любовь священноначалия, и власть придержащих, и особенно – народа. Полюбили его и пошли к нему, как к своему отцу, доверяя и вверяя судьбы свои, души свои, которые он вел ко спасению.

Сейчас мы помолимся, чтобы Господь простил вольные и невольные его прегрешения и сподобил, как верного служителя своего, Царства Небесного.

Сейчас идет празднество Пасхи, и мы служим по пасхальному чину. Пасха Красная, двери райские верным отверзающая, – так и примет Господь его в свои вечные селения небесные, аминь».

И снова звучали пасхальные песнопения. «Христос Воскресе из мертвых, смертью смерть поправ!» – как пели они, глотая слезы! Кто-то снимал на видео из-за спин. И бежала струйками с тента вода, и звенело кадило, и высоко держал светильник со свечой, – тот самый, из ножки детской табуретки, – диакон Василий, и заупокойные песнопения перемежались с пасхальными, и отражая цвет тента, сами собой краснели белые ризы – как будто совершалась служба мученику[37].

Дождь проникал и под тент – видно, как какая-то женщина тянется вверх, стараясь, чтобы ее зонтик с провисшим краем защитил от ледяных капель стоящего впереди священника.

Кругом – потемневшие от горя лица. Лена не сводит с гроба измученного взгляда. Рядом – Женя, застывшая от страдания, поправляет черный платок, прячет под него мокрые пряди.

Среди певчих мелькает Сашин профиль и матушкино беззащитное лицо за большими очками, и виден белый платочек в ее руке – она прижимает его к щеке и все равно поет, поет: «Надгробное рыдание творяще песнь: Аллилуия, аллилуия, аллилуия»…

Здесь же – имамы из соседних сел. Приехал и вице-премьер Республики – вон он, у гроба, говорит что-то маме отца Игоря, а потом обнимает ее.

За спиной у отца Леонида – батюшкин папа, все время попадает в кадр, и взгляд у него, как у маленького ребенка.

Взлетает вверх высокий голосок – Александра читает 149 псалом: «Сотворити в них суд написан. Слава сия будет всем преподобным Его».

Старые батюшки, молодые, недавно начавшие служить… Свечи, залитые стекающим с них воском. Темные платки. Нет-нет, да и прорвется громкий всхлип.

Заупокойная служба совершена, но нет облегчения – горе давит на грудь, и как дождь залил весь город, так и сердце тонет в слезах и не ищет другого.

«Прости за то, что мы не сохранили тебя. Господь воздаст за твои дела. За твою любовь, за твое незлобие, за то, что ты поступил по-христиански, подставил щеку: нанесли тебе удар один, ты позволил и второй нанести. Ты пролил свою кровь. Кровь пролил за любовь ко Господу. За любовь к Церкви. А сейчас ты предстоишь душой своей Господу. А мы пока здесь. Прими наше последнее прости», – и с этим словами отец Леонид склоняется ко гробу, и за ним с последним целованием подходят другие: сперва батюшки, потом – семья.

Льет дождь, туман заполнил ущелье, от холода мерзнут руки. Но вокруг храма стоит почти весь город. И вот священники подняли гроб, понесли.

«Я помню, – рассказывает Наталья Воропаева, – как это было. Я даже маме потом рассказывала – ко мне подходили балкарцы и спрашивали: “А такое вообще бывает?” Когда священники подняли гроб, они пошли очень быстро. До сих пор это помню – у меня было такое ощущение, что они не шли, а плыли над землей! Люди переговаривались: “Посмотрите, посмотрите, как они идут! Они плывут! Они летят!” И многие балкарцы говорили: “Они как ангелы”».

Пройдя по городу, свернули на кладбище – немного вверх по горочке, и виден Андрюшин крест.

Еще Наташа запомнила, как у нее не испачкались ноги – вроде пустяк, а на самом деле – маленькое чудо: трехдневный дождь, на кладбище грязь, месиво просто, а ноги в открытых босоножках как были чистыми, так и остались.

Еще служили литию, затем священники опустили белый гроб в могилу. Подходя к краю, бросали горсти мокрой земли, – сперва батюшки, за ними народ. Стали засыпать могилу, – за лопаты взялись друзья отца Игоря. Среди них были и балкарцы.

Засыпав яму, сделали холмик, стали обкладывать со всех сторон дерном. И вот когда последние несколько лопат были уложены, произошло необычное: дождь в один момент прекратился, из туч выглянуло майское солнце, и засияла радуга над горой.

«Вышло такое солнце! Дождь закончился, туман разошелся – все в городе это помнят! И показалась радуга. Саша Жаворонков тогда сказал – смотри, радуга! – я подняла голову и увидела ее. Еще он сказал, что уже видел такое, в Таганроге, когда переносили мощи Павла Таганрогского», – прошло пятнадцать лет, а этот день стоит у Наташи перед глазами, как будто он был вчера.

И она, и другие помнят, как в этот момент все изменилось: горе ушло, вместе с туманом рассеялся страх, отступила тревога, и всем вдруг стало хорошо.

Они сели в одну машину – Лена Горохова, Наташа, батюшкина сестра Вика, сын Илья, алтарник Андрей. Переглядывались, не понимая, что происходит. «Что-то непонятное, – сказала Вика, – вроде рыдать надо, а мне хорошо!» «Ты тоже это чувствуешь?» «Да.» «И я!» «Невозможно было понять, что с нами: едем с кладбища, на поминки, а у нас на душе – торжество, радость, – вспоминала Лена. – Улыбаться начали, как дети». Это пришло Божественное утешение, и взыграла в их сердцах пасхальная радость[38].

Прямая речь. Итоги

Святейший Патриарх Алексий II[39]

«Ваше Высокопреосвященство, дорогой владыка митрополит! Со скорбью воспринял весть о злодейском убийстве священника Игоря Розина, происшедшем в Тырныаузе Кабардино-Балкарской республики Ставропольской епархии. Выражаю искреннее соболезнование и сочувствие вашему Высокопреосвященству, клиру Ставропольской епархии, пастве, приходу в Тырныаузе, матушке, всем родным, близким и духовным чадам убиенного отца Игоря.

На долю покойного выпало нелегкое время пастырского служения в недавно образованном

приходе. Он принимал самое деятельное участие в оказании помощи пострадавшим в прошлом году от стихийного бедствия жителям Тырныауза. Отец Игорь с любовью и усердием совершал службу Божию, заботился о вверенном ему храме и пастве. Еще многое предстояло ему сделать. Однако рукой злодея было совершено вопиющее преступление – после богослужения в храме пролилась невинная кровь, отец Игорь принял мученическую смерть.

Мысленно даю последнее целование почившему и молюсь Владыке Жизни и смерти Господу нашему Иисусу Христу о упокоении в обителях небесных Своего верного служителя. Да сотворит Господь новопреставленному убиенному отцу Игорю вечную память. С любовью о Господе Воскресшем, Алексий II, Патриарх Московский и Всея Руси».

Иеромонах Игорь (Васильев), настоятель Свято-Георгиевского храма в Тырныаузе

Есть предание, что если человек умирает в день причастия, то за эту благодать ангелы проносят его душу, пронзая все мытарства, как молния.

Здесь же мы видим даже большее.

Очень важно, что отец Игорь принял мученическую смерть в воскресный день, – после Литургии, которую он сам служил, после причащения Святых Христовых Тайн, после того, как причастил своих прихожан, а потом и болящую.

Он полностью исполнил в этот день все свое священническое служение и именно как священник предстал пред Господом.

И кроме причастия, в этот день ничего не успел вкусить. Даже кусочка хлебушка. Все, что в нем было – Тело и Кровь Господа Бога.

Все его человеческое естество было наполнено Божеством, и Бог укрепил его на страдание.

«Сами себя и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим». Он исполнил слова, которые часто повторяют на богослужении, и сначала отдал своего сына, а потом и самого себя. И весь свой живот – всю свою жизнь – предал Христу Богу.

«В память вечную будет праведник, от слуха зла не убоится», – поется за Божественной литургией запричастный стих. И действительно, сначала появляется слух зла (отца Игоря предупреждали, пугали, давали понять, что ему нужно уйти отсюда), – и если человек пугается и отступает, то Господь принимает его и таким, и ведет ко спасению другими путями.

Но есть и те мужественные люди, совершенные христиане, которые, не убоявшись этого слуха зла, идут вслед Христа до конца, до смерти, – смерти же крестной.

Отец Игорь верил: если Богу угодно, Он сохранит ему жизнь и даст послужить на благо Церкви и спастись в лоне семьи. А если Богу будет угодно, чтобы он пострадал – значит, он пострадает.

Сомневался он только в своих силах.

И не нож брал, когда пришел его час, а складывал пальцы в троеперстие, и последними словами его было «в руце Твои, Господи, предаю дух мой», – молитва, которую мы произносим каждый вечер перед сном и не очень задумываемся о ее смысле.

А ведь Господь Сам на кресте эти слова сказал. Люди должны помнить и знать об этом.

Протоиерей Александр Лесюис, священник храма Смоленской иконы Божией Матери на Смоленском кладбище, Санкт-Петербург

По человеческим меркам это трагедия. Действительно страшно: внезапная кончина, страдальческая. По меркам же христианским это – величайшая награда Божия. Господь сподобил отца Игоря мученического венца. Сподобил его быть едва ли не первым, – а может быть, и просто первым, – священномучеником нового, XXI века. Господь избирает лучшее и прославляет лучших. И вот это самое высокое признание – не человеческое, а Божие – отец Игорь и получил.

Протоиерей Александр Шаргунов, настоятель храма святителя Николая в Пыжах, Москва

Перед смертью отец Игорь сподобился редкого дара самой глубокой, какая только могла быть у него, исповеди и причастия Святых Христовых Таин.

Я думаю, что жизнь и мученическая смерть отца Игоря – это проповедь, обращенная, прежде всего, к Церкви: напоминание нам о том, что в центре нашей жизни всегда был и есть и должен быть Крест Христов.

Мученики не случайно изображаются держащими крест. Без Креста Церковь просто не существует.

Крест – это средоточие всех тайн Церкви, всех догматов, всех благословений, всей любви спасительной, которую имеет Христос к миру.

Только Крестом приходит радость всему миру, мы поем на Пасху[40].

Без Креста не имеет смысла Божественная литургия, и молитва – абсолютно пустая трата времени без Креста.

Церковь без Креста – это пустое обрядоверие, где нет ни истины, ни правды, ни покаяния, ни спасения, ни святости.

Разумеется, все мы, христиане, надеемся получить прощение наших грехов Крестом Христовым, но проблема заключается в том, что мы не очень хотим сами принять и нести свой крест.

Это – самая главная проблема современного христианства. За тем, что обыкновенно называют разумностью, реалистичностью, способностью крепко стоять на ногах, на самом деле может скрываться внутреннее желание неприятия креста.

Что происходит у нас сегодня с Церковью? Апостол Павел говорит: я не желаю хвалиться ничем, кроме Креста Господа нашего Иисуса Христа. Ни вновь восстановленными, отреставрированными храмами, ни количеством новокрещенных, ни богословскими институтами или школами, ни социальной активностью.

Вся благотворительная, миссионерская, просветительская деятельность есть постоянная жизнь Церкви, но это не главное, – а там, где нет главного, все остальное теряет значение.

Вся жизнь Церкви, во всех ее делах, малых и великих, должна иметь постоянное измерение креста, – то, что являют в своем подвиге мученики.

И если мы говорим, что Крест – это полнота исповедания веры, то именно мученики являют эту полноту.

Не случайно ни в какой другой конфессии не было явлено такого множества мучеников, как в Церкви Православной. Это есть свидетельство истинности ее исповедания.

А там, где Крест Христов, крест мучеников, зло обнажается предельно.

Церковь исповедует, что когда зло раскроется до конца, наступит кончина мира, явится Господь во втором славном Своем пришествии, и оно будет предваряемо Крестом Господним.

Вот поэтому в наши времена, когда зло прямо на глазах действительно раскрывается до конца, почитание мучеников особенно важно. Если иметь ввиду эсхатологическую перспективу, которая постоянно присутствует в нашей жизни, то это тем более необходимо.

Собственно, подвиг мученичества в этом и заключается: в свидетельстве о том, что есть истинная жизнь для человека.

И когда этот голос мешает миру жить так, как ему хочется, без всяких ограничений нравственных, духовных, то его нужно или заставить замолчать, или устранить, чтобы он не мешал жить свободно.

Но я хотел бы напомнить слово древних отцов: кто не почитает современных ему святых, тот не может почитать и святости вообще, тот не почитает и самого Христа.

И прежде всего нужно говорить о дважды новых мучениках, – наших современниках. Отсутствие реакции на зло, которое сегодня совершается в мире, и не видение подвига наших новейших мучеников, – это явления одного порядка. Церковь с особенным вниманием должна отнестись к проблеме прославления сегодня явленных мучеников и исповедников российских.

Инокиня Фаина

Сейчас такого почти нигде нет, как у отца Игоря было на приходе: чтобы все просто, своими руками.

И такая красота внутренняя была у батюшки, нравственная глубина, и все у него было ясно и просто. Вот что на самом деле поражает: это избранный Богом был человек. Восхищаешься его красотой, Божьим образом. Воспринимаешь это как особое избрание.

Взять и самому решиться так прожить, пронести такое – конечно, это невозможно. Здесь подражать не то, что бессмысленно – просто есть такие уникальные люди, избранные Богом. И вот они самим своим присутствием освящают других людей.

В наше время только мелкие крупицы подобного благочестия остаются, тает это сияние.

Ну а с другой стороны, святитель Николай Сербский как сказал: вы не переживайте, не горюйте, когда идете в храм и видите, что там людей все меньше и меньше, потому что благодать остается, и она переходит на это количество людей. То есть силы не умаляются, не умаляется красота таких людей, их близость к Богу, к Истине.

Христиане часто осознают в современном мире свое бессилие. Просто вести тихое безмолвное житие – это сейчас недостижимая мечта, и большая часть людей понимает, что это уже совершенно невозможно.

Бывает, что ничего у тебя не получается. Но душу согревает, когда знаешь, что есть такие люди, как отец Игорь, – что они недавно были, реально существовали.

Иеромонах Павел (Гелиастанов), насельник Новоспасского монастыря, Москва

Я думаю, что отец Игорь своей смертью освятил и Кавказские горы, и народ, среди которого он жил. Этот подвиг в свое время еще принесет много плодов.

Ощущение молитвы у мощей угодника Божия – совершенно особенное. И вот именно такое сильное потрясение я испытал, оказавшись в храме, где служил и был убит отец Игорь.

На месте, где его убили, стоит стеклянный киот, в котором находятся некоторые его вещи, и в их числе – окровавленная, пробитая ножом рубаха, которая была на нем в момент убиения. И когда прикасаешься к ней, испытываешь непередаваемое чувство – как будто прикасаешься к святым мощам, стоишь перед какой-то великой тайной.

И когда мне рассказывали, чего же боялся отец Игорь больше всего, это меня тоже очень поразило: не предсмертных мук, не боли, не страданий, а только того, что может встретить их недостойно.

Он и матушке говорил: «Больше всего я боюсь, что в этот момент начну защищаться».

Христос мог бы Себя защитить, но не защищал, потому что волею принял смерть. И отец Игорь, когда настал час огненного искушения, поступил по заповеди, данной Христом. Он не защищался и принял смерть как из руки Божией.

Протодиакон Андрей Кураев

В древней Церкви не было особенной процедуры канонизации мучеников. Само слово «мученик» – «мартирос» по-гречески – значит, свидетель. Это тот, кто своей смертью свидетельствует о вере, о своей жизни во Христе. Это такое доказательство, которое нельзя подделать.

Когда исповедника вели на казнь, то вся христианская община молилась о нем: «Господи, вразуми и дай ему силы всё претерпеть».

Когда же жизнь этого мученика на глазах всего города прекращалась, то форма молитвы менялась: теперь начинали молиться ему.

И только позднее, когда появились другие образы святости, – преподобные подвижники или святители, – тогда действительно стало нужно входить в рассмотрение образа их жизни, а не просто образа кончины. И уже понадобились специальные канонизационные комиссии и исследования.

В случае с отцом Игорем, по-моему, все очень ясно, – как и в случае с солдатом Евгением Родионовым. Когда человек принимает казнь за Христа, и при этом у него была возможность избежать этого, и смерть наступает от рук несомненного ненавистника христианства, то тут все ясно: мученик принимает на себя удар, который был направлен на нашего Господа. Если человек умер за Христа, то и Христос, умерший за нас, несомненно, примет его в небесную славу.

Елена Горохова

Для моей семьи это имело огромное значение – батюшкина жизнь и его исповедническая смерть, – потому что он имеет предстательство перед Господом и молится Ему за нас. А я молюсь ему.

Примеров внутреннего духовного общения с батюшкой очень много. Чувствуется его присутствие.

Особенно остро я ощущала его первое время, да и сейчас тоже, и в самые радостные, и в самые трудные моменты, не надуманно, меня никто не понуждал к этому.

Просто была потребность идти к нему на могилку. К кресту его прикладываешься лбом, чувствуешь тепло, или холод, если, например, стоят морозы, молишься…

И то, что долгие годы в моей жизни – даже уже на его глазах – не складывалось, после его смерти сложилось и изменилось в лучшую сторону.

У меня был маленький сынишка, и я просила, чтобы Господь послал нам человека, благочестивого христианина, который станет нашим другом и отцом.

Многим святым я молилась о даровании семьи – Борису и Глебу, Даниилу Московскому, блаженной Ксении Петербургской…

И вот, по молитвам батюшки, я имею дом и четверых детей.

И сейчас я часто обращаюсь к батюшке Игорю.

Однажды мне было видение, – как будто я в храме, а батюшка вышел из Царских врат, как обычно выходит священник, чтобы дать целовать крест прихожанам, но в храме никого больше нет, и я сделала движение в сторону батюшки, к его кресту, и говорю: «Батюшка, ты жив, ты служишь? Такая радость!»

А он в золотом облачении, в руках сверкает крест, волосы белоснежные, ослепительные. И он тогда как-то… Я поняла, что он святой. Не могу дословно вспомнить, как это было высказано, чтобы не исказить, но было понятно, что он прославлен, что мощи его в храме – сюда их перенесли. И я ему говорю – как это замечательно, да, батюшка? А он кивком головы отвечает: «Так». Поворачивается и уходит в Царские врата. А я ему вслед уже восклицаю: «Какая радость для матушки!» А он обернулся в пол оборота и отвечает: «Что матушка, – вся Россия будет рада». И ушел в алтарь. На этом видение закончилось.

Ираида Изосимова

На 40-й день по смерти батюшки сначала в Терсколе, а потом и в храме стали мироточить иконы. Для нас, людей только воцерковляющихся, это было большим утешением и укреплением в вере.

А мне один раз посчастливилось увидеть отца Игоря во сне.

В церкви всегда много работы разной, а мне еще временно дали послушание печь просфоры. Под Богородичный праздник напекла просфор, очень устала, было уже поздно, а завтра на службу.

А у меня было обыкновение на Богородичные праздники печь пирог – и к празднику, и на милостыню: у меня все умершие родственники – мусульмане, поминать в записках их я не

могу, за них нужно подавать милостыню.

Еле превозмогая себя, пирог я испекла, получился он славный. Прилегла поспать.

Только закрыла глаза, как в тонком сне (до этого случая я не понимала, что такое тонкий сон) мне явился батюшка Игорь, в золотых священнических одеждах, такой, как при жизни, только радостью от него веет. Стоит перед алтарем нашей церкви. Я от радости слова не могу вымолвить, плачу, а он мне говорит: «Пеки свои пироги, Ираида, а я их к Престолу Божию донесу».

Открыла глаза, которые только что закрыла, сна нет, а слезы на глазах остались.

Прошло много лет после гибели батюшки, но вся жизнь моей семьи руководствуется его молитвами. Жизнь и смерть отца Игоря – как зерно, которое дает жизнь другим зернам. Как невидимые нити, тянутся к нему сотни людей в молитвах о его предстательстве перед Богом. Он – угодник Божий, но мы помним его нашим современником. Он знает искушения и язвы нашего времени, нашу духовную и телесную слабость, знает нас глубоко заблудших и так тяжело восстающих по слову Церкви. Упокой, Господи, душу убиенного иерея Игоря и прости его согрешения, а если сподобился, его молитвами помилуй нас, грешных.

Батюшка Игорь, молите Христа Бога о помощи нам, окаянным…

Ирина Чуйгук

В день гибели отца Игоря я лежала дома с головной болью. Моя младшая дочка Марфа пошла на занятия воскресной школы, но неожиданно быстро вернулась. «Мама, иди скорее в храм! Надень черный платок. Батюшку Игоря… зарезали». Я не могла поверить в эти слова, думая, что дочь нехорошо шутит. Но пошла к храму. Увидев вокруг него много людей и вышедшую из церкви убитую горем Сашу Розину, я все поняла и бросилась к ней. «Не плачьте, тетя Ира, ему теперь уже хорошо, он уже в лучшем мире…» – со слезами сказала младшая дочь Игоря. Я прошла мимо милиционеров к телу батюшки, и никто из них почему-то меня не остановил. Очень хорошо запомнила его светлое, как у юноши, лицо, седые волосы и соединенные для крестного знамения застывшие пальцы правой руки.

А вечером начался ливень, закончившийся лишь через два дня, когда последняя лопата земли была брошена на его гроб. И сразу засияло солнце…

После смерти батюшки Игоря у нас возникла традиция ходить к нему на могилу вместе с нашим новым настоятелем иеромонахом Игорем и с прихожанами. И вот когда мы пошли в первый раз, с нами была наша прихожанка Вера, у которой внучка больна с рождения. Она не может говорить.

Когда мы совершили на могиле панихиду, иеромонах Игорь взял лампадку, которая горит на могиле, и стал помазывать нас маслом. Еще до этого девочка начала волноваться, а когда подошла ее очередь, стала так упираться и сопротивляться, что двум женщинам пришлось взять ее под руки. Она вырывалась, не могла подойти к кресту, к маслицу из лампадки, и когда батюшка наконец ее помазал, она полностью успокоилась и присела возле могильного креста. Весь остававшийся день конвульсии нервной болезни не беспокоили ее.

И сама я тоже получила исцеление на могилке отца Игоря. Перед этим год я болела кожным заболеванием, которое не могла вылечить. Не помог медицинский курс, который я прошла полностью. Болезнь не оставляла меня. Только чуть-чуть успокаивалась и начиналась снова. Я очень устала от этой болезни, раны кровоточили.

И вот я пошла на могилу к отцу Игорю и вдруг после молитвы думаю – надо помазаться маслом из лампадки. И хотя рядом не было священника, я сказала: «Господи, прости меня, и дерзость мою прости. Батюшка Игорь, помоги мне!» И помазала больные места. На следующий день у меня не было никаких следов заболевания. И больше оно не возвращалось.

Лариса Теребина

Отец Игорь к лику святых еще не причислен, но сама его смерть свидетельствует о том, что это обязательно произойдет.

Хотя и я не сторонница ожидания всяких чудес, мне кажется, для православного человека должно быть нормой, когда ты обращаешься за помощью к святым.

У меня произошла беда – я обнаружила, что у меня на голове появилась опухоль. Я обращалась к врачам, и никто не мог определить даже причину ее появления.

В тревоге я думала – что же делать? Поехать к мощам нашего батюшки Феодосия Кавказского[41]? И вдруг меня пронзила мысль: надо же поехать к отцу Игорю, в Тырныауз!

Я подумала: к нему пока что мало приезжает паломников, мало кто просит его о помощи, – это, конечно, наивный ход мыслей у меня был, но он был, тем не менее, – поеду, попрошу! И вот мы с сестрою приехали в Тырныауз, зашли в храм, а потом отправились на могилку. Я приложилась к батюшкиному кресту и помолилась, чтобы отец Игорь попросил заступничества обо мне у Господа. И отец Игорь очень быстро услышал мою просьбу и буквально через два дня этот недуг у меня прошел.

Игорь Растеряев, заслуженный артист Кабардино-Балкарии

В лице отца Игоря Розина я увидел живой и яркий пример того, как Господь призывает к себе людей. Ведь Игорь был обычным человеком, на протяжении многих лет не размышлял ни о Боге, ни о вечном, суетился, как большинство из нас в этой жизни. А затем вдруг нам, его друзьям, явилось это чудо человеческого преображения. Как постепенно возрастает пробившийся сквозь иссохшую почву росток, набирает силу, превращается в могучее дерево, приносит плоды, – так и Игорь духовно возрастал на наших глазах, являя глубины истинного познания мира и Создателя. Полностью поменялся его жизненный уклад, изменилось мировоззрение. Человек преобразился, осветившись внутренним евангельским светом, получая богатые Дары и благодать Божью.

Главным шагом в жизни Игоря был приход к Богу, служение Ему и людям. А главный итог его жизни – мученическая кончина. Думаю, что так было угодно Богу, – чтобы у Приэльбрусья появился свой небесный покровитель, заступник и молитвенник пред Господом.

Димитрий и Татьяна Зосимовы

Татьяна: Мы с мужем узнали об отце Игоре случайно – если вообще бывает что-то случайное.

Нам рассказали о нем, когда мы отдыхали на Северном Кавказе, и отвезли в Тырныауз.

Когда мы приехали – а это была поздняя осень – на могиле у отца Игоря зацвела калина. Весь куст уже пожух, листья опадали, а одна веточка, тянувшаяся к могильному кресту, цвела маленькими беленькими цветочками. Кругом горы, синее небо, чистый холодный воздух, светит солнце, а на могиле отца Игоря цветет этот куст. Это было настоящее чудо.

И такая на сердце была радость и легкость! Хотелось обнять весь мир.

Дмитрий: Для отца Игоря в человеческом плане было тысячекратно проще и удобнее, если б он стал себя вести так же, как все, тихо занимался своим делом.

Конечно, он мог бы жить другой жизнью, другой судьбой, но он не мог не исполнить своего долга, – так же, как и когда был спасателем и в смертельно опасных условиях рисковал жизнью ради других людей.

И это стало прелюдией, подготовкой к тому, что он должен был в конце своей жизни совершить. Это совершенно ясно, по крайней мере, для меня, – что он полностью, до последнего вздоха предал себя Богу и как из Его руки принял то, что ему было уготовано.

Потому что если посмотреть на эту ситуацию по-мирски, то понятно, что он мог бы уклониться, спрятаться или ответить ударом на удар, тем более что физически был в состоянии это сделать.

Но на самом деле, если посмотреть глубже, выбора у него не было: он должен был смиренно принять то, что ему уготовано, смиренно принять эту смерть.

Современному человеку не всегда понятно: почему это Иисус Христос, Сам, по собственной воле, взошел на крест и дал нечестивым людям отнять у Него жизнь, хотя у Него была возможность от этого уклониться. В Евангелии об этом сказано, – что многократно Господь уклонялся от тех, кто пытался Его схватить, когда еще не пришло время Его страданий.

А когда пришло, Он смиренно отдал Себя на беззаконный суд.

И точно так же поступил отец Игорь: отдал себя в руки Божьи и вверил Ему свою жизнь, свою судьбу, судьбу своих детей и близких, родных, друзей, тех людей, о ком он заботился долгие годы.

Сделал так, будучи полностью уверен в том, что будет только лучше, если все так и произойдет. И не было у него ни капли сомнения в этом.

И для меня совершенно очевидно, почему это произошло именно на Кавказе, именно в Приэльбрусье. Здесь схлестнулись добро и зло. И добро в очередной раз должно было победить. И победа его должна была быть вот такая, – на первый взгляд незаметная.

Так же, как для целого мира было незаметно то, что произошло две тысячи лет назад.

Я думаю, что эта мученическая кончина в духовном плане положила конец дальнейшему распространению зла здесь, в Приэльбрусье.

Это событие – фактическая капитуляция зла на Кавказе, подписанная кровью отца Игоря.

Татьяна: В храме, когда мы прикладывались к окровавленной рубашке, в которой был убит отец Игорь, у меня было необычное состояние: очень трепетное, какое бывает, когда прикладываешься к святыне.

С тех пор каждый год мы ездим в Тырныауз.

В наше время такие люди, как отец Игорь, встречается очень редко. Вот на чеченской войне молодые ребята проливали свою кровь, а некоторые сознательно страдали за веру, как солдат

Евгений Родионов.

Думаю, отец Игорь – мученик за веру. Ведь он сознательно шел на это страдание, на смерть, знал, что его убьют, но продолжал служить.

Никого не боялся, твердо верил в то, что, если ему суждено погибнуть, то это не просто так, – на это воля Господня.

Я обращаюсь к отцу Игорю в молитвах. Могу сказать это совершенно откровенно: он до сих пор не прославлен, и может быть это и не совсем правильно, но, конечно, я обращаюсь.

Архимандрит Лев (Ахидов), на период описываемых событий – протоиерей Леонид, благочинный

В 1999 году я был благочинным церквей Кабардино-Балкарии, и вместе с Игорем ездил на его хиротонию в Ставрополь. Неоднократно приезжал и в Тырныауз – на праздничные службы или просто повидаться с ним.

Когда ветхое помещение бывшей бак-лаборатории стали превращать в храм, мы от Симеоновской церкви передали в дар приходу святого великомученика Георгия Победоносца крещальную купель.

Рядом с этой купелью его дух и отошел ко Господу…

За неделю до убийства я приехал в Тырныауз на престольный праздник, мы вместе служили и совершали крестный ход. А 13 мая мне позвонили: «Отца Игоря убили…» Я не мог поверить. Я с ним вечером говорил.

Конечно, это трагедия. Ведь отец Игорь, лишь сравнительно недавно уверовав всей душой и сердцем в Бога, очень ревностно, с энтузиазмом и пламенным внутренним жаром трудился на своем поприще. Но не зря говорится в Священном Писании: как Христа преследовали, так и вас будут преследовать, – таков крест православного священника в мире иноверцев.

Отец Игорь предчувствовал свою смерть, у него было какое-то томление духа, внутреннее волнение, он не находил спокойствия. Говорил, что ему угрожали.

Каждый год 13 мая, в день памяти отца Игоря, я приезжаю в Тырныауз и прихожу на его могилу, встречаюсь с его семьей. Отрадно то, что у Розиных зародилась священническая династия. И, конечно, спаси Господи матушку Екатерину, – за ее смирение и мужество.

Георгиевский храм в Тырныаузе – храм на крови. Господь сказал: меня изгнали, и вас изженут. На Тайной Вечери сказал об Иуде – сатана вошел в него. Кто убил отца Игоря? Сам сатана. Он – противник. Противник Христа и веры. Противник правды.

Только смерть определяет, куда стремился человек при жизни, – к Богу или от Бога. Отец Игорь предстал перед Господом как свидетель Истины.

Мы его с любовью вспоминаем и почитаем его блаженную, мученическую кончину, в день его смерти с верой собираемся на его могиле, и как при жизни обращались к нему с просьбой о помощи, так обращаемся и теперь.

Как Господь призывал апостолов на служение, так и его призвал к служению священническому.

Здесь, на пустом месте, он как бы пустынно, начал свое служение. И оно было успешно, а потому завистник рода человеческого решил его уничтожить. Чтобы заглохло здесь пение христианское, чтобы проповедь Евангельская прервалась.

Но кровь мучеников – это семя христианства, и с мученической смертью отца Игоря Розина земля Кавказская обрела еще одного заступника и исповедника пред Богом. Семя это проросло и дало плоды, – подвиг служения в Тырныаузе продолжает его ученик, иеромонах Игорь (Васильев).

Иеромонах Игорь (Васильев)

Как у всех людей, у священников бывают в жизни моменты, когда опускаются руки. Отдаешь все силы, пытаешься направить и себя, и людей ко спасению, донести, что именно это – самое главное в жизни, передать им важность этого делания, а люди оказываются не только не всегда готовы это воспринять и последовать, а бывает, и противятся. И тогда возникает ощущение, что бьешься как рыба об лед.

Особенно остро это переживается в начале священнического пути, а у меня это усугублялось еще и духовным одиночеством, и несовершенством новоначального монашеского устроения: ближайший храм – за 70 километров, не только поисповедаться, но и поговорить даже не с кем. Да и бытовые проблемы тоже заедали – приход очень бедный, средства, чтобы что-то сделать, взять было неоткуда.

И вот в один из таких моментов произошло необычное событие.

После совершения монашеского правила с тяжелым сердцем я прилег отдохнуть, закрыл глаза, и вижу наш неустроенный алтарь, нахожу себя в алтаре, и, поворачиваясь к престолу, вижу батюшку, отца Игоря, как всегда спокойного и строго глядящего на меня.

И я чувствую, что вот он, момент пожаловаться, возроптать: «Батюшка, ты же видишь, как мне тяжело, люди не отзываются, не помогают! Ты же видишь, – что же ты не можешь помочь? Ничего не получается! Не могу больше, все!» Потому что правда было очень тяжело. На клиросе, бывало, петь некому, просфоры печь некому, служить не умел, ничего не знал, поисповедаться нет возможности, и люди не шли навстречу так, как хотелось.

А он молча, – ничего не сказал, – так же строго, как при жизни, глядя на меня, облачается в священнические одежды, выходит через Царские врата к народу, в храм и начинает петь: «С нами Бог, разумейте, языцы, и покоряйтеся: яко с нами Бог». И народ петь начинает вместе с ним, едиными устами, и так громко, стройно…

Вздохнув, про себя я думаю – вот, с батюшкой как хорошо поют, дружно, а со мной не могут. Превозмогая какую-то обиду, через силу облачаюсь, надеваю поручи и выхожу вслед за ним. И на этом сон заканчивается.

И на всю оставшуюся жизнь я понял, что не одинок в своем служении здесь, что отец Игорь с Небес присматривает за храмом и за людьми, которые идут в этом храме ко спасению, что он – настоятель нашего прихода и самый главный и самый большой заступник для всех нас.

Послесловие

Матушка Екатерина по-прежнему живет в Терсколе, в том самом доме под сосной, и работает на метеостанции на Чегете, все так же поднимаясь туда на недельные дежурства. На горе у нее

устроена часовня, в которой зимой и летом она возжигает лампады и молится. В свободное от работы время матушка ездит к детям – Илье, Евгении и Александре – и помогает с воспитанием внуков, которых у нее уже десять. Ее дети вместе со своими большими семьями живут в разных местах, но у матушки остается время и на тырныаузский храм, где бывает на богослужениях и помогает при храме.

Старший сын Розиных, Максим, пошел по стопам отца, – стал спасателем МЧС и помог многим избежать смерти в горах, но сам погиб в автомобильной катастрофе, оставив после себя добрую память. Он похоронен рядом со своим папой, младшим братиком и дедушкой.

Сын Илия тоже пошел по стопам отца: он закончил семинарию, стал священником и служит в одном из сел Ставропольского края. У него замечательная матушка и трое деток, младшего из которых он называл Игорем.

Дочь Женя, окончив школу, поступила на иконописное отделение Смоленского духовного училища, отучившись в котором, вернулась в родной Тырныауз. И в алтаре, и просто в храме можно увидеть замечательные иконы, написанные Женей. Она воспитывает четверых детей, но несмотря на это, все равно находит время и возможность, чтобы помочь в воскресной школе и подготовке праздников на приходе.

Дочь Александра, окончив регентскую школу в Ставрополе, вышла замуж за семинариста. Ее муж, отец Владимир, служит в одном из соборов Владикавказа. Матушка Александра воспитывает троих детей, младшего из которых они с мужем назвали Андреем – в память о маленьком Андрюше. Всех их объединяет молитва и любовь их мамы, матушки Екатерины, и заступничество отца, батюшки Игоря.

Живут они дружно, поддерживают и помогают друг другу и всегда стараются 13 мая, в день памяти отца Игоря, обязательно приехать в Тырныауз.

Елена Горохова живет в пригороде Ставрополя, в большом доме. Муж у Лены военный, подполковник. Теперь у них, вместе со знакомым нам Васей, который стал уже совсем большим, четверо детей.

Ираида Изосимова уехала из Тырныауза – чтобы дать своим детям Юре и Ире хорошее образование – и обосновалась в Свято-Алексеевской обители милосердия под Переславлем-Залесским. Это совершенно уникальная обитель с библиотекой, учебными музеями и педагогами, которым могут позавидовать столичные институты, была создана специально для того, чтобы и в современном мире дети могли получить классическое школьное образование и глубокое православное воспитание.

Сын Ираиды после школы с отличием закончил МИИТ, отслужил в армии и теперь работает на железной дороге.

Его младшая сестра Ира, девушка удивительной чистоты и духовной красоты, после школы поступила в Абрамцевское училище в Хотьково и в 2009 году на Страстной седмице, возвращаясь домой после соборования и дня, проведенного за трудами в храме, погибла, попав под электричку. Ее родители, похоронив Иру за алтарем Свято-Алексеевского собора, теперь уже окончательно связали свою жизнь с этой обителью.

Ирина Сергеевна Чуйгук, прожив на Украине несколько лет, после начала войны на Донбассе вернулась на Северный Кавказ и теперь живет между Тырныаузом и Ессентуками: ее младшая дочь Марфа вышла замуж за выпускника Ставропольской семинарии, который сегодня служит в одном из храмов этого города.

Старшая дочь Инга, вместе с Алевтиной прожив лет десять на Донбассе и похоронив бабушку, еще до войны тоже перебралась в Свято-Алексеевскую пустынь. Инга поет на клиросе, несет множество других послушаний и не мыслит своей последующей жизни без обители.

Дмитрий Чуйгук давно вышел на пенсию, живет в Терксоле и принимает множество гостей, которые любят к нему приезжать, чтобы покататься на лыжах и погулять по горам.

Валентина и Наталья Воропаевы по-прежнему живут в Тырныаузе. Валентина за прошедшие годы нисколько не растеряла своего боевого духа, а Наташа – способности быть преданным и верным другом: такова особенность ее души. У Наташи – двое детей. Старший сын Даниил – уже совсем большой и прекрасно знает историю своего чудесного исцеления по молитвам владыки Гедеона.

Иеромонах Игорь (Васильев) служит настоятелем в храме святого великомученика Георгия Победоносца.

После смерти отца Игоря Розина общине предлагали место для строительства новой церкви, но они остались там, где была пролита за Христа кровь их первого настоятеля.

Несколько лет назад храм был расширен и обложен камнями, привезенными с гор, – так строили тут храмы в древности, – и стал похож на маленькую крепость.

На месте, где пролил свою кровь отец Игорь, установлен стеклянный киот, в котором помещается батюшкина рубашка, пробитая ножом, со следами крови, его Евангелие, Крест и последняя тетрадка с проповедями.

Здесь же, рядом с Евангелием, лежит и кусочек облачения, пропитанный кровью другого исповедника веры, убитого при схожих обстоятельствах за почти что 2000 км от Тырныауза, в Москве – отца Даниила Сысоева. Эту святыню передала в Свято-Георгиевский храм его вдова – матушка Юлия. Скажем несколько слов и об убийце отца Игоря.

Как сказано в Определении Верховного Суда КБР, «в первой декаде мая 2001 года Ибрагим Хапаев, исповедовавший радикальный ислам, решил совершить убийство настоятеля православной церкви великомученика Георгия Победоносца иерея Розина И.Л. из религиозной ненависти к православной религии».

Суд признал его невменяемым, освободил от уголовной ответственности и приговорил к принудительному лечению. Обычная практика такова, что убийц, признанных невменяемыми, держат в спецучреждениях десять лет. Хапаева И.З. выпустили быстрее – говорят, что лет через семь его видели в городе.

Впрочем, специально мы его судьбой не интересовались.

Теперь добавлю кое-что и про себя.

Три года писалась эта книга, и вот, уже заканчивая ее, я вдруг поняла, что люди, которые поначалу были для меня только именами и фамилиями в титрах к записям воспоминаний, стали за это время по-настоящему родными, хоть многие из них и не подозревают об этом, и сердце отзывается умилением и любовью, когда вспоминаешь их прекрасные лица и слова.

Приложение. Три проповеди отца Игоря

О грехе осуждения

Издавна вся жизнь православного человека освящается спасительными днями церковных постов. И каждый раз, проходя это поприще, мы стараемся трудами покаяния приготовить свою душу и тело, с чистой совестью и светлым радостным лицом встретить великий праздник, ради которого и установлена нашей Матерью-Церковью эта благодатная подготовка.

Покаяние – это такой великий дар, данный Господом согрешающему человеку, что святые отцы назвали его вторым крещением. Но зачастую мы по своему неразумению делаем бесплодным этот величайший дар Божий. Одной из главных причин, препятствующей истинному покаянию, является грех осуждения людей. В наши дни он приобрел особую силу и словно страшная эпидемия, поражает немощные сердца, а мы в безумстве своем почти не обращаем на него должного внимания, считая его чем-то мимолетным и незначительным.

В назидание нам Священное Писание и учение Святых Отцов уверяют нас в обратном, свидетельствуя, что грех осуждения настолько велик, что он один может лишить нас жизни вечной, тогда как неосуждение людей может ходатайствовать о прощении наших грехов.

Человеку не дана власть судить о нравственном или духовном устроении своего ближнего. *Мне отмщение, Аз воздам* (Рим.12:19), – говорит Господь. Внутренний мир наших ближних является величайшей тайной, открытой только единому Богу. Наши заключения о праведности или греховности человека, сделанные по его поступкам или внешности, нередко бывают ошибочными.

В истории Церкви этому есть много примеров из жизни Святых.

Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете (Лк.6:37), – говорит Господь. Почему же суд наш всегда бывает неправедным?

«Объяснение этому кроется в ограниченности нашего сознания.

Мы не в состоянии обозреть и взвесить полноту всей жизни человека. Нам дано увидеть лишь отрезок его жизни, то есть состояние греховности или добродетели. А возможно ли только по части судить о целом жизненно-духовном устроении? Конечно, нет. Для большей убедительности попытаемся сравнить, как творится суд Божий и суд человеческий.

Когда Господь взирает на человека, Он видит все его положительные и отрицательные качества и способности, как природные, так и приобретенные в течение жизни. Родился ли человек в христианской или языческой вере, каково было его воспитание и религиозность, с какими людьми он общался в течение жизни, а также природные свойства его характера, ибо одни бывают спокойные по естеству, другие – горячие и вспыльчивые. Большое значение имеют и обстоятельства, при которых совершаются грехи или совершается добродетель. Все это известно одному Господу. Он же, взвесив все на весах Своего правосудия, выносит суд или оправдание»[42].

Так ли судим мы? Как правило, увидев какие-то грехи или падения человека, сразу спешим только по ним судить его. Вот пример.

Однажды авва Исаак Фиваидский, увидев брата, впавшего в грех, прогневался и повелел изгнать его. После этого ему явился Ангел Господень и, встав между дверьми кельи, не пускал

его. Исаак начал просить, чтобы он объявил вину его. Ангел отвечал: «Бог послал меня, сказав: пойди и спроси у Исаака, куда повелел он поместить согрешившего брата, которого осудил». Исаак немедленно принес покаяние, сказав: «Господи! Прости меня». Ангел сказал ему: «Встань. Бог простил тебя, но впредь не поступай так: не осуждай кого-либо прежде, нежели Господь осудит его».

«Восхитили человеки суд и не предоставляют мне его», – говорит Господь[43].

Итак, слово Божие и учение Святых Отцов нам еще и еще говорят, что осуждая человека за какой-либо грех, мы не только сами совершаем тяжелый грех, произнося на него ложь, но и похищаем власть Божию, дерзостно становясь на Его место, что нам запрещено заповедью. Это одна сторона, запрещающая нам судить человека.

С другой стороны, святые отцы учат нас, что путь человеческого спасения, направляемый Промыслом Божиим, также составляет величайшую тайну, и мы не можем знать его. Господь спасает каждого человека по-разному, в зависимости от его устроения и полезности для его души.

Для некоторых из нас этот путь состоит во многих падениях и восстаниях, иначе мы не сможем осознать своей немощи и смириться. Для одних такие падения могут быть весьма велики, как это можно увидеть из житий некоторых святых. Но это не значит, что человек уже находится на пути погибели, ибо здесь может совершаться Промысл Божий, ведущий человека к очищению от каких-либо глубоко укоренившихся в нем страстей.

В-третьих, кто из нас достоверно знает, какое покаяние о содеянных грехах принес наш ближний, сколько теплейших покаянных молитв он вознес к Богу, сколько пролил горьких слез, перенес терзаний и воздыханий о помиловании, какие понес скорби и какие претерпел болезни, сколько болезновал сердцем от того, что оскорбил Господа своим нерадением?

Все это бывает скрыто от наших взоров. Подтверждая эту истину, Иоанн Лествичник говорит: «Видел я согрешившего явно, но втайне покаявшегося. И тот, которого я осудил как блудника, был уже целомудр у Бога, умилостивив Его чистосердечным обращением».

И в другом месте он говорит: «Некоторые явно впадали в великие согрешения, но большие добродетели совершали втайне; и те, которые любили осмеивать их, обманулись, гоняясь за дымом и не видя солнца».

В-четвертых, мы не имеем права осуждать, потому что нам неизвестен конец жизни человека. Бывают случаи, когда человек погружается в такую бездну греха и беззаконий, что уподобляется самим бесам. Но однажды происходит скорая перемена, и человек за короткое время приносит такое глубокое покаяние, какого мы, может быть, не принесем за всю свою жизнь. И в этом случае можно также усматривать действие Промысла Божия. Вот пример такого покаяния.

Некоторый брат, преуспевающий преимущественно в смирении, проводил уединенную жизнь в Египте. У него в городе была сестра-блудница, погубившая многие души. Старцы часто уговаривали этого брата, чтобы он сходил к сестре для увещевания ее отстать от греха. Когда он уже приближался к ее дому, один из знакомых, увидев его, поспешил войти к ней и предупредить о приходе брата. Услышав это, она, вне себя от радости, оставила любовников своих, которых в то время угощала, и с непокрытой головой выбежала навстречу брату. Когда она увидела его и хотела обнять, он сказал ей: «Сестра моя любезнейшая! Пощади душу свою, потому что многие погибают через тебя. Рассуди, какие муки уготованы тебе, если не

прибегнешь немедленно к покаянию». Она содрогнулась и ответила: «А ты точно знаешь, что для меня есть какая-то надежда на спасение?»

Он сказал: «Если бы только пожелала, то и доселе есть тебе надежда спастись». Она упала к ногам брата и просила его, чтобы он увел ее с собою в пустыню. «Пойди, – сказал он, – покрой голову свою и следуй за мной». Сестра возразила: «Пойдем скорее! Лучше мне пройти в толпе людей безобразной и с непокрытой головой, чем возвращаться в работный дом греха».

Во время пути брат поучал ее покаянию. Увидев идущих навстречу монахов, он сказал ей: «Сойди с дороги на короткое время, пока монахи пройдут, не все же знают, что ты моя сестра». Она сделала это. Монахи прошли, и он позвал сестру свою, но она не отвечала ему. Брат осторожно подошел к ней и нашел ее уже умершей, ноги ее были все в крови, потому что она была без обуви. Тогда, плача и рыдая, возвестил он старцам о случившемся. Они рассуждали между собой о ее спасении и не могли достигнуть согласия. Но Бог открыл одному из старцев, что покаяние блудницы принято, потому что она отвергла всякое попечение обо всем, принадлежащем миру сему, пренебрегла всем для исцеления язвы своей, тяжко вздыхала о грехах своих и оплакала их[44].

Видите, какое может быть решительное обращение и сильное покаяние, и таких примеров Церковь знает много. Может, и в этом городе было много людей с фарисейской праведностью, которые осуждали ее как великую блудницу. Но вот блудница уже целомудренна и в Царствии Небесном, а они будут навсегда лишены его за осуждение и лицемерную праведность.

В-пятых, святые отцы учат нас, что здесь, на земле, трудно отличить людей праведных от неправедных, а потому не должно никого осуждать. В истории Церкви есть много примеров, когда некоторых людей признавали большими грешниками, и считавшие так имели для этого все основания и подтверждения. Но по смерти этих людей Бог открывал, что мнимые грешники на самом деле были Его великими угодниками.

Для подтверждения этого обратимся к поучению Димитрия Ростовского. «Начиная делать различие между овцами и козлищами, – говорит святитель, – приведу здесь на память нечто из старчества. Некий пустынный старец, убеждаемый мольбами одного христолюбца изгнать беса из его дочери, сотворил молитву к Богу и сказал бесу: “Изойди из создания Божия!” Бес же, возражая ему, задал вопрос: “Если хочешь, чтобы я вышел, то сначала скажи мне, кто суть овцы, а кто – козлища?” Старец отвечал: “Овец знает Бог, козлище же я сам”. И бес, не стерпев смирения старца, бежал. Старец этот по смирению своему назвал себя козлищем, оставив овец на усмотрение Божие. Я же, грешный, – восклицает святитель Димитрий, – слова сии по истине скажу: овец знает Бог, а козлище я сам. Трудно распознать в жизни этой овец и козлищ, как во тьме ночной отличить драгоценный бисер от простых камней. Бывает, что кто-нибудь всеми считается козлищем, а на самом деле он – овца Христова, святой и праведный. Недаром где-то сказано: кажущаяся чистота многих в день Судный окажется нечистотой и навеки осуждена будет, и наоборот, видимая нечистота многих окажется чистотой и будет прославлена»[45].

Далее святитель говорит, что не только трудно отличить праведных от грешных, но весьма многие кажущиеся праведники, предназначенные для Царствия Божия, будут отвержены. Изгонятся многие девственники, сохранившие в непорочности свою чистоту, изгонятся постники, много постившиеся, изгонятся творившие обильные милостыни, изгонятся молитвенники, много молившиеся, изгонятся пророчествующие, имевшие дар предвидеть и предсказывать будущее, изгонятся изгонявшие бесов, изгонятся чудотворцы, творящие чудеса, изгонятся праведники и многие другие.

За что же пострадают эти христиане, подъявшие такие большие труды?

На это святитель, ссылаясь в свою очередь на древних Отцов Церкви, с глубоким вздохом восклицает: «О, суета! О, несчастие! О, вечное рыдание сынов Царствия, изгнанных из наследия своего! За что же изгнаны будут? Не дивно было бы, если б изгонялись за зло и беззаконную жизнь, как те, которых изгоняет Иоанново откровение: *А вне – псы и чародеи, и любодеи, и убийцы, и идолослужители, и всякий любящий и делающий неправду* (Апок.22:15).

Не дивно было бы, говорю, если бы изгонялись за собачью жизнь, за чародейство, за прелюбодейство, за убийство, за идолопоклонничество, и за всякую ложь и неправду; но то дивно, страшно, ужасно и исполнено многих слез и рыданий, что изгонятся за добродетельную жизнь. Почему же? А потому, говорит, что творили свою добродетель или лицемерно, или высокомерно и гордо, или осуждая других».

За лицемерие будут изгнаны те, кто совершает добродетель по-фарисейски, чтобы людям показаться добродетельными, чисто и непорочно живущими, творящими милостыню, богомольными, святыми, праведными и преподобными, овцами, а не козлищами.

За высокоумие будут изгнаны те сыны Царствия, которые хотя и не перед людьми, а втайне совершают свою добродетель, и только Бог один знает о ней, но в уме своем гордятся, считают себя святыми, совершенными, добродетельными и праведными: немощных, то есть грешников, осуждают, а себя считают добрыми, мнят себя сынами Царствия. Итак, за что изгонятся они? За одно только высокое мнение о себе, за гордость, за осуждение ближних.

А кто из нас не поражен этим диавольским недугом, кто из нас не превозносится, кто не осуждает ближних своих? Увы, таковых единицы. Таким образом, спасение наше также находится в великой опасности, ибо зачастую мы сами не в состоянии правильно оценить своего внутреннего устроения, кто мы и где пребываем.

До осуждения ли нам, когда наш мертвец лежит долу поверженный[46]? Как говорят святые отцы, «видящий пред собою лежащего своего мертвеца, о нем и плачет, и не обращает внимания на чужих мертвецов»[47]. По учению святых отцов, само осуждение есть плод гордости, а гордость ослепляет внутреннее наше зрение, так что мы совершенно не видим своего устроения, вперив глаза в ближнего своего.

Случается, мы говорим, что не считаем себя лучше того, кого осуждаем, но это есть настоящий самообман, так как если позволяем себе судить, значит, признаем себя лучше.

Есть еще один важный вопрос: почему же мы видим людей плохими, злыми, коварными и т. д.?

Святые отцы говорят, что дело совсем не в людях, а в нас самих. Через это раскрывается наше порочное устроение, а вовсе не наших ближних.

Именно через свой внутренний мир мы воспринимаем и мир, окружающий нас.

Для чистых все кажутся чистыми и добрыми, а для злых и исполненных страстей все бывают злыми и плохими. Один из древних отцов, преподобный Исайя[48], говорит: «У кого сердце чисто, тот всех людей почитает чистыми, но у кого сердце осквернено страстями, тот никого не почитает чистыми, но думает, что все ему подобны»[49]. И другой отец говорит: «Чистотою мысли нашей мы можем всех видеть святыми и добрыми. Когда же видим их дурными, то это происходит от нашего устроения»[50].

Итак, когда мы видим людей плохими и осуждаем их, то это – наша смертельная болезнь и нам самим необходимо лечиться.

Бывает и так, что мы не только сами кого-либо осуждаем, но вводим в соблазн и своих ближних. Поступая так, мы подпадаем сугубому (двойному) осуждению по слову Христа: *…горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит. …А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской* (Мф.18:7. 6).

А мы вводим в соблазн нашего ближнего, который может оказаться немощнее нас, передав нашу ложь другим. И вот от одного источника потечет целый поток зла на человека, возможно, совершенно невиновного, как это, впрочем, чаще всего и бывает.

За такое неразумие постигает нас гнев Божий, когда попускает нам самим впадать в те грехи и немощи, за которые мы судим ближних. Иногда мы можем быть подвергнуты тяжелым искушениям и скорбям для осознания своей вины, а также исправления.

Порой мы жалуемся, что у нас каменное сердце, и нет искреннего сокрушения и слезного покаяния. Часто это является наказующим последствием нашего нерадения в борьбе со страстью осуждения ближних: святые отцы говорят, что когда мы страждем этим недугом, Господь отнимает от нас дар благодати истинного покаяния.

По словам преподобного Исаака Сирина, человек, который дал волю языку своему говорить о людях и доброе, и худое, недостоин благодати покаяния. То же говорит и преподобный Исайя: «Кто осуждает грешников, тот изгоняет из себя покаяние»[51].

Более того, по словам святых отцов, осуждение может совершенно погубить нашу душу. Преподобный Иоанн Лествичник пишет: «Как гордость и без другой страсти сильна погубить человека, так и осуждение одно само по себе может погубить нас совершенно, ибо и фарисей оный за сие осужден был».

Случается, мы осуждаем начальство и духовенство, будучи хорошими мастерами в этом деле. Знали бы мы, какой ответ предстоит нам дать за эту дерзость, то и мысли такой боялись бы допустить. Этому имеется достаточно законоположений как в Ветхом и Новом Заветах, так и в учениях святых отцов.

Живой пример апостола Павла, представшего на суд перед Синедрионом, учит нас, как следует поступать, когда немощь наша побуждает осудить пастыря. Когда первосвященник Анания приказал бить его по устам, Павел сказал ему: *Бог будет бить тебя, стена подбеленная! Ты сидишь, чтобы судить по закону, и, вопреки закону, велишь бить меня*. Но узнав, что перед ним первосвященник, ответил: *Я не знал, братия, что он первосвященник; ибо написано: начальствующего в народе твоем не злословь* (Деян.23:3. 5). А ведь как первоверховный апостол, он имел право обличить его как нарушителя закона и как врага Христова, но, исполняя заповедь, не дерзает, предоставляя место суду Божию. Так будем и мы стараться поступать в подобных случаях.

Надо признать, что мы являемся настолько немощными, что не в состоянии видеть всех людей лучшими себя. В таком случае будем стремиться понуждать себя никоим образом не судить о людях. Апостол Павел учит: *…не судите никак прежде времени, пока не приидет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения…* (1Кор.4:5). Ибо все мы предстанем на суд Христов. И каждый из нас за себя даст отчет.

Итак, когда наступят святые дни покаяния, вместе с преподобным отцом нашим Ефремом Сириным будем умом и сердцем взывать ко Господу: «Господи, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего». Аминь.

О значении болезней для христиан

Пожалуй, трудно найти сегодня человека, который не страдал бы той или иной болезнью. Если не физические, то душевные недуги сопутствуют нам в течение всей жизни. Как часто это служит причиной нашего нетерпения, обвинения окружающих, ропота на самого Бога, а порою и отчаяния!

Тогда как терпеливое и благодарное перенесение до конца своих недугов принесло бы большую пользу для души.

Наши болезни – это выражение Божественной любви к нам нашего Творца, так как попускаются нам для пользы и спасения. Они никогда не бывают случайными, ибо обязательно служат для уврачевания наших духовных недугов путем невольного утеснения плоти.

Для большей убедительности приведу здесь одно из писем Святогорца[52], жившего на Афоне и имевшего благочестивый обычай писать письма духовного содержания своим друзьям в России.

«Мне нет нужды, да и не считаю приличным спрашивать вас: здоровы ли вы? Как инок, я строго держусь своих правил и, пожалуй, идя вопреки миру и его законоположений, лучше буду спрашивать вас: больны ли вы, друзья мои? Хвораете ли вы? Жаль, что если вопросы останутся без желаемого ответа, то есть очень жаль, если вы всегда и постоянно здоровы. “Ты с ума сходишь! – воскликнете вы, – ты мизантроп! Здоровье – драгоценный дар Божий, а ты какую чепуху плетешь: “жаль, если вы всегда здоровы”…

Я говорю вам, друзья, что я инок: значит, прав, если иначе чем вы и мыслю. Очень понимаю, что в мире едва ли не единственный вопрос и при встречах, и в письмах, и в беседах: как ваше здоровье? Здоровы ли вы? Если ответ: “здоров” – то “очень приятно слышать!” Само собой разумеется, да и никто не отвергает, что здоровье есть драгоценный дар Божий, но только ведь для праведника и для кающегося грешника; а для нераскаянного и нерадивого – дар опасный, которого если б не было, много раз счастливее мог бы быть несчастный грешник. Кто немного знаком с духом Священного Писания и помнит слова апостола: *Если вы без наказания остаетесь, которое всем обще, то вы – незаконные дети, а не сыны* (Евр.12:8), тот будет защищать меня. Кажется, на основании Священного Писания и праведники нимало не дорожат и не просят себе у Господа здоровья, в сладость терпя всякую скорбь и посещение наказующей их руки Божией, а кающиеся грешники часто молятся даже к Богу, да наведет Он на них болезнь и скорби временно, и да помилует вечно. Поэтому горе тому, кто, не зная иных путей, кроме разврата и мирских суетностей, постоянно здоров и не понимает, что такое страдальческая жизнь! Такому лучше бы есть золу и полынь, рыдать и плакать, чем радоваться здоровью как драгоценному дару Божию. Судите же после этого, как надобно понимать после этого цену болезни и здоровья. Если здоровье – драгоценный Божий дар, то нездоровье можно по справедливости назвать уже бесценным даром, потому что первое часто погружает нас в опасное самозабвение, питает страсти и требует греховного удовлетворения, тогда как последнее, то есть нездоровье, и нераскаянного грешника часто обращает на путь искреннего покаяния и правды. “Это так, – скажете, – да терпеть-то каково? Что ж делать?” Любим грех и сладострастия, так почему же не любить и следствие их – страдание?»

«Признаюсь по совести, – продолжает Святогорец, – что с изумлением смотрю здесь на одного русского схимника Панкратия, который уже шесть лет страдает ранами на ногах в такой степени, что сердце обливается кровью, если смотреть на его Иовские страдания.

Отец Панкратий, в миру Парамон, был господский человек. В детстве жестокая госпожа

водила его босиком глубокой осенью, когда уже снег и ледница покрывали землю. Парамон ходил за господскими гусями и утками, и с самой юности страдал жестоко. Бедный отрок не вытерпел: он тайно убежал от своей барыни, и во что бы то ни стало решил выбраться за границу, и ушел за Дунай, где несколько времени оставался в услужении у русских, тоже перебежавших за границу. Случай его прихода на святую гору Афон странен: он был задушевным другом одного из малороссов, который почему-то удавился. Чувственный Панкратий был сильно тронут и поражен вечною потерею сердечного друга: он пламенно молился о помиловании несчастного и, видя суетность мирской жизни, бросил все и удалился на Святую Гору. Здесь, в Русике, нашел он желаемое спокойствие духа, несмотря на то, что нога его уже сгнивала от ран, которые были следствием жестокой простуды.

Впрочем, как ни ужасны страдания отца Панкратия, он ликует себе и часто даже говорит мне: “Поверь, я согласен сгнить всем телом, только молюсь Богу, чтобы избавил меня от сердечных страданий, потому что они иногда невыносимы. Я смотрю на тебя и жалею, ты бываешь временами сам не свой от внутренних волнений. Ох, если сердце заболит, это бедовое дело! Это адское мучение, а мои раны, будь их в десятую часть более, – пустошь. Я не нарадуюсь моей болезни, потому что по мере страданий утешает меня Бог. Чем тяжелее моей ноге, чем затруднительнее боль, тем и веселее, оттого что надежда райского блаженства покоит меня, надежда царствовать на Небесах всегда со мною. А в Небесах ведь очень хорошо!” – с улыбкой иногда восклицает Панкратий.

– Как же ты знаешь это? – спросил я его однажды.

– Прости меня, – отвечал он, – на подобный вопрос я бы не должен тебе отвечать откровенно, но мне жаль тебя и твоих сердечных страданий, и я хочу доставить тебе хоть малое утешение моим рассказом. Ты видел, как я временами мучаюсь. Ох, недаром я вьюсь змеей на своей койке: мне бывает больно, тяжело, невыносимо! Зато что бывает со мною после, это знает только оно, – таинственно заметил Панкратий, приложив руку к сердцу…

– Ты помнишь, как я, – продолжал он, – метался от невыносимой боли на своей постельке, и даже что-то похожее на ропот вырвалось из моих уст? Но боль притихла, я успокоился, вы разошлись от меня по своим кельям и я, уложивши ногу, задремал. Не помню, долго ли я спал или дремал, только мне было видение. Я и теперь, только вспомню его, чувствую на сердце неизъяснимое райское наслаждение, и рад бы вечно болеть, только бы повторилось еще хоть раз в моей жизни незабвенное для меня видение. Так мне было хорошо тогда!

– Что же ты видел? – спросил я отца Панкратия.

– Помню, – отвечал он, – когда я задремал, удивительной ангельской красоты отрок подходит ко мне и спрашивает: “Тебе больно, отец Панкратий?” “Теперь ничего, – отвечал я, – слава Богу!” “Терпи, – продолжал отрок, – ты скоро будешь свободен, потому что тебя купил господин, и очень дорого”. “Как, я опять куплен?” – вопрошал я. “Да, куплен, – отвечал с улыбкой отрок, – за тебя дорого заплачено и Господин твой требует тебя к Себе. Не хочешь ли пойти со мной?” – спросил он. Я согласился. Мы шли по каким-то слишком опасным местам: дикие огромные псы были готовы растерзать меня, злобно кидаясь на меня, но одно слово отрока – и они вихрем неслись от нас. Наконец мы вышли на пространное, чистое и светлое поле, которому не было, кажется, и конца.

“Теперь ты в безопасности, – сказал мне отрок, иди к Господину. Видишь, вон Он сидит вдали”. Я посмотрел и действительно увидел Трех Человек, рядом сидящих. Удивляясь красоте места, радостно я пошел вперед; лики неизвестных мне людей в чудном одеянии встречали и обнимали меня; также множество прекрасных девиц в белом царственном убранстве видел я;

они скромно приветствовали меня и молча указывали на даль, где сидели Три Незнакомца. Когда я приближался к Сидевшим, Двое из Них встали и отошли в сторону, а Третий, казалось, ожидал меня. В тихой радости и каком-то умилительном трепете приблизился я к Незнакомцу.

– Нравится тебе здесь? – кратко спросил меня Незнакомец.

Я взглянул на лицо Его – оно было светло, царственное величие отличало моего нового Господина от людей обыкновенных. Молча упал в ноги к Нему и с чувством поцеловал их. На ногах Его были насквозь пробитые раны. После того я почтительно сложил руки на груди, прося позволения прижать к моим грешным устам и десницу Его. Не говоря ни слова, Он подал ее мне. И на руках его также были глубокие раны. Несколько раз я облобызал десницу незнакомца, и в тихой, невыразимой радости смотрел на Него. Черты моего нового Господина были удивительно хороши, они дышали кротостию и состраданием, улыбка любви и привета была на устах Его, взор выражал невозмутимое спокойствие сердца Его.

“Я откупил тебя у госпожи твоей, и ты теперь навсегда уже Мой, – начал говорить Он. – Мне жаль было видеть твои страдания, твой детский вопль доходил до Меня, когда ты жаловался на госпожу свою, томившую тебя голодом и холодом, и вот ты теперь свободен навсегда. За твои страдания я вот что готовлю тебе”, – Он указал мне в отдаление: там было очень светло, красивые сады в полном своем расцвете рисовались там, и великолепный дом блестел под их эдемской сенью. “Это твое, – продолжал Незнакомец, – только не совсем еще готово. Потерпи. Когда наступит пора твоего вечного покоя, Я возьму тебя к Себе. Между тем, побудь здесь, посмотри на красоты места твоего, потерпи до времени. Претерпевший же до конца спасется”.

– Господи! – воскликнул я вне себя от радости, – я не стою такой милости! При этих словах я бросился Ему в ноги и облобызал их, но когда поднялся, передо мною никого и ничего не было. Я пробудился. Стук в доску на утреню разнесся по нашей обители, и я тихонько встал с постели на молитву. Мне было очень легко, а что я чувствовал, что было у меня на сердце, – это моя тайна. Тысячи лет страданий отдал бы я за повторение подобного видения. Так оно было хорошо”».

На этом мы закончим сей чудный рассказ Святогорца о страстотерпце отце Панкратии. Из повествования мы еще раз убеждаемся, что в сущности любая болезнь – это целительный бальзам, которым Врач человеческих душ исцеляет наши греховные язвы, изводя из греховного плена к святой и богоугодной жизни.

Но иногда можно услышать и такое мнение: если болезни приносят такую неоценимую пользу, то не следует и обращаться к врачам за помощью.

Это ошибочное рассуждение, ибо и святые отцы советуют прибегать к врачебной помощи. Но при этом не следует всецело полагаться на искусство врачей и силу лекарств. Если Богу будет угодно, чтобы мы получили исцеление, то Он и врача вразумит, и лекарству даст целительную силу, но если нам полезно поболеть, то отнимает и то, и другое.

Святые отцы говорят, что тот, кто обращается за помощью к врачам, проявляет спасительное смирение, и напротив, тот, кто дерзновенно ожидает непременного исцеления от Бога, одержим пагубной гордостию. Обходиться без врачебной помощи свойственно только людям высокой духовной жизни.

А мы, не пренебрегая своим здоровьем, будем, однако, просить у Господа в первую очередь терпения в наших болезнях и скорбях, которыми по Своему милосердию Он готовит нас для жизни вечной. Аминь.

Слово о смерти. По творениям святителя Игнатия (Брянчанинова)

Смерть – великое таинство. Она – рождение человека из земной, временной жизни в вечность. При совершении смертного таинства мы снимаем с себя обветшавшую одежду нашей души – тело, и душевным нашим существом переходим в другой мир, в место обитания существ, однородных душе. Мир этот недоступен для грубого нашего тела, через которое своей душой мы ощущаем такой же грубый материальный мир.

Душа, исшедшая из тела, невидима и недоступна оставшимся на земле людям, как и всё, что принадлежит миру невидимому.

Видим только при совершении смертного таинства внезапную безжизненность тела, потом оно начинает разлагаться, и мы спешим скрыть его в землю. Там оно делается жертвою тления, червей, забвения. Так вымерли и забыты многие поколения людей. Что совершилось и совершается с душою, покинувшей тело? Это остается для нас, при собственных наших средствах к познанию, неизвестным.

Поистине великое и страшное таинство – смерть! До озарения человечества светом Христовым большею частию люди имели самые грубые и ложные понятия о бессмертии души; величайшие мудрецы язычества только догадывались и строили свои умозаключения о ней. Однако и сердце падшего человека, как ни было оно мрачно и тупо, постоянно осознавало свою вечность. Все идолопоклоннические верования обещают человеку загробную жизнь – жизнь или счастливую, или несчастную, соответственно земным заслугам.

Необходимо и нам, кратковременным странникам на земле, узнать нашу участь в вечности, ибо никто ее не минует. Если во время нашей краткой земной жизни все наши заботы сосредоточены на том, чтобы устранить от себя все печальное и окружить себя всем приятным; тем более должны заботиться мы о жизни нашей в вечности.

Что совершает с нами смерть? Что предстоит душе в загробной жизни? Неужели там нет воздаяния за добро и зло, совершаемые людьми на земле вольно или невольно? Неужели нет этого воздаяния, тогда как зло по большей части торжествует, а добро гонимо и страдает? Исходя из вышесказанного, нам весьма необходимо знать, что происходит с душой человеческой за гробом.

Таинство смерти объясняется нам словом Божиим, писаниями святых отцов Церкви, а для очищенных и утонченных благодатию Святого Духа чувств становится видимым непосредственно.

Смерть – разлучение души с телом, соединенных волею Божиею, и волею Божиею вновь разделяемых. Смерть – разлучение души с телом вследствие падения наших прародителей Адама и Евы, от которого тело наше перестало быть нетленным, каким было в начале своего создания. Смерть – казнь бессмертного человека, которою он поражен за преслушание Богу.

Смертию болезненно рассекается и раздирается человек на две части, его составляющие, и после смерти уже нет человека: отдельно существует душа его, и отдельно существует его тело.

И тело продолжает существовать, хотя видим, что оно разрушается и обращается в землю, из которой взято: оно продолжает существовать в тлении, как семя в земле, в ожидании вторичного соединения с душой, после которого оно сделается уже неподверженным этой видимой смерти. Тела особенных избранников Божиих остаются нетленными, будучи

проникнутые обильно благодатию Божиею и в самой смерти являют начало своего воскресения. Вместо зловония они издают благоухание, вместо того, чтобы разливать вокруг себя смертоносную заразу, они разливают исцеление всех болезней, разливают жизнь. Такие тела одновременно и мертвы, и живы: мертвы по естеству человеческому, живы по присутствию в них Святого Духа. Они свидетельствуют, в каком величии и святости создан Богом человек, и что это величие, эта святость возвращены искуплением рода человеческого воплощением и крестной смертию Сына Божия.

В то время, как тело уснуло сном смертным, что совершается с душою? Слово Божие открывает нам, что наши души после разлучения их с телами присоединяются – в соответствии с приобретенными во время земной жизни свойствами – к тем или иным духам. Душа, благостно почившая на земле в соответствии со Словом Божиим и отходящая в вечность с надеждою на милость Божию, присоединяется к духам святым, к ангелам. И напротив, душа самолюбивая, своекорыстная, не приобретшая своими трудами добрых дел в соответствии со Священным Писанием, присоединяется к духам падшим – бесам. Неоспоримые доказательства этому находим в Священном Писании и в писаниях святых отцов Церкви:

1. Господь обещал покаявшемуся разбойнику немедленное переселение душою с креста в рай. *Аминь глаголю тебе, ныне же будешь со Мною в раю* (Лк.23:43).
2. Страдалец, нищий Лазарь, отнесен был по кончине своей ангелами в отделение рая, называемое лоном Аврамовым, а умерший немилосердный богач, веселившийся во время земной жизни, на все дни света был низвергнут в ад (см. Лк.16:19–31).
3. Души праведных, разлучившиеся с телами, наслаждаются блаженством на небе в ожидании воскресения своих тел, как повествует нам тайновидец Иоанн Богослов; во аде, в ужасных муках ожидают его грешники (см. Апок.20:13). Когда вострубит труба воскресения, тогда рай представит небожителей для славного соединения с телами их, которые оживут от гласа Сына Божия (см. Ин.5:25), как услышал этот голос четвородневный Лазарь и ожил; ад представит мертвецов своих для Страшного Суда и окончательного приговора. После произнесения приговора и исполнения его удвоится блаженство праведников, а грешники возвратятся в ад свой для удвоенного мучения (см. Пс.9:18).

О состоянии праведников после воскресения Господь сказал, что они *яко ангели Божии на небеси суть* (Мф.22:30) *равни бо суть ангелом* (Лк.20:36). И, предвозвещая о Своем Втором Пришествии и Страшном Суде, Господь сказал, что тогда Он речет стоящим по правую Его руку праведникам: *Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира*; а стоящим по левую руку скажет: *Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его* (Мф.25:34–41).

И то верно, что воздаяние как праведников, так и грешников, весьма различно. Правосудие Божие воздаст каждому по делам его.

Не только небесных обителей бесчисленное множество, по свидетельству Спасителя, но и ад имеет множество темниц и различного рода мучений; согрешивший в ведении биен будет много, согрешивший в неведении биен будет мало.

Только христиане, проведшие земную жизнь благочестиво, или очистившие себя от грехов искренним раскаянием, исповедью пред духовником и исправлением себя, наследуют вместе со светлыми ангелами вечную жизнь и блаженство. Напротив того, нечестивые, то есть еретики и различного рода сектанты, и те из православных христиан, которые проводили жизнь в грехах и не искали излечения от них покаянием, наследуют вечное мучение вместе с падшими ангелами. Патриархи Восточно-Кафолической Церкви в послании своем говорят:

«Ду́ши людей, впавших в смертные грехи, и при смерти не отчаявшихся, но еще до разлучения с настоящей жизнью покаявшихся, только не успевших принести никаких плодов покаяния (каковыми являются молитвы, слезы, коленопреклонения на молитве, сокрушение сердечное, утешение бедных и выражение делами любви к Богу и ближним), нисходят во ад и терпят за учиненные ими грехи наказания, не лишаясь, впрочем, надежды облегчения от них. Облегчение же они получают по бесконечной благости, чрез молитвы священников и благотворения, совершаемые за умерших, а особенно силою Бескровной Жертвы, которую, в частности, приносит священнослужитель для каждого христианина о его приснопоминаемых, вообще же за всех повседневно приносит Кафолическая Апостольская Церковь».

Смерть грешников люта, – говорит Писание, а для благочестивых и святых она – переход от суеты и смятений житейских к нерушимому спокойствию, от непрерывных страданий к непрерывному и нескончаемому блаженству, переход с земли на небо и соединение с бесчисленным сонмом Ангелов и святых человеков. В ненасытном созерцании Бога и в непрестанном горении любовью к Нему заключается высшее и существенное наслаждение небожителей. Преподобный Макарий Великий рассуждает об этом следующим образом: «Когда исходит из тела душа человеческая, тогда совершается некое великое таинство. Если она повинна будет греху, то приступают к ней полчища демонов и ангелы супротивные и силы темные, и похищают душу во область свою. И не должно этому, как бы необычайному, удивляться; если человек, живя еще в сем веке, им покорился и повиновался, и соделался их рабом; тем более, когда исходит от мира, бывает им пленен и порабощен. Также, напротив, в отношении лучшего состояния должно разуметь: святым Божиим рабам и ныне предстоят Ангелы, и святые духи сохраняют и окружают их. А когда из тела изыдут, лики Ангельские, восприяв их душу, относят в свою страну, в мир святыни, и приводят их к Господу». Аминь.

[1] Священнодействия и молитвословия, совершаемые священником по нужде (церк.-слав. «требованию») отдельных лиц, часто – на дому: исповедь, причащение и соборование болящих, реже – освящение жилищ.

[2] Дароносица – переносной ящичек для ношения Святых Даров.

[3] Никифор Василаки (Νικηφόρος ὁ Βασιλάκης) (сер. XII в.) – византийский богослов.

[4] Святые благоверные кн. Феодор и Евпраксия, память совершается во второе воскресенье после Пятидесятницы.

[5] Один из рязанских знакомых Грибоедова, М.Н. Макаров, «оставил воспоминания о вечере августа 1826 года, когда Александр Сергеевич в его и С.Д. Нечаева присутствии читал отрывки из “Горя от ума”, – пишет в своей диссертации рязанский историк Виталий Толстов. – Тогда же Грибоедов сказал Макарову: “Я написал трагедию из вашей рязанской истории, ты прочтешь ее первым”. Имелась в виду трагедия “Федор Рязанский”».

[6] Советское название Владикавказа.

[7] Петер Симон (Петр-Симон) Паллас (нем. Peter Simon Pallas; 1741–1811) – знаменитый немецкий и русский ученый-энциклопедист, естествоиспытатель, географ и путешественник XVIII-XIX веков. Прославился научными экспедициями по территории России во второй половине XVIII века, внес существенный вклад в мировую и российскую науку – биологию, географию, геологию, филологию и этнографию. Написал «Заметки о путешествии в южное наместничество Российского государства в 1793–1794».

[8] Иоганн Антон (Антонович) Гильденште́дт (правильно: Гюльденштедт) (нем. Johann Anton Güldenstädt; 26 апреля 1745, Рига – 23 марта 1781, Санкт-Петербург) – естествоиспытатель и путешественник из балтийских немцев на русской службе. Один из первых европейцев, исследовавших быт и культуру осетин, ингушей и других северо-кавказских народов. Написал труд «Путешествии по России и Кавказским горам», выдержки из которого напечатаны по-русски под названием «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа»

[9] Ныне – диакон Александр.

[10] Снежная офтальмия или снежная слепота – ожог конъюнктивы и роговой оболочки глаза ультрафиолетовыми лучами солнца, отраженными от снежных кристаллов. Особенно часто возникает весной, в период «сияния снегов», когда отражательная способность снежного покрова возрастает. Зрение впоследствии восстанавливается.

[11] Покаянный канон ко Господу нашему Иисусу Христу.

[12] *Фаддей Булгарин.* Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове.

[13] *А.С. Пушкин.* Евгений Онегин.

[14] *Гоголь Н.В.* Выбранные места из переписки с друзьями.

[15] Стихира на «Хвалитех», 8-й глас.

[16] Святой равноапостольный император Константин Великий (306–337). Только после того, как он стал римским императором, гонения на христиан были остановлены. Однажды, накануне решительной битвы, он и все его войско увидели на небе знамение креста, составившееся из света, с надписью: «Сим побеждай». В следующую за тем ночь императору явился Сам Иисус Христос с Крестом в руке и сказал, что этим знамением он победит врага; и повелел устроить воинское знамя с изображением святого Креста. Константин исполнил повеление Божие и победил врага. Он принял христиан под свое покровительство и объявил веру Христову господствующею. Он отменил казнь через распятие и издал законы в пользу Церкви Христовой. За свои заслуги и усердие к распространению христианской веры Константин Великий с его матерью Еленою получили название святых царей равноапостольных, то есть равных апостолам.

[17] Место Кавказа в геополитике США. / Аналитическое агентство «АРИС» по заказу «Кавказской политики». – 2012.

[18] Венок на гробницу императора Павла I.: Издание Петропавловского Придворного собора. – 1916.

[19] Уровень сложности горы.

[20] *Софроний (Сахаров), архим.* Старец Силуан Афонский.

[21] По слову Спасителя: *Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Ин.13, 34–35).

[22] Ныне – архимандрит Лев.

[23] *Иеромонах Исаак.* Житие старца Паисия Святогорца. Гл.11.

[24] Теперь в ней находится трапезная.

[25] Правило преподобного Серафима Саровского, которое он благословлял исполнять неграмотным и много работавшим крестьянам: утром, в обед и вечером по три раза читать «Отче наш», «Богородице Дево, радуйся» и один раз «Верую», а в продолжении дня Иисусову молитву с утра и до обеда, а после обеда – «Пресвятая Богородица, спаси нас». В наше время правило преподобного Серафима часто понимается как чтение кратких молитв только утром и перед сном.

[26] ВАЗ 2102 – «двойка», как ее называли, – автомобиль с кузовом типа универсал, выпускался на Волжском автозаводе с 1971 по 1985 год.

[27] «Боже, очисти меня, грешного, так как я никогда не делал доброго пред Тобою». Утреннее правило, Молитва 1-я, святого Макария Великого.

[28] Святые Царственные страстотерпцы были прославлены 20 августа 2000 года.

[29] Молитвенное прошение за богослужением.

[30] Паремия – отрывок из Библии – Ветхого Завета – читаемый за богослужением.

[31] Военный историк генерал В.А. Потто.

[32] Из письма К.К. Родофиникину, 30 октября 1828, Тавриз.

[33] Он пишет, что выжил благодаря тому, что стремительно ворвавшаяся толпа обтекла его домик, оставшийся таким образом позади атаки, и что потом подкупил мусульман, но современники говорили о его связи с английской разведкой.

[34] Каждый христианин, исповедующий православную веру, принадлежит к народу Богоизбранному, – Новому Израилю.

[35] Заупокойный тропарь, который поют за панихидой.

[36] Песнопение Божественной литургии евхаристического канона.

[37] По установившейся в Русской Церкви традиции в красном облачении служат не только на Пасху и в Святую Пятидесятницу, но и в дни, когда празднуется память мучеников – красный цвет символизирует кровь, пролитую ими за Христа.

[38] «Видел ли кто тело праведника, оставленное душою? Нет от него зловония, не страшно приближение к нему; при погребении его печаль растворена какою-то непостижимою радостью». *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Размышление о смерти.

[39] Телеграмма митрополиту Гедеону, Ставропольскому и Владикавказскому.

[40] «Се бо прииде Крестом радость всему миру» – Ибо вот, пришла через Крест радость всему миру. Воскресная песнь.

[41] Преподобный Феодосий Кавказский, местночтимый святой. Его святые мощи пребывают в

Покровском соборе, в городе Минеральные Воды.

[42] *Иоанн (Захарченко), архим.* Проповеди. – Киев, 2000.

[43] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Отечник.

[44] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Отечник.

[45] *Димитрий Ростовский, свт.* Поучение на день памяти святого Алексия, митрополита Московского.

[46] «Что нам плакать о чужих мертвецах, когда свой мертвец лежит перед нами, – умерщвленная грехами душа наша». Из поучений преподобного Макария Оптинского.

[47] Там же.

[48] Творения святителя Игнатия (Брянчанинова).

[49] *Игнатий (Брянчанинов),свт.* Отечник.

[50] Преподобный Макарий Оптинский.

[51] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Отечник.

[52] *Сергий (Веснин), иеросхим.* Письма Святогорца.

Спасибо, что читаете вместе с «Азбукой веры».

Другие материалы раздела – azbyka.ru/fiction

Поддержать портал – azbyka.ru/kak-pomoch